

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *С.Ю. Бадалян*

Подписано к печати 22.12.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 460.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 4, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Титова Л.В.</i> К вопросу о происхождении Сокращенной редакции «Ответа православных» дьякона Федора Иванова	3
<i>Жалсанова Б.Ц.</i> Военная повинность бурят в XIX – начале XX в.	7
<i>Шахеров В.П.</i> Бюджетная политика администрации г. Иркутска в XIX – начале XX в.	11
<i>Шелегина О.Н.</i> Музейный мир Сибири в исторической динамике: проблемы и перспективы изучения	15
<i>Родигина Н.Н., Кузнецова Т.А.</i> Тема Сибири в частных и официальных педагогических журналах второй половины XIX – начала XX в.	19
<i>Зверев В.А.</i> Городское и сельское население Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: динамика воспроизводства	24
<i>Храмцов А.Б.</i> Реформы системы полицейского управления Западной Сибири в последней трети XIX в.	28
<i>Прахт Д.В.</i> Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX в.	33
<i>Запорожченко Г.М.</i> Потребительская кооперация Сибири начала XX в. как элемент развития гражданского общества: историография проблемы	37
<i>Рынков В.М.</i> Аграрный вопрос и межнациональные отношения в Забайкалье в 1918–1919 гг.	41
<i>Симонов Д.Г.</i> Восточный фронт армий адмирала А.В. Колчака (июнь–ноябрь 1919 г.)	45
<i>Петров С.Г.</i> Сопротивление обновленчеству в Карелии: протесты православных верующих Петрозаводска (1922–1923 гг.)	52
<i>Островский Л.К.</i> Советская власть и польское население Западной Сибири (первая половина 1920-х гг.)	56
<i>Калинина О.Н.</i> Льготы и привилегии партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в позднесталинский период (1946–1953 гг.)	59
<i>Андреевков С.Н.</i> Планирование производственной деятельности колхозов во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.	63
<i>Мелентьева А.П.</i> Эволюция личных приусадебных хозяйств сельского населения Сибири. Середина 1960-х –1990-е гг.	67
<i>Дашинамжилов О.Б.</i> Миграционные процессы в Сибири в 1989–2002 гг.	72
<i>Khatta Jatinder.</i> New Horizons: Possible Strategies to Promote Partnership in Research between India and Siberia	77

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Болдырева Н.Л.</i> А.З. Федоров – исследователь средневековых памятников г. Никольска-Уссурийского	83
<i>Кузнецов В.В.</i> Роль периодической печати в организации освоения целинных и залежных земель в Западной Сибири	86
<i>Фельдман М.А., Постников С.П.</i> Заметки по поводу монографии В.М. Рынкова «Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.)». Новосибирск, 2008 / Институт истории СО РАН. 440 с.	89
<i>Гурьянова Н.С.</i> Рец. на кн.: Роберт О. Крамми. Старообрядцы в меняющемся мире. Robert O. Crummey. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.	90
<i>Шишкин В.И.</i> Рец. на кн.: Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2011. 440 с.	92
<i>Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения»	94
<i>Перцева Т.А.</i> Новый том «Полярной звезды»	95
Памяти Михаила Борисовича Шейнфельда	97
Памяти Владимира Ивановича Бойко	99

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 821.161.1

Л.В. ТИТОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СОКРАЩЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ОТВЕТА ПРАВОСЛАВНЫХ» ДЯКОНА ФЕДОРА ИВАНОВА*

канд. филол. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: titova_istochnik@mail.ru

В статье на основе текстологического анализа двух вариантов текста (Пространного и Сокращенного) знаменитого программного сочинения дьякона Федора «Ответ православных» прослежены пути создания Сокращенной редакции. В результате сделан вывод об упрощении текста источника в связи с изменением его социальной функции, обусловленной сменой исторической ситуации после церковного собора 1666–1667 гг., когда для старообрядческих публицистов стало актуальным не столько тщательное сопоставление старых и новых книг, сколько оценка возникшей в России ситуации как времени наступления царства антихриста.

Ключевые слова: старообрядческая публицистика, компиляция, цикл сочинений, рукописи, редакции, дьякон Федор, протопоп Аввакум.

«Ответ православных», написанный дьяконом Федором в 1668–1669 гг. от имени всех пустозерских узников – протопопа Аввакума, священника Лазаря, соловецкого инока Епифания, представляет собой свод их возражений против церковных нововведений и выражает их точку зрения на переживаемое «последнее» время. «Ответ» являлся важнейшим документом для всего старообрядческого мира конца XVII – начала XVIII в. и активно использовался защитниками старого обряда при обсуждении самых разных вопросов, связанных с церковной реформой. Известны две редакции текста «Ответа православных»¹: Пространная и Сокращенная. Именно Сокращенная редакция, выполненная на основе Пространной поздним редактором, была опубликована Н.И. Субботиным [2, с. 269–303]. В настоящее время известно 14 списков Сокращенной редакции «Ответа православных», причем все они входят либо в определенные циклы из сочинений протопопа Аввакума и дьякона Федора, либо в старообрядческие компиляции первой половины XVIII в., составленные на основе их сочинений. Это следующие списки:

- 1) РГБ, собр. Барсова (ф. 17), № 1197.6, первая пол. XVIII в., 8°, скоропись, л. 1–28 (без конца) – (далее Бр. 1197.6);
- 2) УрГУ, 123р/1435. Сер. XVIII в., 16°, полуустав с элементами скорописи, л. 1–56 [3, с. 17] – (далее Ур.);
- 3) РНБ, собр. Вяземского, О. 5. Середина XVIII в., 8°, полуустав с элементами скорописи, л. 43 об. – 113 [4, с. 185–190] – (далее Вяз.);
- 4) РГБ, собр. Барсова (ф. 17), № 316, вторая пол. XVIII в., 8°, полуустав, л. 1–83 (без конца) – (далее Бр. 316);
- 5) РГБ, собр. Барсова (ф. 17), № 893, вторая пол. XVIII в., 8°, полуустав, л. 1–71 – (далее Бр. 893);
- 6) РНБ, собр. ОЛДП, О. 7. XVIII в., полуустав с элементами скорописи, л. 79–95 – (далее Пб. 7);
- 7) БАН, 19.2.35. 60-е гг. XVIII в., 8°, полуустав разных почерков на разной бумаге, л. 1–7 [5, 97–99] – (далее Ак.);
- 8) РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1885. Кон. XVIII в., 4°, полуустав. Цикл на л. 1–39 об. – (далее Ег);
- 9) РГБ, собр. Тихонравова, (ф. 299), № 721. Нач. XIX в., в лист, 345 л. Цикл на л. 1–38 об. – (далее Тх);
- 10) БАН, собр. Дружинина № 729 (772). Нач. XIX в., 4°, полуустав, 168+II л. Цикл на л. 61–83 об. [5, 194–196] – (далее Др);
- 11) ГИМ, собр. Хлудова, № 257. XIX в., 4°. Цикл расположен на л. 1–58 [6, с. 508–512] – (далее Хл);

¹ Список Полной версии «Ответа православных» из Пустозерского сборника В.Г. Дружинина (БАН, собр. Дружинина №746 (790), созданный в 1670-е гг. в Пустозерске и содержащий основные сочинения пустозерских писателей (в автографах и списках), впервые опубликован в 2001 г. [1, с. 170–224].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

12) РГБ, собр. Костромское (ф. 138), № 99. 1871 г., в лист, 94 л. Цикл на л. 1–28 об. – (далее Костр.)²;

13) РГБ, собр. Барсова (ф. 17) № 966. XIX в., в лист, полуустав, 234 л. Цикл на л. 1–32 об. – (далее Барс. 966);

14) РГБ, собр. Попова (ф. 236) № 214 (2548). 1881 г., 4⁰, полуустав, 166 л. Цикл на л. 1–24 об. – (далее Пв).

Текст Сокращенной редакции во всех названных списках представлен двумя вариантами. Основная масса списков (№ 1–7) передает наиболее полный и логически завершённый текст Сокращенной редакции (назовем его Основным вариантом редакции), другой, Особый, вариант известен нам в настоящее время также в семи списках (Ег 1885, Тх 721, Др 772, Хл 257, Костр. 99, Барс. 966, Пв 214), причем последние четыре списка представляют собой текст Особого варианта с перестановкой: текст «Сказания об Аввакуме, Лазаре и Епифании...» здесь помещен перед текстом «О богоотметничестве Никона...», сопровождающим, а точнее, завершающим как Пространную, так и Сокращенную редакции «Ответа»³.

Главное и приметное отличие Основного варианта Сокращенной редакции от Особого – в составе сборников, в которые они входят. Тексту каждого варианта соответствует определенный подбор сочинений. Так, текст Основного варианта устойчиво сохраняется в старообрядческой компиляции первой половины XVIII в., состоящей из переработанных полемических сочинений выдающихся старообрядческих писателей XVII в. дьякона Федора и протопопа Аввакума. Основу компиляции составляют два сочинения: первое – Сокращенная редакция «Ответа православных» (в компиляцию она вошла полностью, второе сочинение – «Собрание отца Аввакума протопопа от Божественного Писания на обличение отступников, на утверждение верным» [7], содержащее умело сделанные выдержки из «Книги бесед» Аввакума.

Важным для понимания замысла составителя данной подборки оказался текст, предшествующий этим двум сочинениям: «Сказание священнодьякона Федора, страдальца и исповедника, мученика сожженного». Это не что иное, как известное по изданию Н.И. Субботина «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании» [2, с. 45–49], описывающее заседание церковного собора 1667 г., кровавую казнь священника Лазаря и соловецкого инок Епифания на Болотной площади 27 августа 1667 г.

Это небольшое историческое сочинение пользовалось у старообрядцев необыкновенной популярностью и всегда приписывалось в рукописях дьякону Федору Иванову. Под его именем оно было издано и в старообрядческом сборнике XVIII в. с тем же названием, что и в опубликованном Н.И. Субботиним тексте – «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании», вместе с «Прением» дьякона Федора с Афанасием, митрополитом Иконийским, «Мучением неких старец исповедник Петра и Евдокима» и «Историей о соловецких страдальцах» [8].

Главное отличие этого текста в компиляции от изданных касается концовки сочинения, принадлежащей, несомненно, позднему редактору⁴, который завершает «Сказание...» Федора не только молитвой, но и исторической справкой о дальнейшей судьбе осужденных лидеров старообрядчества: о ссылке в Пустозерский острог, о второй казни, состоявшейся в 1670 г., и о последней их огненной казни – сожжении за проповедь «истинной веры православной»:

Последиже со отцем Аввакумом, священнопротопопом, пострадаша, от нечестивых и от еретиков огню предани быша, и тако скончашася о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки. Аминь⁵ (л. 6 об.).

Так прояснился замысел составителя компиляции: «Сказание» Федора выполняло в этой подборке текстов функцию вступления к двум основным полемическим памятникам, содержащим – в адаптированном и упрощенном виде – основные пункты возражений старообрядцев против церковной реформы патриарха Никона; оно создавало исторический и нравственный фон для восприятия читателем следующих далее обличений и оценок никониан как еретиков и палачей.

Наличие такого вступления свидетельствует о том, что сочинения дьякона Федора и протопопа Аввакума в компиляции середины XVIII в. представляют собой единый текст, содержащий «реферат» основных положений старообрядческой доктрины и выполняющий роль и учебного, и агитационного произведения, основанного на сочинениях «отцов-основателей».

Подтверждением такого понимания данного цикла текстов как композиционного единства является его устойчивое существование в рукописной традиции.

В настоящее время нам известно семь списков⁶, содержащих – с той или иной степенью полноты – текст компиляции, в составе которой находится Основной вариант Сокращенной редакции «Ответа православных».

² Текст рукописи представляет собой копию сборника ГИМ, собр. Хлудова, № 257 (исключено только Житие протопопа Аввакума).

³ Собственно, первоначальный текст «Ответа православных» сохранился в единственном уникальном пустозерском сборнике (РГБ, собр. Барсова, № 883), который в дальнейшем дьяконом Федором был дополнен статьями «О молитве Иисусове», «Сказание ... о превращении новых книг...», «О служебниках» и «О волке, и хищнике, и богоотметнике Никоне ...» (см.: БАН, собр. Дружинина, № 746. л. 1 об.–94). Именно этот дополненный текст дьякона Федора представляет Пространную редакцию «Ответа православных», широко известную в старообрядческих кругах. На основе Пространной редакции создавался текст Сокращенной редакции, включившей в кратком виде все статьи Пространной, не нарушая их последовательности, именно поэтому мы считаем, что «Сказание об Аввакуме, Лазаре и Епифании...», помещенное перед статьей «О волке, и хищнике, и богоотметнике Никоне ...», разрушает единство «Ответа православных», что еще раз подтверждает вторичность Сокращенной редакции.

⁴ Позднему редактору принадлежит и заглавие текста, сообщающее о судьбе Федора («исповедника, мученика сожженного»).

⁵ Здесь и далее тексты Основного варианта Сокращенной редакции «Ответа православных» цитируются по нашему изданию [7]. Ссылки на листы даются в тексте статьи в круглых скобках.

⁶ См. выше перечень этих списков (№ 1–7).

Что касается «конвоя» компиляции, то она, как правило, сопровождается отдельными беседами из «Книги Бесед» протопопа Аввакума и «Виноградом Российским» Семена Денисова. Списки с текстом Сокращенной редакции «Ответа» по известным нам спискам компиляции практически не имеют разночтений.

Тексты Особого варианта Сокращенной редакции «Ответа православных» входят в состав рукописных старообрядческих сборников, содержащих сочинения протопопа Аввакума (включая его знаменитое Житие) и инока Епифания.

Текст Основного вида Сокращенной редакции «Ответа», включенный в компиляцию, по сравнению с Особым⁷, практически не имеет расхождений. Изменения касаются перестановки отдельных слов и незначительных дополнений текста, не имеющих принципиального значения, таких как: «...и теми *святыми книгами*...» (л. 7) – «...и теми *книгами святыми*...» (с. 269); «...Иосиф Волоцкой, в Книге своей пишет, в *седмом слове*...» (л. 8) – «...Иосиф Волоцкой, в Книге своей пишет, в *Слове 7–м*...» (с. 271); «О мятежницы *церковнии*, Никоновы ученицы...» (л. 8) – «О мятежницы, Никоновы ученицы...» (с. 271) и др.

Рукописная традиция Сокращенной редакции тщательно еще не изучалась, поэтому возможно выявление новых списков. В пределах данной статьи нет возможности показать все изменения, касающиеся текста в списках Основного и Особого вариантов Сокращенной редакции (подробный их анализ будет предложен в нашей статье в сборнике статей «Археография и источниковедение Сибири» вып. 30), здесь мы лишь отметим, что списки Основного варианта наиболее приближены к протографу Сокращенной редакции.

В рамках настоящей статьи основное внимание мы уделим расхождениям Пространной и Сокращенной редакций «Ответа православных».

В Сокращенной редакции, как и в Пространной, выявляются ошибки, внесенные в Символ веры, дается перечень и анализ ошибок церковной реформы в исправлении богослужебных книг и самого ритуала богослужения, обличаются последователи никоновых реформ, «отступники» от правой веры. Все это делается на основе Пространного текста «Ответа православных», написанного от имени всех пустозерских узников дяконом Федором. Что же представляет собой текст позднего редактора? Как он сокращает текст оригинала, какие именно фрагменты сочинения пустозерских отцов отбирал редактор для нового использования? Как происходит собирание частей старой культуры для жизни старообрядцев в новых условиях?

Сопоставляя тексты Пространной и Сокращенной редакций, мы видим, что поздний редактор стремился прежде всего устранить подробности, которые, на его взгляд, могли отвлекать читателя от главной темы, показать основные ошибки церковной реформы, а главное, осудить ее исполнителей, доказать неизбежность истинной веры, заповеданной отцами, а также призвать единомышленников неотступно следовать отеческим преданиям, бороться до конца за свои убеждения.

Начинает он свое сочинение с раздела «Свидетельства о исповедании Святаго Духа в Символе православных веры». Подробнейшее вступление, посвященное характеристике всех изменений (по пунктам) в Символе веры, последовательно проведенных патриархом Никоном, он опускает [1, с. 179–181]⁸.

Автор Сокращенной редакции останавливается лишь на одном, но особо важном пункте, на изъятии из 8-го члена Символа веры слова «истинный», определения, приложенного к Господу: «и в Духа Святаго Господа истинного и животворящего». Здесь он как будто следует за Пространной редакцией, но избирательно.

Нет и подробного перечня всех книг, в которых присутствует эпитет «истинный». Указание на книги, сохранившие правильное чтение 8-го члена Символа веры, в Сокращенной редакции имеется, но оно очень краткое по сравнению с Пространной редакцией. Сравним тексты:

Пространная редакция	Сокращенная редакция
«...в Часословах, во Псал<тырях> с воследованием и Требниках, и Минеях общих и месячных, декабря и генваря, в Царских Часех, во всех: “и в Духа Святаго Господа истинного и животворящего”...» И в Книге “о правой веры”, в четвертой главе, о Святем Дусе: “... и в Духа Святаго, Господа, истинного и животворящего”. И в Книге, иже глаголется Кирила Иеросалимского: “... и в Духа Святаго, Господа, истинного и животворящего”, чти лист 89, 127, 258, 380, и 383, 405, 416, и лист 507 совершенно. «И в киевских Часословцах, печатаных в Печерском монастыре в лето от Рождества Христова 1660 году, и в тех: «...и в Духа Святаго, Господа истинного и живот<ворящего>», – и прочая вся Символа добре...» И в книге Большом Катихисисе: “...и в Духа Святаго, Господа, истинного и животворящего”... (с. 181–182)	«Да в киевских Часовниках, печатных в Печерском монастыри от Рождества Христова 1666 году, и в тех печатано: «и в Духа Святаго, Господа истинного», и в «Книге правой веры», и Кирила Иеросалимского, и в ней пространно пишет, и в книге Катихисисе также ...» (л. 7 об.)

⁷ Здесь и далее сопоставляемые тексты Особого варианта Сокращенной редакции «Ответа православных» цитируются по публикации Н.И. Субботина. Ссылки на страницы даются в тексте статьи в круглых скобках.

⁸ Пространная редакции «Ответа православных» далее цитируются по нашему изданию [1]. Ссылки на страницы даются в тексте статьи в круглых скобках.

Без сомнения, редактору Сокращенной редакции был известен полный текст Пространной (авторской) редакции, поскольку начальную часть об изменении Символа, ее следы мы наблюдаем в виде отдельных фрагментов в тексте Сокращенной редакции.

Особо следует указать на тот факт, что редактор все просторечные, эмоционально окрашенные фрагменты замещает нейтральными: так, давая характеристику главному, по мнению старообрядцев, виновнику в проведении церковной реформы – патриарху Никону и его приспешникам, дьякон использует яркие, уничижительные метафорические образы, которых мы не находим у составителя Сокращенной редакции. Сопоставим тексты :

Пространная редакция	Сокращенная редакция
...и Символ такожде повредил Никон, отступник и враг креста Христова, <i>истинного</i> истребил и прочая догматы превратил, и святых оболгал, яко святии <i>истинного</i> не прияша и протчая догматы не тако держаша, глагола лстивый, <u>его же истинный Господь тако же выкинул ис церкви своея, якоже и инаго отступника Мелетия Смотрицкаго, неизреченнаго своими судьбами. И не сме никто же дерзнути от начала веры в пре<д>идущих родах <i>истинного</i> из Символа изметати в Руской земли, токмо един враг церкви Христовы и противник Евангелию Сына Божия Никон воста на <i>истинного</i> с прельстившимися от него, из книг изверже, и сам извержен бысть от ласкающих его прежде и дары приемлющих. Егда убо оныя лисы приимаху от Никона злато и сребро, и соболи, тогда и догматы его похваляху и Господем его нарицаху. Егда же онаго слава увяде, тогда и руце свои на нь возложиша и сана лишиша. Но, - о горе живущим на земли! - аще и пес изгнан бысть, но блевотина его и доднесь сладце полизоваема пребывает от любящих ту и невидящих.</u> Той бо окаянный Никон вселенную возмуди и церковныя догматы и уставы отеческия вся преврати собранием пестроты от различных книг... (с. 190–191)	... Символ такожде повредил Никон, отступник и враг креста Христова, <i>истинного</i> истребил и прочая догматы превратил, и святых оболгал, яко святии <i>истинного</i> не прияша и протчая догматы не тако держаша, глагола лстивый и враг церкви Христовы и противник Евангелию Сына Божия Никон с прельстившимися от него. Той бо окаянный Никон вселенную возмуди и церковныя догматы и уставы отеческия вся преврати собранием пестроты от различных еретических книг... (л. 9 об.–10)

В самом тексте о «погрешении в Символе о истинном Святом Духе» следует отметить одно различие – не большое, но принципиальное для понимания движения текста от Пространной редакции к Сокращенной: говоря о дореформенных изданиях книг, в которых присутствует «истинный», называются цари и патриархи, при жизни которых они печатались, в Пространной царь Алексей Михайлович именуется «нынешним государем», в Сокращенной его имя отсутствует. Нет здесь и рассказа о судьбах последних патриархов русских. Сравним тексты:

Пространная редакция	Сокращенная редакция
Во всех московских православных книгах, печатных при благочестивых царех: Иоанне Васильевиче, Феодоре Иоанновиче, Михаиле Феодоровиче и при <u>нынешнем государе царе Алексее Михайловиче</u> и при пятих святейших московских патриарсех до Никона-отступника, возмутившаго святую церковь... От пятих же святейших патриарх два исповедника: Гермоген и Филарет. Святейший Гермоген пострада за церковь Христову от злочестивых поляк, заморен бысть голодом в Чюдове монастыре, владущим им тогда Москвою после Ростриги. Святейший же Филарет в Полши от нечестивых же ляхов пострада много лет за церковь же святую, но благочестия не предал и с победою возвратися во свое отечество, и о сих писано во своих местех. Нам же о настоящем деле глаголати истинну подобает на утверждение верным... (с.181)	«Во всех московских православных книгах, печатных при благочестивых царех Иване Васильевиче, Феодоре Ивановиче, Михаиле Феодоровиче и при пяти святейших московских патриарсех до Никона-отступника, возмутившаго святую Церковь... (л. 6 об.–7)

В целом текст Сокращенной редакции отличает умелое обращение с источником, сокращение которого в основном происходит за счет исключения из него пространных «свидетельств» в защиту веры, цитат из Священного писания и сочинений церковных авторов, а также исторических (и легендарно-исторических) рассказов.

Сопоставление текстов Пространной и Сокращенной редакций показало, что поздний редактор стремился прежде всего устранить подробности, которые, на его взгляд, могли отвлекать читателя от главной темы, показывать основные ошибки церковной реформы, осудить ее исполнителей, доказать незыблемость истинной веры, заповеданной отцами, а также призвать единоверцев неотступно следовать отеческим преданиям.

Особо следует учитывать, что переделка «Ответа православных» в Сокращенной его редакции была связана не только с желанием старообрядческих полемистов упростить текст, приспособить его к уровню знаний читателя из городских низов, но и с тем, что менялась социальная функция «Ответа». Подробнейший и тщательный подбор аргументов – исторических, вероисповедных, филологических, которые подготовил дьякон Федор для спора с творцами и проводниками реформы, – в ожидании дискуссии на церковном соборе, – оказался невоспребованным ни церковной, ни светской властью, увидевшей в действиях противников реформы только непокорство, непослушание властям и невежество. После решений собора 1666–1667 гг., осудившего старообрядцев как врагов церкви и государства, надежда на справедливый суд стала угасать, и для старообрядческих публицистов становится актуальным не столько тщательное сопоставление старых и новых книг, старых и новых обрядов, сколько оценка существующей в России ситуации как времени наступления царства антихриста, начала «последних времен».

В этих изменившихся условиях тщательная и подробная аргументация «Ответа» стала не нужна, важно было сохранить основные вероисповедные принципы и идеалы, пробудить решимость людей идти до конца в борьбе за свои убеждения.

Как видно из сказанного, Сокращенная редакция вторична и зависима от Пространной. И, несомненно, авторство Сокращенной редакции не следует связывать с именем дьякона Федора, скорее всего оно принадлежит создателю старообрядческих компиляций первой половины XVIII в. (списки Сокращенной редакции, Основного ее вида, «Ответа православных» входят в компиляции) [7]. Как выяснилось в ходе работы с компиляциями, создавались они последователями лидеров старообрядчества XVII в. на основе их сочинений (и прежде всего на основе сочинений «пустозерских отцов» – Аввакума, Федора и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демкова Н.С., Титова Л.В. Полемика пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание в литературе XVI–XX вв. Новосибирск, 2001.
2. Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1881. Т. 6.
3. Каталог старопечатных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. Часть вторая.
4. Описание рукописей князя П.П. Вяземского // ОЛДП. СПб., 1902. Вып. СХІХ.
5. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев / сост. Н.Ю. Бубнов.
6. Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.
7. Духовная литература староверов России XVIII–XX вв. Новосибирск, 2011. Т. 3.
8. Старообрядческий сборник, начинающийся «Историей о отцах и страдальцах Соловецких». Супрасль, [ок. 1789 г.].

УДК 94(571)“18/1917”

Б.Ц. ЖАЛСАНОВА

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

канд. ист. наук
Национальный архив Республики Бурятия
г. Улан-Удэ
e-mail: butit62@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы привлечения бурят к несению воинской повинности в XIX – начале XX в. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. буряты были освобождены от воинской повинности, что привело к изоляции бурятских сообществ. В статье рассмотрены попытки правительства возобновить призыв инородческого населения в связи с переходом к всеобщей воинской повинности и использовать инородцев на тыловых работах во время Первой мировой войны; показана реакция бурятского населения и национальной интеллигенции на правительственную политику.

Ключевые слова: буряты, Восточная Сибирь, рекрутская повинность, воинская повинность, степные думы, инородческие управы, Первая мировая война.

В статье рассматривается проблема привлечения бурят к отбыванию воинской повинности в XIX – начале XX в., как одному из направлений политики Российского государства по включению этого этноса в общеимперское правовое пространство. Согласно определению, воинская повинность является установленной российским законодательством обязанностью

мужчин нести военную службу по защите Родины.

В соответствии с § 42 Устава об управлении инородцев Сибири 1822 г. «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»¹, тем са-

¹ ПСЗ РИ. СПб., 1830. 1-е собр. Т. XXXVIII. Ст. 29126. С. 369.

мым буряты были освобождены от несения воинской повинности. Надо отметить, что буряты и эвенки начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. С заключением же договора сразу была организована пограничная охрана из 25 караулов, при каждом из которых «состояло 5–10 юрт (семейств) тунгусов или бурят. Наблюдение за пограничными маяками и за переходом за границу скота и людей вверено было инородческим родам и весьма малой части русских, поставленных более для надзора» [1, с. 20–21].

По указу Екатерины II от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы четыре бурятских полка, которые получили название бурятского нерегулярного войска и находились на полном содержании бурятских обществ. Учреждением бурятских полков успешно был разрешен вопрос об охране границ в Забайкалье [1, с. 181–184].

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое для России время свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур» за 1862 г.:

«В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза! Напрасно иркутский губернатор Н.И. Трескин просил добряков письмом на имя хоринского тайши Галсана Мардаева не беспокоиться, потому что русские уже разбили в пух и прах все бесчисленные полчища французов и их союзников немцев: буряты заподозревали Иркутское губернское начальство в измене Белому царю и продолжали готовить себе винтовки и стрелы с сайдаками; практиковались в стрельбе в цель и тулуны (кожаные мешки) под добычу и т.п., так по крайней мере доносил тайша губернатору.»

Далее отмечалось, что «хоринцы поднялись летом 1812 г., в апреле 1813 г. тайша получил письмо о прекращении вооружения, а в январе 1815 г. приезжал из Иркутска чиновник благодарить храброе хоринское иррегулярное войско за преданность русскому правительству и вместе с тем объяснить, что, так как за окончанием войны со славой для России в поголовном вооружении уже не предстоит надобности, то русскому правительству было бы приятно, если бы хоринцы усилили земледелие, занялись уходом за скотом и проч.»².

Несмотря на законодательное освобождение бурят от воинской повинности, со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровнях периодически поднимался вопрос об их привлечении к воинской службе. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об охвате кочевых инородцев милиционной военной службой. На инородческую милицию предполагалось возложить «земскую службу, как например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев

в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т.п.»³. В ответ на требование о предоставлении сведений о возможности несения милиционной службы бурятами Агинская степная дума отписывается, что «по неопытности, необразованности и незнанию русского языка, а также по образу кочевой жизни инородцев, составить со своей стороны предположения не может»⁴.

1 января 1874 г. был принят Манифест «О введении всеобщей воинской повинности», на основании которого утвержден Устав о воинской повинности. Объявлялось, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»⁵. С введением Устава о всеобщей воинской повинности положение инородцев изменилось следующим образом: в Манифесте было определено, что «действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев», в том числе «на неотбывавшее до сих пор рекрутской повинности ни натурой, ни деньгами инородческое население Восточной Сибири»⁶.

С принятием Устава о воинской повинности возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев, в том числе и бурят, к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В том же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое обследование с целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и их политическую лояльность империи. Например, Ольхонская степная дума дала ответ: «В случае призыва на службу таких инородцев, у которых не будет оставаться в семье других работников, кроме их самих, место мужа или отца для детей, равно и сына для престарелых родителей могут, по мнению думы, заступать их ближайшие или дальние, но живущие отдельно родственники, а если родственников нет, то и посторонние люди, участие которых к таким семействам можно ручаться уже по одному тому, что между ними никогда нет нищих. Кроме того, инородцы, хотя и не связаны кровным родством между собой, но считают себя и живут по большей части как бы родственники, лишь бы они были одного рода и улуса»⁷.

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнивании их во всех правах и

³ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 6 об., 8.

⁵ ПСЗ РИ. СПб., 1876. 2-е собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. С. 1–2.

⁶ Там же. С. 2, 27.

⁷ НАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 42–42 об.

² Амур. 1862. 11 марта.

обязанностях с крестьянами, в том числе в несении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к нравственному развитию инородцев, будут способствовать распространению среди них образования и, самое главное, увеличат доходы государства [2, с. 112–113]. По этому поводу агинские буряты в 1879 г. отвечали, что они «при кочевой жизни в степных местах и незнании русского языка еще далеко не освоились с обычаями и общественным управлением крестьян, а подходя более к бродячим инородцам, мы не занимаемся хлебопашеством, как инородцы других ведомств Восточной Сибири, по случаю степной местности нами обитаемой, годной единственно для скотоводства, которое и составляет источник нашего существования..., а потому подчинение нас, бурят Агинского ведомства, общим законам империи с привлечением к воинской повинности, уменьшением количества владимой нами степной земли с изменением существующего ныне порядка управления (упразднением Степных дум и инородных управлений), мы признаем по изложенным выше причинам и особенностям нашей жизни преждевременным и могущим принести для нас вред, как в нравственном, так и в материальном состоянии, а для государства не могущим принести существенной пользы»⁸.

Эти факты свидетельствуют о готовности бурят к несению воинской службы в той или иной форме, но в целом их отношение к воинской повинности было отрицательным. Администрация большинства сибирских губерний и областей выразила согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутриполитические интересы, связанные, прежде всего, с дальнейшей русификацией. Тем не менее военный министр Д.А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности инородцев, снова отложил на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе [2, с. 118].

Следующей попыткой региональной администрации стало издание в 1890 г. проекта военного губернатора Забайкальской области М.П. Хорошхина о привлечении бурят к воинской повинности, согласно которому буряты ежегодно должны были собираться в мирное время на учебные сборы на четыре или пять недель. Для образования бурятской национальной милиции должны были привлекаться буряты в возрасте 21 года, но не более 250 чел. от всего бурятского населения области, и таким образом, в течение четырех лет из четырех возрастов 21, 22, 23, 24-летних образовался бы один полк в 1000 чел. Впоследствии с запасными бурятская милиция должна была состоять из 4 полков обученного войска⁹. Целью привлечения бурят к воинской повинности было создание бурятской милиции, которая несла бы гарнизонную службу в случае войны с Китаем, например, ее представители

могли бы служить конвоирами, проводниками войск, ходить в разведку¹⁰.

Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Как я, так и все мои сородичи, поселившиеся в недалеком расстоянии от китайской границы, обязаны охранять неприкосновенность престола Его Императорского Величества, охранять интересы Его и защищать границы, принадлежащие России, в подданство которой наши монголы-буряты перешли с лишком 200 лет тому назад. Я полагаю, что в случае каких-либо военных действий, они строго будут держаться к защите своих границ и оберегать как границы России, так и свои жилища и свою имущественность. Я полагаю, что должно настать время, когда забайкальские буряты должны быть привлечены к отнесению воинской повинности»¹¹.

Агинские и хоринские буряты стали активно ходатайствовать об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, суровыми климатическими условиями, незнанием русского языка. Военный губернатор распенил это как намеренное уклонение от воинской службы¹², на что агинские буряты отвечали: «... Чем могли буряты вызвать такое замечание Его Превосходительства, тогда как хоринские буряты не только не думали намеренно уклоняться от исполнения какой-либо службы в пользу Отечества, но они, питая безупречную любовь и преданность Царю и Престолу, неоднократно доказали свою верность и неизменную покорность как со времени принятия добровольного подданства, охранением русско-китайской границы, о чем свидетельствуют не только устные предания, но и государственные документы, как патент императора Петра II, данный хоринскому тайше Шодо Больтирикову от 4 июня 1729 г., так последующее поколение доказало неизменную преданность своему Отечеству уступкою своих удобных земель для поселения русских, оказали значительные услуги при взятии Амура, как пожертвованиями в пользу Аянских и других переселенцев, добровольного флота и раненых и больных воинов, так и передвижением войск и крепостных орудий на Амур, исправным платежом ясака и повинностей»¹³. Кроме того, они просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного межевания земель и переустройства их быта, образа жизни. Вопрос о привлечении бурят к службе в милиции снова был отложен на неопределенный срок.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечь сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом ее работы стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о ре-

⁸ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 39–42.

⁹ Там же. Д. 3855. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11–13.

¹¹ Там же. Д. 3855. Л. 10.

¹² Там же. Д. 2862. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 3855. Л. 8–8 об.

зультатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору, предложения министра были утверждены. Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса.

Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. При Главном управлении Генерального штаба была организована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательное и возможно.

Внесению изменений в Устав о всеобщей воинской повинности помешала начавшаяся Первая мировая война. Хотя буряты, как инородцы, были освобождены от воинской повинности, однако они не остались в стороне от этого события. Участие бурят на начальном этапе выражалось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и нуждавшимся семьям воинов¹⁴. Целью деятельности Общества стало оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов¹⁵. За короткий срок у бурятского населения было собрано более 86 тыс. руб., из них более 77 тыс. руб. израсходовано на содержание бурятских коек на Кавказе, поддержку семей призванных на войну низших чинов, содержание бурятского врачебно-питательного отряда, а также размещавшегося в Старой деревне в доме Буддийского храма в Петрограде Петроградского Бурятского лазарета на 30 коек и т.д.¹⁶

Первая мировая война затянулась, возникла необходимость в привлечении к тыловым работам инородцев как дешевой рабочей силы. 25 июня 1916 г. Николай II издал указ о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии. Призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1897 и 1885 гг. в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20 878 чел. [3, с. 471]. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительное их количество было распределено по предприятиям, работавшим на войну. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в Архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток Смольный Буян – Экономия, а также Экономия – Мудьюг, на поездах Архангельской железной дороги – в качестве кочегаров, в Вологодских и

Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т.д.¹⁷

Для организации тыловых работ мобилизованных бурят в Архангельске была образована инородческая дружина. Вскоре ее администрации пришлось столкнуться с серьезными проблемами, связанными с массовыми заболеваниями среди бурят и даже со смертельными случаями. Причинами заболеваний бурят были не только плохое питание, суровые условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В своем рапорте врач дружины докладывал, что «инородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины»¹⁸.

Бурятская общественность забила тревогу, уже в начале 1917 г. благодаря усилиям Пандито Хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо А. Доржиева, уполномоченного А.Н. Ханхасаева и других Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизируемых бурят. Распоряжением санитарной части главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде¹⁹. Только с января по июль 1917 г. в лазарете побывало 218 бурят.

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину²⁰. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят.

Буряты на протяжении длительного периода своей истории в составе Российского государства не только изъявляли желание служить защите Отечества, но и успешно охраняли его рубежи. О военных заслугах бурятских родов свидетельствуют высочайше пожалованные им знамена: 1) 29 марта 1728 г. был опубликован указ Петра II о пожаловании знамен 18 родам «братских иноземцев» Селенгинского и Нерчинского дистриктов²¹; 2) 14 августа 1800 г. 7 знамен были пожалованы Павлом I «братскому иррегулярному войску»; 3) 20 октября 1837 г. Николаем I пожалованы 7 знамен бурятскому иррегулярному войску, 14 – бурятским родам Хоринского ведомства, 3 – табангутским родам; 4) 24 ноября 1842 г. – 9 знамен бурятам Агинского ведомства; 5) 15 августа 1845 г. – 15 знамен бурятам Селенгинского ведомства²².

С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г. (сохранившего степные законы и обычаи и введшего Степные думы, инородные управы, родовые управления) буряты были освобождены от несения воинской повинности. Буряты оказались в изоляции. Выдающийся российский и бурятский ученый Г.Ц. Цыбиков считал, что Устав 1822 г. является актом,

¹⁷ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НАРБ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 395. Л. 78.

²⁰ НАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 64. Л. 29 об.

²¹ ПСЗ РИ. 1-е собр. Т. VIII. Ст. 5254.

²² НАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 55–56.

¹⁵ Там же. Л. 114.

¹⁶ Там же. Л. 47–48.

консервирующим старые общественные отношения и тормозящим развитие бурятского общества. В 1906 г. он с горечью писал, что «жизнь идет вперед так неизменно и быстро, что буряты не опередили ее благодаря Уставу 1822 года, а, напротив, далеко отстали от современных форм общественной жизни»[4, с. 20].

На наш взгляд, именно изоляция стала одним из факторов, приведших к тому, что буряты, демонстрировавшие готовность в 1812–1813 гг. идти «войной на француза», к концу XIX в. под разными предложениями отказывались от несения воинской повинности. Начавшаяся Первая мировая война, затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад их жизни: буряты, жившие достаточно

изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.П. Забайкальские казаки: Исторический очерк: в 3 т. Благовещенск, 2007. Т. 2. Репр. воспроизведение издания 1916–1918 гг.
2. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма в и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1986.
3. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954.
4. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Новосибирск, 1991. Т. 1.

УДК 94(571)“18/1917”

В.П. ШАХЕРОВ

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ г. ИРКУТСКА в XIX – НАЧАЛЕ XX в.

канд. ист. наук
Иркутский государственный университет
e-mail: wodalis@yandex.ru

Статья посвящена вопросам формирования бюджетной политики крупнейшего города Восточной Сибири – Иркутска. Предметом исследования являются основные виды городских налогов, их эволюция, соотношение доходной и расходной частей.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутск, бюджет, налоги, городская недвижимость, недоимки, городское самоуправление.

В сибирской историографии проблема городской бюджетной политики еще не получила должного освещения. Особенно это касается городов Восточной Сибири. Между тем изучение динамики и структуры формирования городского бюджета позволит четче оценить социально-экономическое развитие города, эффективность деятельности городских органов власти, составить представление о структуре населения. В настоящей статье бюджетная политика Иркутска анализируется в контексте развития его экономики и городского хозяйства, рассматриваются структура и источники доходной части, а также основные расходные статьи.

Развитие городского самоуправления в России в XVIII в. поставило на очередь дня необходимость финансового обеспечения его деятельности, что осуществлялось отчасти за счет сборов с городских имуществ, но главным образом либо за счет личных повинностей горожан, либо различных нерегулярных сборов с них. Жалованная грамота городам 1785 г. юридически закрепила за городскими обществами основные источники доходов, причем запрещалось их употреблять иначе, «как на законные городские расходы». Таким образом, городской бюджет стал важнейшим нововведением нового городского положения. До этого для удовлетворения городских нужд

существовали только добровольные «складки» обывателей. Главными источниками городских доходов были определены: сборы с городского общественного имущества и оброчных статей, сборы с городских обывателей (за запись в городскую обывательскую книгу и добровольные взносы, не более 100 руб. с хозяина), поземельный налог (оценочный сбор) со всех жителей города, предназначенный на содержание полиции. Вспомогательные доходы включали 1 % с питейных сборов, случайные доходы от продажи выморочных имений и разного рода штрафов.

Необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. основные источники развития городского хозяйства не были еще в достаточной мере подкреплены ни законодательно, ни материально. Городское общественное управление и вся городская жизнь полностью зависели от местной администрации, которая по собственному разумению пеклась о нуждах города. Достаточно хорошо известна, например, забота о благоустройстве Иркутска гражданского губернатора Н.И. Трескина, вылившаяся в настоящий чиновничий произвол. Например, им была введена так называемая хрящевая повинность. Все въезжавшие в город должны были доставить телегу битого камня (хряща) для засыпки топких улиц. Очень быстро эта необходимая мера превратилась в непосильное бремя для населения,

особенно после того, как она стала заменяться денежным взносом на городских заставах и переправах. Его предшественник Б.Б. Лещано ввел специальные сборы на содержание городской полиции с лавок, чанов кожевенных и мыловаренных заводов, кузнечных горнов. Он же почти в два раза повысил повозочный сбор. Эти меры вызвали справедливое недовольство горожан, так как являлись тяжким бременем даже для купечества. Городские власти резко протестовали против подобных решений, ссылаясь на то, что они принимались без согласия местного общества¹.

С ростом городов и укреплением городского самоуправления заметно расширяется городское хозяйство. Крупнейшим городом не только региона, но и всей Сибири был Иркутск. Но даже для него острой необходимостью являлось расширение источников формирования городского бюджета. Город занимал не только территорию, застроенную обывательскими и казенными постройками. Ему были отведены также пашенные и выгонные земли, оброчные статьи, которые сдавались в аренду. Так, в 1790-х гг. не менее 602 дес. оброчных сенных угодий сдавались в аренду частным лицам. Территория Иркутска и его окрестностей быстро увеличивалась. В конце 1780-х гг. городу было отмежевано 2493 дес. удобной земли и почти 1,5 тыс. дес. неудобной, занятой лесами и водами. К 1798 г. общая площадь городских земель выросла до 7230 дес.² При новом межевании 1826 г. городу было отведено уже 10 855 дес. Часть этих земель ежегодно сдавалась в аренду по цене от 25 коп. до 2 руб. за десятину. В подряды сдавались также содержание городских весов при рынках, подводная гоньба, оброчные рыбные статьи, перевоз людей и грузов через Ангару. В Иркутске действовало два перевоза – у Чудотворской церкви при выезде на Московский тракт и от Троицкой церкви на дорогу, ведущую к южному берегу Байкала и далее в Кяхту. В 1788 г. эти перевозки содержали иркутские мещане Максим и Андрей Пинегины и Филимон Любимский за 118 руб. в год³.

Важной доходной частью бюджета были сборы с торговых помещений. В общий бюджет поступали сборы с доходов трактирных и питейных заведений, постоянных дворов, доходы от извозного промысла и т. п. Одной из заметных статей доходной части городов являлся повозочный сбор с каждого воза с кладью, следовавшего через городские заставы, и с речных судов. Для Иркутска, как и для других городов, расположенных на основной торговой дороге, связывавшей Россию с Кяхтой (где происходила основная русско-китайская торговля), сборы с транзитных обозов и дощаников ежегодно давали более десятка тысяч рублей. Повозочный сбор составлял до 35 коп. с воза. В 1817 г. дума подняла его до 1 руб., считая его «для торгующего купечества, получающего от кяхтинского торгового общества большие выгоды, не только не отяготительным, но и весьма умеренным»⁴.

Не менее половины всех поступлений в общий

бюджет составляли различные сборы и повинности с городских жителей. Обременительными для горожан были сборы на содержание полиции, пожарной охраны, благоустройство города, постоянная повинность. До середины XVIII в. противопожарные мероприятия и борьба с огнем являлись заботой самих горожан. С появлением полиции эта задача была возложена на городничих. По указу 1797 г. устройство пожарной части и вообще содержание полиции относилось к обязанностям городского самоуправления. Городское общество неоднократно ходатайствовало о сокращении числа казенных служб и платежей. Из-за отсутствия в Сибири дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Купцов привлекали к оценке казенных товаров, работе в таможенных и магистратах, приему и продаже вина и соли, сбору подушных денег и т.п. Особенно тяжелы были службы, связанные с развозами по губернии. Они требовали материальных и временных затрат.

Помимо постоянного роста числа служб и выборных должностей год от года увеличивались издержки на содержание городского управления и хозяйства. В 1805 г. иркутское городское общество обратилось с жалобой на отягощение их службами и повинностями к полномочному послу в Китай графу Ю.А. Головкину. В частности, они жаловались на то, что должны содержать 59 лошадей для почтовой гоньбы. Из них 37 в Иркутске, 16 – на Лиственичной станции и 6 лошадей на Тулунской. В этом же документе приводится перечень платежей в пользу города. Содержание магистрата и городской думы обходилось в 6150 руб., городских часов – 128, пробирного мастера – 72, полиции и пожарной команды – 2390, 39 будочников – 1404 руб. Еще 1808 руб. собиралось на ремонт пожарных инструментов и содержание лошадей. Кроме того, 3436 р. 50 к. требовалось на отопление общественных зданий, полиции, военных казарм. Еще 1550 руб. предназначалось для содержания двух перевозов через Ангару. Прочие расходы составляли 4974 руб. Всего только на городские нужды собиралось с податного населения Иркутска 20 362 р. 66 к. В 15 003 р. 79 к. обходилась городу подводная повинность. Кроме того, на различные нужды собиралось с мещанского и цехового обществ 2800 руб. (по 50 коп. с 901 ревизской души). В результате расходная часть городского бюджета составляла 38 166 р. 64 к.⁵

Естественно, такой солидный бюджет мог иметь только самый большой и экономически развитый город Восточной Сибири. В других городских поселениях региона приходно-расходные статьи были гораздо скромнее. Например, в таких заштатных городах, как Баргузин, Балаганск или Селенгинск, доходы не достигали даже 1000 руб., зачастую уступая расходной части. В 1816 г. доходы городов Иркутской губернии составили 44,9 тыс. руб., из них 80,5 % приходилось на губернский центр⁶.

¹ ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 70. Л. 96.

² РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 138. Л. 108.

⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 578. Л. 11.

⁶ Там же. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 183.

С 1820-х гг. губернские власти были весьма озабочены отысканием дополнительных средств для увеличения городских доходов. Определенный шаг в этом направлении сделала городская реформа М.М. Сперанского 1822 г., разделившая городские поселения Сибири на многолюдные, средние и малолюдные. В соответствии с этим делением строилось общественное самоуправление, в том числе и бюджетная сфера, которая была передана вновь образованному хозяйственному управлению. Ежегодно в январе дума должна была представлять городскому обществу отчет о городских доходах и расходах за предыдущий год. После утверждения отчет вместе со всеми книгами препровождался в казенную палату на ревизию. Городскому управлению предоставлялась возможность в случае недостатка доходов производить уравнительную раскладку не по душам, а по домам, промыслам или имуществу. Интересно, что уже тогда Сперанский прозорливо отмечал важность обложения городской недвижимости. Он считал, что сборы с лавок гостиного двора могут быть допущены только тогда, когда по недостатку городских доходов все строения в городе будут обложены сбором по оценке [1, с. 154–155]. Таковой сбор стал основным только с 1870 г.

Борясь с последствиями произвола прежней администрации, М.М. Сперанский утвердил «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли». В них, в частности, была сделана попытка упорядочить некоторые городские пошлины. Так, запрещалось производить сбор с извозчиков и купеческих кладей, проходящих или временно останавливающихся в сибирских городах. Отменялся также существовавший в Иркутске на заставах сбор по 10 коп. со всех приезжающих в город. Запрещение взимать повозочный сбор значительно снижало доходную часть городских поселений, лежавших на главном торговом пути. Встретив негативную реакцию городских властей по данному поводу, М.М. Сперанский временно приостановил введение данного запрета, передав его на усмотрение и утверждение Сибирского комитета. Окончательное решение так и не было принято, и городские думы продолжали собирать пошлину со всех купеческих обозов. С развитием внутренней торговли и путей сообщения в конце XIX в. данный сбор обеспечивал поступление значительных сумм в доходную часть городов. Только в Иркутске он составлял 37–38 тыс. руб. Железная дорога, проведенная через Иркутск, несколько видоизменила характер сбора. В 1911 г. Иркутская дума утвердила проект соглашения с управлением Забайкальской железной дороги о взимании попутного сбора с грузов, проходящих через станцию Иркутск [2, с. 157].

На протяжении всего XIX в. наблюдался медленный, но стабильный рост городских бюджетов региона. Особенно быстро увеличивался бюджет Иркутска: с 1816 по 1888 г. почти в 24 раза, что, несомненно, отражало общую динамику его народонаселения и капиталов. Иркутск был самым богатым городом Сибири. Его доходная часть в 1844 г. составляла более 30 тыс. руб. серебром, что в 1,3 раза превосходило сборы Томска (22,6 тыс.), в 3,7 раза Тобольска (8,1 тыс.) и в 5 раз Красноярска (5,9 тыс. руб.) [3, с. 344–345].

Для пополнения доходной части городские власти нередко прибегали к введению новых сборов и штрафов. В 1842 г., например, городская дума Иркутска приняла решение о введении штрафа в 5 коп. за бродивший по улицам скот. Собранные суммы направлялись на благоустройство города. Вместе с тем власть неохотно шла на увеличение расходных статей. В том же 1842 г. специально образованный в думе комитет по благоустройству города, рассматривая сенаторский указ об устройстве в губернских городах мостовых, посчитал излишним исполнять его в Иркутске, «ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении»⁷.

К середине XIX в. расходы сибирских городов почти повсеместно превысили доходы. Города стали быстрее тратить деньги, чем накапливать. Так, в 1851 г. по Иркутску недоимки составили 14 826 р. 88 к.⁸ Обеспокоенные городские власти пытались решить проблему за счет увеличения поступлений в городскую казну. В 1858 г., например, в Иркутске было предложено провести переоценку городской земли, находившейся под строениями, и увеличить сборы с пригородных территорий, отводимых под добывание песка, глины, камня, леса. Кроме того, вводились пошлины за использование берегов Ангары в черте города для складирования леса и других товаров, причаливание и зимовку судов. По предварительной оценке думы, введение новых доходных статей должно было принести бюджету Иркутска до 7433 руб. в год⁹. В целом эти меры способствовали стабилизации городского бюджета.

Во второй половине XIX в. произошли значительные изменения в бюджетной политике сибирских городов. Городовое положение 1870 г. закрепило за местным самоуправлением права юридического лица, дав ему возможность приобретать и отчуждать имущество, заключать займы, договоры, выступать истцом и ответчиком в суде и т.д. Изменилась и структура доходной части. Прямые сборы с населения фактически прекратились, зато резко увеличилось количество «прочих доходов». Сюда входили различные частные пожертвования, сборы с недвижимого имущества, извозного и перевозного промыслов, с документов на право торговли и промыслов, различные второстепенные сборы и штрафы с населения. Определенное место в городских бюджетах занимали проценты с городских капиталов, размещенных в Приказе общественного призрения и других кредитных учреждениях. В 1886 г. в Иркутском городском общественном управлении была учреждена ссудо-сберегательная касса с целью приема денежных вкладов и выдачи ссуд нуждающимся. Кроме того, город являлся одним из пайщиков Прибрежно-Витимской золотопромышленной компании и Ленско-Витимского пароходства.

Для организации сбора доходов при Иркутской городской думе в 1872 г. была организована «подготовительная комиссия» – финансовый орган, учитывавший поступление доходов и контролировавший пра-

⁷ Там же. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 595. Л. 3.

⁸ Там же. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 86. Л. 24 об.

⁹ Там же. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 45 об.

тельность их использования. В следующем году была сформирована оценочная комиссия, в обязанности которой входили оценочный сбор, оценка и переоценка недвижимого имущества, казенный налог.

Следует отметить, что налог на недвижимость являлся одним из основных в структуре городских доходов Иркутска. Еще в 1831 г. натуральная постоянная повинность городского населения была заменена денежными сборами. В конце 1850-х гг. этот сбор превысил все другие поборы. Ежегодно для содержания и размещения все увеличивающихся воинских команд и офицеров требовалось до 20 тыс. руб. В 1839 г. губернская администрация предложила составить особый капитал, проценты с которого следовало направить на погашение квартирной повинности. Предполагалось единовременно собрать с купечества по 4 % с объявленных капиталов, а с мещан и цеховых – по 75 коп., но городское общество не поддержало этой инициативы администрации. В 1842 г. было принято новое положение, согласно которому квартирную повинность необходимо было выплачивать в соответствии с оценкой недвижимости – в нее включали не только жилые дома, но и торговые, и промышленные помещения, огороды и незастроенные участки. Переоценка городской недвижимости должна была проводиться каждые три года. С недвижимости, оцениваемой ниже 50 руб., сбор не производился. Со стоимости остальных строений собиралось в зачет квартирной повинности до 1 %. По первой оценке стоимость недвижимости Иркутска составила чуть более 2 млн руб., что позволило внести в доход города 20 тыс. руб.¹⁰ К 1859 г. сумма на содержание военных возросла до 37,4 тыс. руб., в среднем до 15 руб. на обывательский дом. В дальнейшем рост населения и города способствовал значительному повышению стоимости его недвижимости. В 1881 г. она оценивалась в 6,8 млн руб., а в 1904 г. – уже 13,7 млн руб. [2, с. 31]. Характерной особенностью этого периода был значительный рост нежилого строительства. В центральной части города появилось множество магазинов, торговых контор, банков, гостиниц, складских помещений. Одновременно росли и сборы с повышением оценки недвижимости. В 1884 г. Иркутская дума увеличила эти сборы до 10 % с оценочной стоимости городского имущества. Сборы с городской недвижимости превосходили реальные затраты на содержание военных команд, поэтому излишки поступали в городской запасной капитал наряду с пожертвованиями и использовались для экстраординарных расходов.

Дефицит городского бюджета вынуждал власти откладывать многие важные для города мероприятия. Экономили обычно за счет благоустройства и коммунальной сферы, санитарной части, образования и т.п. Эти расходы старались покрывать за счет благотворительной деятельности, которая во второй половине XIX в. приобрела необычайный размах. Многие из иркутских купцов оставили о себе память своими щедрыми пожертвованиями. Особенно выделялись своими многомиллионными вкладами Трапезниковы, Базановы, Сибиряковы, Медведниковы, Баснины, Сукачевы. Они вкладывали средства в строительство

и содержание больниц, детских приютов, учебных и культурных заведений Иркутска [4, с. 127–144]. В распоряжении иркутского городского управления, несмотря на то, что официальный бюджет часто был дефицитным, находился солидный капитал, составленный из пожертвований на учебные, социальные и здравоохранительные нужды. Так, на 1 января 1891 г. он составил около 4 млн руб. [5, с. 150–151]. Этот общественный капитал в основном предназначался на строительство и содержание учебных и медицинских заведений, оказание благотворительной помощи инвалидам и престарелым. Поступления шли не только от богатейших иркутских купцов, но и от простых горожан. В 1895 г., например, иркутский мещанин М.П. Щегорин пожертвовал 7,5 тыс. руб. в пользу города [6, с. 341]. Кроме того, в городе действовало более двух десятков различных благотворительных организаций, в деятельности которых участвовали не только купцы и чиновники, но и разночинная интеллигенция и простые граждане.

Проведение железной дороги усилило экономические связи Иркутска с Россией. Население города значительно выросло, что, в свою очередь, положительно сказалось на развитии торговой инфраструктуры. В 1912 г. торговые обороты Иркутска достигли 70 млн руб. [7, с. 181]. Город производил впечатление крупного делового центра с оживленной торговлей на главных улицах. «По деревянным тротуарам, – писал посетивший город в конце 1890-х гг. граф Р. Кейзерлинг, – двигалась взад и вперед суетившаяся толпа мимо витрин – часто даже изящных – с богатыми товарами, чего, за исключением Владивостока, я нигде не видел в Сибири. По улицам мчалось множество извозчиков не хуже, чем в Петербурге. Между ними медленно тащились по скрипящему снегу одноконные, нагруженные товаром, ломовые сани» [8, с. 242].

Иркутск оставался наиболее крупным городом края, и доходная часть его постоянно росла. Однако дальнейшее развитие и модернизация коммунального хозяйства, усложнение системы управления и расширение социальной сферы города не могли не сказаться на объеме его расходов. Нередко они обгоняли доходы, и для погашения дефицита бюджета приходилось прибегать к займам и запасным капиталам. Важнейшими расходными статьями были содержание городского управления и полиции. На эти цели уходило более половины бюджета. В конце XIX в. заметно возросли расходы на образование и медицинское обслуживание населения, составив в 1889 г. около 23 % [6, с. 212]. Этого, конечно, было недостаточно, но все же имелась определенная тенденция к росту. В целом на одного жителя Иркутска приходилось до 10,7 руб. Это было больше, чем в Красноярске (4,2 руб.), но меньше по сравнению со столицей (14 руб.). Затраты на капитальное строительство приводили к тому, что задолженность Иркутска постоянно возрастала. По расходной части бюджета Иркутску среди городов Сибири не было равных. В начале XX в. иркутские городские власти значительное внимание уделяли дорогостоящим проектам совершенствования коммунальной сферы города, инвестируя значительные суммы на строительство водопровода и канализации, электростанции.

¹⁰ Там же. Оп. 42. Д. 75. Л. 87.

Несмотря на многочисленные проблемы городского хозяйства, официальная печать отмечала в 1914 г.: «Иркутск богат. Это едва ли не единственный город в России, не только не имеющий крупного долга, но еще владеющий большим капиталом и недвижимостью» [9, с. 309].

Эволюция бюджетной политики Иркутска была теснейшим образом связана со спецификой его развития и хозяйства. С одной стороны, изменения в структуре городского бюджета проявлялись в тенденциях к росту доходов и постепенному смещению источников пополнения городской казны от прямых сборов с населения к поступлениям от торговли и выплат с имущества. Заметную роль в жизни Иркутска стали играть к концу XIX в. доходы на проценты с капитала и недвижимости, а также различные пожертвования граждан. С другой стороны, расходная часть бюджета отличалась большей консервативностью и устойчивостью своей структуры. По-прежнему невелики были ассигнования на развитие социальной и культурной сферы, хотя и имели в Иркутске тенденцию к росту. Недостаточное бюджетное финансирование сдерживало инициативу городского общества и не давало в

полной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность городских органов власти была направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1.
2. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994.
3. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1877. Т. 2.
4. Шахеров В.П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006.
5. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891.
6. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993.
7. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002.
8. Сибирь. Из путевых записок графа Р. Кайзерлинга. М., 1900.
9. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1

УДК 001:069.02

О.Н. ШЕЛЕГИНА

**МУЗЕЙНЫЙ МИР СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: oshelegina@yandex.ru

В работе предпринят анализ использования в отечественной литературе понятия «музейный мир», предложено его уточненное определение и структурирование, позволяющее эффективно изучать региональные музейные процессы в исторической динамике. Выделен круг актуальных исследовательских проблем, связанных с путями формирования музейного мира Сибири в XIX – начале XXI в.; рассматриваются региональная музейная политика и практика в советский период, традиции и новации в музейной сети Сибири в конце XX в. – первом десятилетии XXI в.; музейное дело в Сибирском отделении Российской академии наук, адаптация музейного мира Сибири к условиям глобализации.

Ключевые слова: концепт, музейный мир России, музейный мир Сибири в исторической динамике.

Сибирский культурный регион во взаимодействии природной и культурно-исторической среды с социокультурной практикой в XIX–XX вв. формировался при активном участии музеев [1; 2]. В «Исторической энциклопедии Сибири» впервые в отечественной историографии была представлена в динамике региональная музейная сеть, дана совокупная характеристика этнографических, художественных, академических музеев, а также музеев декабристов, показаны роль и значение сибирских и дальневосточных музеев республиканского, краевого, областного уровней в процессах освоения азиатской территории России [3].

История музейного дела является неотъемлемой частью истории мировой, российской и региональной культуры. Важное теоретическое и научно-практическое значение для развития музееведческих исследований в XXI в. имело издание «Российской музейной энциклопедии» [4], коллективной монографии «Музейное дело России» [5], «Словаря актуальных музейных терминов» [6]. Впервые в отечественной и мировой практике в «Российской музейной энциклопедии» нашел отражение музейный мир огромной страны во всей его многоплановости, сложности внешних и внутренних связей, в его исторической динамике с учетом

теоретических достижений в области музееведения. Философское осмысление авторами отечественной истории музейного дела позволило ввести понятие «музейный мир» как своеобразный ключ к осмыслению и систематизации информации, определению характера связи музеологии с социальной практикой, а музейного дела с близкими областями культурной деятельности, дать его возможные количественные и качественные характеристики. В концептуальной статье, открывающей «Российскую музейную энциклопедию», М.Е. Каулен и А.А. Сундиевой подчеркивается, что как объект исследования наряду с музеем выделяется «музейный мир» – «часть культурного пространства, в котором функционируют объекты истории, культуры, природы, признанные обществом ценными и подлежащими сохранению и передаче будущим поколениям в качестве овеществленного культурно-исторического опыта». К музейному миру также была отнесена вся совокупность учреждений, людей, идей, способствующих решению задачи сохранения и включения в современную культуру названных выше объектов [4, с. 5]. Основным методом исследования стал историзм, важным инструментом познания – системный подход к анализу и интерпретации фактов. Следует отметить синтетический характер многих, особенно крупных проблемных статей, в частности, «Музей», «Музееведение», «Музейное дело» и др. Несомненно, информация, сосредоточенная в энциклопедии, является важным шагом в представлении музейного мира России, который остается в настоящее время, по оценке ее создателей, в значительной мере еще не познанным [4, с. 10].

Понятие «музейный мир» использовалось также в коллективной монографии «Музейное дело в России», вышедшей в 2003 г. и выдержавшей три издания. В ней впервые четко структурировался и излагался материал по истории музейного дела с момента его зарождения до рубежа третьего тысячелетия. Авторы подчеркивали, что их целью было «представить в компактной форме основную информацию, в той сфере, которую принято называть “музейным делом”, а вернее в той части культурного пространства, которую они предложили называть “музейным миром”» [5, с. 3]. В названной обобщающей работе отражены музейные процессы в исторической динамике, показана их обусловленность внешними причинами и изменениями имманентно присущих музею качеств, отмечена острая потребность в детализации схемы (в XVIII в. в России появился музей, в XIX в. – музейное дело, в XX в. – музееведение) истории музейного дела в стране. Формирование музейного мира как особой сферы культурной жизни связывается с ростом числа музеев и социокультурными тенденциями, обусловившими этот процесс, и относится авторами к XIX в. [5, с. 28–29, 63]. Подробно рассматривается функционирование музейного мира России на рубеже XX–XXI вв., намечаются перспективные направления развития российского музейного мира. Названный труд, имеющий важное теоретическое и научно-практическое значение, инициировал появление культурологических, исторических, социологических и экономических

диссертационных и монографических работ, учебных пособий, посвященных музейной проблематике, в том числе региональной [7, с. 36–48].

В «Словаре актуальных музейных терминов» приводится наиболее полное к настоящему времени определение рассматриваемого понятия. «Музейный мир – исторически сформировавшееся культурное пространство, охватывающее объекты истории, культуры, природы, признанные обществом ценными и потому подлежащие сохранению и передаче будущим поколениям в качестве социально значимого культурно-исторического опыта. Также включает в себя всю совокупность людей, знаний, идей, учреждений, служащих этой цели. Музейный мир имеет тенденцию к постоянному расширению». Подчеркивается, что понятие «музейный мир» не приобрело статуса научного термина, но в качестве образно-публицистического утвердилось в музейном дискурсе [6, с. 56.]

Проведение обобщающих исследований по истории музейного дела в России в целом и в Сибирском регионе в частности с учетом и развитием понятия «музейный мир» стало актуальной музееведческой задачей. При изучении музеев Сибири в конце XVIII – начале XXI в. нами в качестве рабочей гипотезы предложено исследовать его как «пространственно-временную многомерную интегрированную совокупность музейной теории и практики, базирующуюся на институциональной концепции музея» [7, с. 36], рассматривая современный музейный мир в трех пространствах – музейном, внемузейном (акции, проекты, фестивали) и информационном [8, с. 84]. Музей как социокультурный институт изучался на основе классификационной системы адаптаций [9, с. 110–254], исходя из реализации его адаптивных функций «посредством объединения в себе интеллектуально-аналитического (науки) и эмоционально-образного (искусства) начала; сакрализации рационального и рационализации сакрального в сознании; единства непосредственной и опосредованной коммуникации; пространственно-временного континуума, создаваемого музеем; декларирования принципа междисциплинарности, высокого уровня синергизма всех форм и способов освоения действительности» [10, с. 16–17].

Изучение в исторической динамике музеев Сибири в контексте музейного мира России позволило выявить региональные особенности в их создании, развитии, адаптации. Возникновение музеев в России и адаптация новой культурной формы к российским условиям относятся к XVIII в. В 1782 г. в Сибири по инициативе губернатора Н.Ф. Клички появился «Иркутский музей» – первый провинциальный музей. На протяжении XIX в. происходило превращение музея в национальную культурную форму, создание музейного мира России как особой сферы культурной жизни [5, с. 10, 33]. В Сибири, в силу специфики всех сфер освоения территории, активный процесс организации музеев местного края, формирование регионального музейного мира началось в последней трети XIX в. Использование опыта, накопленного российскими музеями, позволило сибирским музеям за несколько десятилетий занять достойные позиции в музейном

мире (по численности, участию в ряде престижных отечественных и зарубежных выставок). Минусинский музей стал классическим образцом музея местного края, примером успешной адаптации к условиям освоения территории Сибири, развития музейного дела на российском и мировом уровнях.

К концу XIX в. в регионе насчитывалось более 20 музеев, собравших уникальные археологические, этнографические и другие коллекции, которые отражали культуру и быт аборигенного и русского населения, природные богатства. Для успешного становления музейного дела в Сибири определяющее значение имели институционализированные (государственная поддержка, научные общества, статистические комитеты, высшие учебные заведения) и личностные (активная позиция генерал-губернаторов, местной администрации, финансовая поддержка меценатов, интеллектуальный вклад ученых, краеведов, путешественников, ссыльных) факторы адаптации к новациям в социокультурной сфере. Музеи стали эффективным фактором адаптации населения в условиях активного освоения территории Сибири.

Музеи Сибири на протяжении XX в. образовали музейную сеть – совокупность, включающую музейные сети административно-территориальных образований (около 300 государственных музеев краеведческого, исторического, художественного, естественно-научного и технического профиля), ведомств, в рамках которых реализовывалась музейная политика и практика, формировался и функционировал в общероссийском контексте своеобразный музейный мир региона [11, с. 103–110]. На этапе адаптации российских и сибирских музеев к деятельности в условиях советского государства существенную роль играли нормативно-регулятивные средства (постановления, распоряжения партийных и государственных органов разных уровней) адаптации музеев к социально-экономическим и идеологическим реалиям, использовались традиционные адаптации (некоторые усовершенствования в экспозиционной, фондовой, научно-просветительной работе) [12]. В период демократизации новационные адаптации со стороны управленческих структур были направлены, прежде всего, на перепрофилизацию историко-революционных музеев. Ревитализационная адаптационная модель музея-заповедника «Шушенское» нашла применение и в других российских регионах. Инновационно-презентативная модель адаптации, реализованная в Красноярском музейном центре, дала возможность для осуществления в Сибири музейных проектов мирового уровня [13]. Создание музея-заповедника «Томская писаница» в форме исторического парка, а также значительного числа экологических и этнографических музеев свидетельствует о том, что музейное дело в регионе соответствует мировым тенденциям. Это определило дальнейшее развитие музейной специфики Сибири, как полиэтнической территории, значительную роль музеев в презентации культуры жизнеобеспечения коренного и русского населения края, формировании и трансляции региональной идентичности [14, с. 119–121].

В начале нового тысячелетия российские музеи продолжают выполнять задачу формирования единого культурного пространства страны, национальной и гражданского самосознания, самоидентификации и социальной адаптации [15, с. 7–8]. В XXI в. формируется и функционирует виртуальное пространство музеев Сибири, состоящее из более чем 400 Интернет-представительств. Важное значение в формировании научных коллекций, популярном представлении достижений сибирских ученых имеют музеи СО РАН, которых в настоящее время насчитывается 40. В современных условиях для адекватного развития музейного дела в Сибири необходима конструктивная адаптация музеев к информационному пространству (с использованием порталов «Музеи России», «Музеи СО РАН» (<http://php.mmc.nsc.ru>), к региональной социокультурной инфраструктуре, мировому музейному сообществу, требуется активное позиционирование музеев как хранителей и трансляторов научно-исторического наследия Сибири в локальном и глобальном масштабах [16, с. 39–44].

В современный период отечественное музееведение как «молодая наука» переживает активную дискуссионную стадию в своем развитии: предпринимается анализ ранее выдвинутых положений, происходит разработка и апробация новых идей. Перспективным и целесообразным представляется формирование музееведческих концептов (от лат. *conceptio* – понимание, система) как определенных способов понимания процессов, происходящих в музейной сфере; развитие конструктивного принципа для их систематического освещения. К числу приоритетных следует отнести разработку концепта «музейный мир», адаптационного подхода к его изучению и апробацию их на основе регионального материала. В концепте «музейный мир», на наш взгляд, должны органично соотноситься понятия и структура исторически сформировавшегося культурного пространства с музеефицированными и потенциально музеефицируемыми объектами природного и культурного наследия и пониманием музея как социального института, исторического, социокультурного, глокального (сочетающего глобальное и локальное), адаптивно-адаптирующего феномена. В структуре «музейного мира» следует учитывать сетевой принцип организации – традиционные музейные сети и информационные, процесс виртуализации.

На данном этапе исследования мы предлагаем дискуссионное (в качестве концепта регионального музееведения) определение музейного мира Сибири как исторически сформировавшегося, развивающегося и адаптирующегося к изменениям во внутренней структуре и внешних сферах (региональной социокультурной, российского музейного мира, зарубежной) *материального* (особоохраняемые территории, музеефицированные и потенциально музеефицируемые объекты историко-культурного и природного наследия, музеи и учреждения музейного типа), *интеллектуального* (научные и социальные, музейные проекты, генерируемые и реализуемые путем интеграции представителей науки, культуры, образования, властных и общественных структур), *информационного* (глобальные ком-

муникационные сети) пространства. В рамках этого концепта может рассматриваться, в частности, данное Е.М. Акуличем с учетом специфики деятельности Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника представление о музее XXI века как многофункциональном культурно-хозяйственном и научном комплексе, в определенных историко-социальных условиях «играющем роль социокультурного центра региона, формирующем и интегрирующем общественное сознание и осуществляющем охрану и использование историко-культурного наследия через изучение, проектирование, реставрацию, музеефикацию объектов, разработку и развитие музейных ресурсов и научно-образовательных программ, восстановление системы традиционного хозяйства и промыслов на территории заповедника; внедрение музейного маркетинга, сервисных и туристических услуг» [1, с. 14].

В современной историографической ситуации представляется целесообразной дальнейшая теоретическая разработка и апробация регионального музееведческого концепта «музейный мир Сибири». При изучении сибирских музеев с учетом адаптационного подхода, формирование которого начато нами в рамках монографического исследования [7], необходимо выделять тематико-хронологические и проблемные блоки, связанные с оценкой музейного потенциала региона в исторической динамике, уровня интеграции музеев в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество, общего и особенного в процессах формирования, развития и адаптации музейного мира Сибири. Представляется весьма важным выявить формы и способы расширения пространства музейного мира России, а также его адаптационный потенциал и механизмы адаптации к внешним и внутренним изменениям, их особенности в условиях глобализации. Одним из эффективных путей изучения музейного мира России и регионов в XXI в. может стать разработка и реализация междисциплинарного (на стыке истории, культурологии, музееведения, социологии, психологии, информатики) проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство». Это откроет новые возможности для создания и всесторонней апробации музееведческих концептов, будет способствовать установлению прочных связей науки с музейной практикой и музееведческим образованием в масштабе страны, активизации внутрирегиональных связей (институты власти, музеи – местное сообщество) [17, с. 336–339], обеспечит дальнейшее поступательное развитие музейного мира России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2004.
2. Акулич Е.М. Музей и регион. Екатеринбург, 2004.
3. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1–3.
4. Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1–2.
5. Музейное дело России. 3-е изд. испр. и доп./ под ред. М.Е. Каулен (отв. ред.), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М., 2010.
6. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5.
7. Шелегина О.Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010.
8. Пролеткин И.В., Калинина Л.Л., Шнак М.Е. Как развиваться музею в современном информационном мире // Музей и современные технологии: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 20–23 мая 2003 г., 20–24 сентября 2004 г., 19–22 ноября 2005 г. Томск, 2006.
9. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
10. Алешина Т.А. Музей как феномен культуры: Дис. ... канд. филос. наук. Новочеркасск, 1999.
11. Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 346.
12. Труевцева О.Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск, 2000.
13. Калякина А.В. Адаптация российских музеев к новым социально-экономическим условиям. 1990-е годы (на материалах группы ленинских музеев): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
14. Шелегина О.Н. Музееведческие аспекты актуализации материального и нематериального наследия коренных народов Сибири // Культура, язык, институты гражданского общества коренных народов России: возрождение, сохранение и развитие в этнокультурном контексте Сибирского региона: Тезисы Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2011.
15. Сундиева А.А. Обзор материалов «Круглого стола» «Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев» // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: По материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001 г. в Орле. М., 2002.
16. Шелегина О.Н. От создания музеев Сибири к созданию Музея Сибири // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). Новосибирск, 2011.
17. Чувилова И.В., Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Междисциплинарный открытый проект «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). Новосибирск, 2011.

Н.Н. РОДИГИНА¹, Т.А. КУЗНЕЦОВА²**ТЕМА СИБИРИ В ЧАСТНЫХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.***

¹д-р ист. наук, проф.
Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: natrodigina@list.ru

²канд. ист. наук
Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: kta_06@list.ru

Статья посвящена выявлению общего и особенного в освещении сибирских реалий официальными и частными педагогическими журналами второй половины XIX – начала XX в. Предпринят сравнительный анализ публикаций о Сибири, выявлены основные темы сибирской жизни, обсуждавшиеся на страницах данных изданий, показана зависимость интерпретации «сибирских сюжетов» от принадлежности изданий, определена жанровая принадлежность публикаций о регионе.

Ключевые слова: тема Сибири, образ региона, компаративный анализ, частные и ведомственные педагогические журналы.

Сюжет о сибирской тематике в специализированных педагогических ежемесячниках не нов для отечественной историографии. Освещением проблем регионального образования в ведущих частных педагогических журналах изучаемой эпохи занимались Н.Н. Родигина и М.А. Реутова [1; 2]. Одним из авторов настоящей статьи охарактеризованы образы Сибири, транслировавшиеся со страниц частной педагогической периодики, выявлен круг авторов, писавших об этом регионе. Однако сравнительный анализ публикаций о Сибири в частных и официальных педагогических журналах еще не был предметом специального внимания. По нашему мнению, его результаты дадут возможность судить о степени интереса к проблемам сибирской жизни у разных акторов политического процесса (общественности и представителей столичных ведомств), о месте региона в профессиональном коммуникативном пространстве российских педагогов.

Повышенное внимание к выявлению и характеристике представлений о регионе в педагогических журналах не случайно – их адресатами являлись те социальные институты, где происходило формирование первоначальных представлений о регионе – семья и школа. Таким образом, читательскую аудиторию педагогических журналов составляли люди, осознанно или непроизвольно закладывавшие основы образа Сибири, на которые впоследствии «наслаивалась» разнообразная информация о восточных губерниях Российской империи.

Под темой Сибири мы понимаем совокупность актуальных вопросов прошлого и настоящего восточного региона Российской империи, нашедших отражение в разножанровых текстах изучаемой эпохи, в том числе на страницах периодической печати. Наша

статья посвящена выявлению общего и особенного в освещении сибирских реалий в официальных и частных педагогических журналах второй половины XIX – начала XX в.

Пилотный просмотр многочисленных педагогических ежемесячников позволил остановиться на двух официальных («Журнал Министерства народного просвещения» и «Народное образование») и двух частных («Русская школа» и «Вестник воспитания») изданиях, проявлявших достаточно стабильный интерес к жизни сибирской провинции. Попутно заметим, что упомянутые частные педагогические журналы являлись и самыми популярными среди участников общественно-педагогического движения изучаемой эпохи [3, с. 73].

«Журнал Министерства народного просвещения» по праву можно назвать старейшим педагогическим изданием России – первый его выпуск состоялся в 1834 г., под редакцией К.С. Сербиновича. Несмотря на то, что в журнале за девятидесятилетний период сменилось десять редакторов, структура издания оставалась стабильной и включала: 1) правительственные распоряжения, 2) отделы педагогики и наук, 3) критику и библиографию, 4) современную летопись учебного дела в России и за границей.

Сообщения и статьи о Сибири в основном были представлены правительственными распоряжениями, рецензиями на книги о регионе и информационными сообщениями. В соответствии с ведомственной принадлежностью и функциональным назначением издания подавляющее большинство публикаций о регионе в 1850-е гг. – 1904 г. составляли официальные постановления об учреждении школ, училищ, университета, стипендий, о новых назначениях и пр. Тем не менее в корпусе сибирских статей можно выделить следующие темы: 1) проблемы ресурсного исследования «Закаменной России», 2) распространение образования на этой окраине империи.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00445а.

В 1850-е гг. в журнале, помимо правительственных распоряжений, преобладала информация об экспедиционных исследованиях Сибири – в виде рецензий на статьи и книги путешественников. Особой симпатией редакторов пользовались публикации журналов Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) и его восточных отделов. Практически в каждом выпуске помещались анонсы материалов изданий ИРГО. Один из рецензентов – Д.И. Менделеев – объяснял внимание к путешествиям в Сибирь тем, что на восточной окраине в XIX в. «повторяется то, что некогда повторялось во всей России, что делается во всем мире...: христианство, трудолюбие и известная степень образованности идут по рекам и долинам, вытесняют или медленно истребляют язычество, лень, невежественное упорство» [4, с. 139]. Анализ рецензий «Журнала Министерства народного просвещения» свидетельствует о том, что в 1850-х гг., подобно большинству общественно-политических и специализированных ежемесячников, издание транслировало образ Сибири как неисследованного, но «любопытного» и богатого края – «Русской Индии», «Новой Колхиды».

Начиная с эпохи «Великих реформ» и под их влиянием для издания становятся актуальными проблемы распространения образования в Сибири. Недостаточное количество школ, нехватка учителей и их низкая квалификация, отсутствие учебников, незаинтересованность родителей в том, чтобы отдать ребенка в школу, и пр. – вот неполный список проблем, которые обсуждались на страницах журнала [5; 6; 7; 8; и др.]. Особое неприятие авторов вызывал тот факт, что в качестве учителей в Сибири привлекали ссыльных [7, с. 184]. Именно такие «учителя», по мнению авторов журнала, могли привести к изменению восприятия нарушителей закона в сознании сибиряков. В связи с этим поднимался вопрос о необходимости срочных мер со стороны государства и общества для устранения ссыльных от преподавательской деятельности и широкого содействия развитию образования на восточной окраине.

В 1860-е гг. изданием был актуализирован сюжет о необходимости открытия сибирского университета. Примечательно обоснование целесообразности открытия высшего учебного заведения на восточной окраине – «не дать отстать от общего развития европейской России» [9].

Однако, упоминая о проблемах школьного дела, авторы издания основной акцент делали на успехах народного образования в регионе: открытии новых школ и училищ, подготовке учителей для русских и «иностранческих» школ, помощи со стороны местной власти и общества нуждающимся детям.

Попутно заметим, что для анализируемого нами издания во второй половине XIX в. характерна анонимность авторов большинства текстов о Сибири (или обозначение авторства в виде криптонимов). Возможно, это объясняется жанром публикаций (рецензии и информационные сообщения), авторство которых чаще всего не указывалось и в других изданиях.

К концу 1880-х гг. на страницах журнала увеличивается количество как «полновесных» статей, посвященных развитию образования на территории Зауралья, так и правительственных распоряжений об открытии новых школ и училищ в сибирских губерниях. Обычно правительственные распоряжения дополнялись подробной характеристикой начального и среднего образования в крае с обязательными статистическими данными о количестве учащихся, о соотношении численности жителей губерний к количеству учеников и выводом о стабильном прогрессе в школьном деле [8; 10; и др.]. В начале XX в. к выше-названным темам добавилось обсуждение колонизации Сибири, вызванное массовыми крестьянскими переселениями [11; 12; и др.].

Можно предположить, что в рассматриваемом журнале, несмотря на его педагогическую направленность, тематика «сибирских» статей во многом зависела от правительственных нужд: от исследования ресурсов края, переселенческого вопроса до конкретных проблем развития образования и просвещения на окраине империи.

«Народное образование» – ежемесячный педагогический журнал, издаваемый училищным советом при Святейшем Синоде с 1896 г. Его редактором с момента основания и до 1917 г. являлся магистр богословия, композитор П.П. Мироносицкий. Программа издания была схожа с программой «Журнала Министерства народного просвещения» и включала правительственные распоряжения, статьи педагогического и методического характера, новости в сфере образования, обозрение книг и журналов. Как и в «Журнале Министерства народного просвещения», на страницах «Народного образования» тексты о Сибири представлены главным образом информационными сообщениями. Тематические приоритеты издания отражены в табл. 1.

Таблица 1

**Публикации о Сибири в журнале
«Народное образование» 1896–1904-х гг.***

Тема	Число публикаций
Сообщения о деятельности отдельных церковно-приходских школ и учителей	42
Сообщения об открытии и постройке новых зданий церковно-приходских школ	25
Сообщения о внеклассной деятельности церковно-приходских школ	19
Сообщения о благотворительности населения в отношении церковно-приходских школ	15
Сообщения о подготовке учителей для церковно-приходских школ	15
Статьи о развитии народного образования в регионе	4
Итого	120

* Составлено на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1896–1904 гг.

Авторы журнала полагали, что церковно-приходская школа более всего отвечает потребности народа в образовании. В издании регулярно помещались сведения об открытии таких школ в регионе, о подвижнической деятельности их учителей, о пожертвованиях населения на школьное строительство и поддержку беднейших учеников. Значительная часть информационных сообщений о Сибири представляла собой перепечатки из местных газет. Сибирскими корреспондентами издания являлись священнослужители И. Корелин, С. Фатгев, Д. Гагарин.

В связи с популяризацией идеологической доктрины создания «большой русской нации» и в условиях военных действий на Дальнем Востоке в начале XX в. особую актуальность для редакции «Народного образования» приобретает вопрос о «внутренней колонизации» Сибири, включающий христианизацию «инородческого» населения и «воспитание русскости в сибиряке». Журналом даже предлагался ряд мер, направленных на «стирание» культурных границ между Азиатской и Европейской Россией, между сибиряком и русским. Во-первых, это повсеместное строительство церквей на восточной окраине и открытие церковно-приходских школ для «заброшенных на далекую окраину соотечественников». Во-вторых, для «инородческого» населения предполагалось распространение христианства и русского образа жизни с помощью миссионерских школ, открываемых в поселениях «туземцев» [13; 14].

Заметим, что «Народное образование», как и «Журнал Министерства народного просвещения», не замыкалось на педагогической тематике, несмотря на декларации редакции о том, что «журнал полностью посвящен разработке вопросов школьного и внешкольного образования народа». Тематические отличия заключались лишь в том, что для синодального ежемесячника в числе приоритетных была проблема «обрусения» восточного края посредством распространения христианского образования как для русских переселенцев, так и для «многочисленных племен» окраины. По сути, оба ведомственных издания отвечали правительственным ожиданиям в обсуждении «сибирских тем»; их публикации, как правило, предваряли обсуждение на правительственном уровне тех или иных проблем Сибири (переселенческого законодательства, строительства Транссибирской железной дороги и др.).

Активный интерес к Сибири проявляли избранные нами для анализа частные педагогические журналы, особенно «Русская школа» (образованная в 1890 г. известным педагогом Я.Г. Гуревичем). Структура журнала была традиционной и повторяла структуру ведомственных изданий. О тематике «сибирских материалов» журнала свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

**Публикации о Сибири в журнале
«Русская школа» 1890–1904-х гг.***

Тема	Число публикаций
Высшее образование	18
Школьное дело в Сибири	14

Участие общественности в просвещении населения	12
Женское образование	10
Сибирь как специфический регион в образовательном пространстве Российской империи	7
Развитие начального профессионального образования	7
Положение сибирского учительства	6
Обучение «инородцев»	4
Итого	78

* Составлено на основе сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1890–1904 гг.

В первые годы существования журнала на его страницах преобладала информация о состоянии школьного дела и уровне грамотности населения в «далекой и малокультурной» Сибири. Главной причиной ее «малокультурности» просвещенцы «Русской школы» называли отсутствие земств. Подчеркивая связь образовательных перспектив населения региона с созданием земств на имперской окраине, авторы публикаций, акцентируя внимание на недостатках системы народного образования, доказывали необходимость либеральных преобразований в регионе. В связи с этим состояние школьного дела в сибирской провинции описывалось при помощи таких слов-маркеров, как «печальное», «отсталое» и т. п. Рефреном большинства публикаций, посвященных вопросам школьного строительства в Сибири, была мысль о тяге населения к знаниям, о потребности края в различных образовательных учреждениях. Постоянный сотрудник журнала И.П. Белоконский утверждал, что «при лучшей постановке школы в Сибири она могла бы дать самые блестящие плоды, так как трудно разыскать более любознательный и способный народ, как сибиряки: любовь к образованию у них развита гораздо более, чем у крестьянина Европейской России, более забитого тысячелетним рабством, нежели сибиряк, не знавший о существовании крепостного права» [15].

В отличие от ведомственных педагогических журналов, подчеркивавших роль государства и церкви в деле просвещения населения восточной окраины, частные педагогические ежемесячники констатировали пассивность официальных структур и пропагандировали общественное участие в распространении грамотности. С их точки зрения, региональная специфика Сибири заключалась именно в особой роли общественных организаций местной интеллигенции, частично компенсировавших отсутствие органов земской «самопомощи».

Считая просвещение населения необходимым условием прогрессивного развития сибирской провинции, частные педагогические ежемесячники всемерно поддерживали общественную активность в формировании регионального образовательного пространства. Они регулярно помещали отчеты о деятельности сибирских обществ попечения о начальном образовании, популяризируя их деятельность. К числу основных заслуг просветительских общественных организа-

ций публицисты относили учреждение начальных и воскресных школ для детей и взрослых, устройство народных библиотек, читален и книжных складов, проведение публичных чтений и спектаклей, детских утренников.

Можно утверждать, что в общественном мнении пореформенной империи на материалах о деятельности просветительских обществ формировался своеобразный социокультурный поведенческий образ интеллигента – борца с невежеством в глухой провинции. Он интерпретировался как достойный уважения и воспроизведения в индивидуальных поведенческих стратегиях современников. С этой точки зрения показательна характеристика, данная В.В. Девелем основателю Общества попечения о начальном образовании в Томске П.И. Макушину: «Необыкновенная энергия, преданность делу и особенное умение найти людей и заставить их послужить тому делу, которому отдался и он сам – одна из причин, немало помогавших успеху всех благих начинаний этого деятеля» [16, с. 217].

«Какая школа нужна Сибири?» – эта проблема активно обсуждалась на страницах частных педагогических журналов. Представителей педагогической общественности интересовало количество школ в Сибири, их типы, объем финансирования, качество профессиональной подготовки учителей. Авторы «Русской школы» наиболее высоко оценивали образовательный потенциал земской школы, как известно, отсутствовавшей в Сибири. Данное обстоятельство предопределило поиски наиболее эффективной в сибирских условиях модели начального образования. Авторы журнала отмечали большее разнообразие типов школ в Сибири, чем в Европейской России, соотнося историю их появления со специфическим составом населения региона. Так, в сентябрьском номере «Русской школы» за 1895 г. сообщалось, что наряду с распространенными во «внутренней» России школами министерств народного просвещения, государственных имуществ и внутренних дел, церковно-приходскими училищами и школами грамоты в Сибири действовали казачьи, горные, миссионерские школы [17, с. 244].

Наибольшее число нареканий у авторов частных педагогических журналов вызывало качество преподавания в церковно-приходских школах, интерес к которым усилился в связи с проектом передачи начального образования в крае в ведение церкви. В отличие от синодального «Народного образования», признававшего за РПЦ лидерство в деле распространения просвещения в регионе, «Русская школа» обращала внимание на низкий образовательный уровень сибирского сельского духовенства. К примеру, известный православный публицист Н.К. Смирнов, сотрудничавший с журналом, отмечал, что школы церковного ведомства в Восточной Сибири во всех отношениях значительно уступают «министерским» – их средний образовательный уровень ниже, время пребывания учеников в школе короче, «в учебных пособиях недостаток гораздо больший» [18, с. 160].

С критикой идеи передачи начальных училищ Западной Сибири духовному ведомству выступал и другой известный педагогический журнал – «Вестник

воспитания», основанный в 1890 г. врачом Е.А. Покровским [19; и др.]. В отличие от «Русской школы» и ведомственных журналов, ориентировавшихся в первую очередь на профессионально-педагогическую аудиторию, «Вестник воспитания» адресовал свои публикации главным образом родителям.

Напрямую связывая успешность «культурного и экономического» освоения Сибири с развитием системы высшего образования в регионе, редакции педагогических журналов неоднократно информировали своих читателей об учебной, научной жизни Томского университета, о бытовых проблемах сибирского студенчества, о роли выпускников университета в культурной жизни сибирской провинции. Особое внимание уделялось строительству в Томске первого в Сибири учительского института [20; 21; 22; и др.]. Устройство в регионе «будущего рассадника училищ в отдаленной окраине» актуализировало в общественном мнении дискуссию о содержании профессиональной подготовки будущих учителей, о соотношении в практике обучения предметной и педагогической подготовки. Так, по мнению одного из авторов «Русской школы», основы педагогической науки должны занимать центральное место в профессиональной подготовке учителей, доминируя над курсами «предметного блока» и методиками обучения конкретным школьным предметам [23]. Одновременно с углубленным изучением теоретических аспектов педагогики обосновывалась необходимость организации изучения ее азов, практиковалось кураторство за учащимися городского училища, создание которого предусматривалось при институте.

Размышляя о необходимости учреждения в регионе учительского института, авторы журнала акцентировали внимание на традиционном для педагогической периодики вопросе о профессиональной компетентности сибирских учителей, особенностях их экономического положения, социального статуса и образа жизни. Общим местом публикаций, посвященных положению учителей, особенно в сельской местности, была мысль о том, что учитель, лишенный регулярного общения и обмена опытом со своими коллегами, страдающий из-за материальных проблем, теряет интерес к своей профессиональной деятельности, менял сферу приложения своих сил. Из-за нехватки учительских кадров в крае местная администрация постоянно обращалась в столичные педагогические институты с просьбой направить их выпускников в Сибирь. Особым спросом пользовались учителя русского языка и математики [24]. П.Д. Шестаков, размышляя об обстоятельствах, «гибельно отражающихся на мысли и воле» сельского учителя в Сибири, называл отсутствие материала для чтения или его низкое качество, недостаток интеллигентного общества, приниженное и бесправное положение педагога среди деревенской «аристократии», зачастую устраивавшей систематическую и победоносную травлю неугодных ей учителей [25, с. 244].

В качестве средств борьбы с «убийственной обстановкой», мешавшей профессиональному и личному самосовершенствованию сибирских учителей,

назывались учительские собрания, совещания, съезды, которые, с одной стороны, могли способствовать обмену опытом, а с другой – позволяли формулировать консолидированное мнение по профессионально значимым вопросам, коллективно отстаивать свои права. Авторами публикаций о Сибири в частных педагогических журналах в основном являлись педагоги (В.В. Девель, К.В. Ельницкий, И.К. Смирнов, И.М. Софийский, П.Д. Шестаков и др.) и/или исследователи народной жизни (Я.В. Абрамов, И.П. Белоконский, В.В. Бирюкович и др.).

Таким образом, сравнивая освещение проблем Сибири в ведомственных и частных педагогических журналах, мы пришли к следующим выводам:

1. Как для ведомственных, так и для частных изданий основным информационным поводом, актуализировавшим тему Сибири, стала подготовка правительственных мероприятий в отношении региона. Однако в частных изданиях обсуждался более широкий спектр вопросов: наряду с проблемами школьного дела, выяснением дидактического потенциала литературы о крае рассматривались вопросы женского образования, просветительская деятельность сибирской общественности, положение сибирского учительства.

2. Как в ведомственных, так и в частных журналах большинство публикаций о регионе было представлено информационными сообщениями, как правило, перепечатанными из сибирских газет; кроме того, помещались рецензии на книги о Сибири. Однако в частных ежемесячниках опубликовано больше, чем в официальных изданиях, аналитических статей по проблемам развития народного образования в крае.

3. Авторы публикаций о регионе в основном были биографически связаны с Сибирью. В их числе педагоги (К.В. Ельницкий, И.К. Смирнов, И.М. Софийский, П.Д. Шестаков и др.), священнослужители (Д. Гагарин, И. Корелин, С. Фатуев), исследователи народной жизни (И.П. Белоконский, С.Л. Чудновский и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Родигина Н.Н. «Какая школа нужна Сибири?»: вопросы регионального образования в освещении педагогических журналов конца XIX – начала XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 141–150.
2. Реутова М.А. Тема сибирской начальной школы в освещении частных педагогических журналов «Русская школа» и «Вестник воспитания» (1908–1914 гг.) // Известия Алтайск. гос. ун-та. Барнаул, 2010. № 4/3(68). С. 194–197.
3. Тебиев Б.К. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в. М., 1996.
4. Менделеев Д.И. Рецензия на книгу Э. Гофмана «Северный Урал и береговой хребет Пан-Хой» // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1857. Ч. 93. С. 119–141.
5. Просвещение в Томской губернии // ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 167.
6. О состоянии и действии Тобольской гимназии в 1868/1869 уч. г. // ЖМНП. 1869. Ч. 145. С. 227–233.
7. Г.М. Заметка о народных училищах Забайкальской области // ЖМНП. 1881. Ч. 212. С. 151–192.
8. Чудновский С.Л. Школы в Сибири // ЖМНП. 1892. Ч. 279. С. 1–45.
9. Необходимость высшего учебного заведения для Сибири // ЖМНП. 1863. Ч. 118. С. 159–162.
10. А.Ф. Рецензия на книгу В.П. Сукачева «Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири» // ЖМНП. 1891. Ч. 227. С. 568–571.
11. Головачев П.М. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // ЖМНП. 1902. Ч. 343. С. 49–68.
12. Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края // ЖМНП. 1904. Ч. 352. С. 1–68.
13. Письмо с Дальнего Востока // Народное образование. 1901. № 3. С. 289–292.
14. Фатуев С. Начало школьного дела в гольдских стойбищах на Нижнем Амуре // Народное образование. 1901. № 9. С. 158–161.
15. Белоконский И.П. Народное образование в Восточной Сибири // Русская школа. 1891. № 5. С. 229–337.
16. Девель В.В. Городские и сельские библиотеки и читальни для народа // Русская школа. 1891. № 7/8. С. 214–233.
17. Первоначальное образование в Сибири // Русская школа. 1895. № 9. С. 244–247.
18. Смирнов И.К. Несколько слов о состоянии народного образования в Енисейской и Иркутской губерниях // Русская школа. 1898. № 4. С. 156–160.
19. Вопрос о заведении начальными училищами в Сибири // Вестник воспитания. 1896. № 7. С. 246–248.
20. Томский учительский институт // Русская школа. 1902. № 3. С. 81–82.
21. Ходатайство об учреждении в Томске Учительского института // Русская школа. 1901. № 2. С. 93–94.
22. Хроника // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 115.
23. П. Учительский институт в Томске // Русская школа. 1902. № 1. С. 83–84.
24. Недостаток в преподавателях в Сибири // Русская школа. 1904. № 10/11. С. 137.
25. Шестаков П. Школа и грамотность в Иркутской губернии // Русская школа. 1892. № 7/8. С. 216–244.

УДК 947(571)

В.А. ЗВЕРЕВ

**ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА***

д-р ист. наук
Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru

Приводятся и сопоставляются данные о масштабах и исторической динамике рождаемости, смертности, естественного прироста сельского и городского населения Западной Сибири – входивших в ее состав на рубеже XIX–XX вв. Тобольской и Томской губерний, Акмолинской обл. Выявляются общие черты и специфика воспроизводства (естественного движения) населения в двух основных поселенческих комплексах. Констатируется сохранение параметров, характерных для традиционного режима воспроизводства, при наличии признаков наметившейся модернизации – преимущественно в городах.

Ключевые слова: воспроизводство населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, демографический переход, сельский и городской поселенческие комплексы, историческая компаративистика.

Актуальность изучения процесса воспроизводства населения – непрерывного самовозобновления поколений людей на национальном и региональном уровнях – диктуется необходимостью адекватно объяснить не только 150-летнюю историю российской демографической модернизации, но и 20-летнюю историю нынешнего жестокого демографического кризиса. В исторической демографии накоплен определенный опыт изучения процесса воспроизводства населения на территории всей Сибири или ее западной части в ту эпоху, когда разворачивалась демографическая модернизация [1, с. 61–65]. В ряде трудов проводится линия на совмещение в фокусе внимания и сравнительное сопоставление двух основных поселенческих категорий населения – городского и деревенского [2; 3; и др.]. Это необходимо для понимания динамичной ситуации, возникшей в условиях перестройки демографической сферы, когда перспективные аспекты общей обстановки складывались именно в городах, распространяясь оттуда на сельскую местность. Настоящая статья продолжает такую компаративистскую линию исследования воспроизводства населения городов и уездов по материалам Западной Сибири.

Задачи и значение статьи заключаются в следующем: 1) приводятся сгруппированные по многолетним этапам параллельные относительные данные о масштабах естественного движения сельского и городского населения в Западной Сибири и ее субрегионах за длительный период – с конца 1880-х гг. до 1914 г.; 2) эти данные сопоставляются друг с другом, выявляются общие и особенные черты воспроизводственного процесса в населении городов и селений региона и субрегионов; 3) ситуация, зафиксированная в Западной Сибири, сравнивается с положением дел в городах и селениях Российской империи, взятой в целом, где ученые констатируют наличие на рубеже

XIX–XX вв. признаков начальной фазы демографического перехода.

Основным историко-демографическим источником в данной статье стала текущая административная статистика численности и естественного движения населения России, ее регионов и субрегионов. Статистика восходит к административно-полицейским исчислениям населения, учитывавшим на рубеже веков данные Всеобщей переписи 1897 г., а также к сведениям метрических церковных книг о рожившихся и умерших. Местные данные аккумулировались в губернских и областных статкомитетах. Затем они направлялись в имперское медицинское ведомство, входившее в структуру Министерства внутренних дел (МВД), где корректировались и потом публиковались. С 1886 г. в ежегодные «Отчеты» медицинского ведомства стали включаться не только суммарные сведения о населении большинства регионов России, в том числе Томской и Тобольской губерний, но и необходимые для решения наших задач данные отдельно о деревенском населении (сельчане Акмолинской обл. впервые выделены здесь в 1889 г.). Имея данные о численности и естественном движении сельского населения, легко высчитать параллельные параметры городского населения. Применительно к периоду 1896–1901 гг. интересующие нас демографические сведения, к сожалению, не дифференцированы по поселенческим комплексам. Однако затем и городское, и деревенское население вновь регулярно показано (отдельно) в отчетах за 1902–1914 гг.

Публикация региональных материалов в авторитетном ведомственном издании означала, что специалисты, зная несовершенство отечественной демографической статистики, особенно в Азиатской России, тем не менее признали ее в достаточной степени достоверной. Известный демограф Р.И. Сифман, работавшая в 1970-х гг. со статистикой медицинского ведомства, относящейся к Сибири конца XIX – начала XX в., также оценивала ее как достаточно репрезентативную, но не ставила задачу определения специфики

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

воспроизводства населения в городе и деревне [4, с. 72–73]. Еще раньше А.Г. Рашин пользовался этой статистикой для выявления параметров естественного движения населения Сибири, также не дифференцируя население городов и уездов (5, с. 231).

На основе кратко охарактеризованной здесь демографической статистики мы высчитали относительные показатели (общие коэффициенты) естественного движения населения в Западной Сибири и ее субрегионах, отдельно в городах и селениях. Итоги подсчетов, касающиеся последовательно каждого года в промежутке между 1887 и 1914 гг., объединили в 3–5-летние этапы для того, чтобы выявленные соотношения и их динамика в необходимой степени освободились от влияния случайных факторов каждого отдельного года¹. Границы этапов определялись с учетом высказанных ранее авторитетными историками соображений по поводу хронологии народонаселенческих процессов в Сибири на рубеже XIX–XX вв. [6; и др.]. Ситуацию в нашем крае в сравнении с обстановкой по стране в целом позволяют лучше понять рассчитанные нами применительно к 1902–1914 гг. общие коэффициенты естественного движения населения всей Российской империи.

Анализ масштабов и исторической динамики воспроизводственного процесса в обоих поселенческих комплексах нашего региона начнем с рассмотрения комбинации общих коэффициентов смертности (табл. 1).

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных табл. 1, – это весьма высокие показатели смертности во всех субрегионах и в целом по Западной Сибири. Вычислим средние величины рядов показателей для сельского и городского населения всех трех субрегионов и увидим, что наибольшая смертность была характерна для деревень Тобольской губ. и городов Томской губ. Наименьшая величина ряда фиксируется в селениях Акмолинской обл. и городах Тобольской губ. Средняя смертность у горожан была выше, чем у деревенских жителей, в Томской губ. и Акмолинской обл., но в Тобольской губ. соотношение было обратным. Максимальная смертность отмечалась и в деревнях, и в городах Западной Сибири в 1890–1892 гг.: негативно сказывались губительные последствия холерной эпидемии, неурожая и голода 1891–1892 гг. На этом же этапе максимальная смертность обнаруживается и у сельского населения Тобольской губ. (здесь находился эпицентр бедствий 1891–1892 гг. в масштабах региона), а также у город-

Таблица 1
Смертность сельского и городского населения России, Западной Сибири и ее субрегионов на рубеже XIX–XX вв., на 1000 чел.

Годы	Акмолинская обл.	Тобольская губ.	Томская губ.	Западная Сибирь	Российская империя
<i>Сельское население</i>					
1887–1889	...	45,2	25,5	35,7	–
1890–1892	17,9	50,9	30,0	37,0	–
1893–1895	16,2	35,4	37,1	33,2	–
1902–1905	19,7	39,3	28,9	30,9	28,2
1906–1909	21,6	41,4	34,7	34,6	27,4
1910–1914	25,5	38,4	32,5	32,9	25,7
<i>Городское население</i>					
1887–1889	...	28,4	48,8	38,4	–
1890–1892	61,1	34,8	55,8	48,1	–
1893–1895	25,9	36,6	36,7	33,9	–
1902–1905	34,4	32,3	33,1	33,3	26,0
1906–1909	42,9	36,1	40,6	40,1	26,8
1910–1914	26,8	32,5	32,6	30,7	23,0

ского населения Акмолинской обл. и Томской губ.

Со временем смертность сокращалась: с 1887–1895 до 1902–1914 гг. в масштабах всей Западной Сибири она уменьшилась с 35,3 до 32,8 ‰ в сельской местности, с 40,1 до 34,4 ‰ в городах. Однако это сокращение нужно признать небольшим, оно не имело принципиального значения. В изучаемый период в деревнях Акмолинской обл. происходило не сокращение, а почти неуклонное увеличение смертности. Тенденция к сокращению в рамках региона обнаружилась бы более явно, она дала бы более весомые результаты, если бы не всплеск летальности на этапе 1906–1909 гг. На годы Столыпинской аграрной реформы приходится скачок смертности в Западной Сибири и во всех ее субрегионах; и в селениях, и в городах это объясняется тяжелыми условиями переселения масс мигрантов и первоначального их обустройства на новых местах.

Была ли синхронизирована историческая динамика смертности в городах и селениях? Задавшись этим вопросом, мы провели корреляционный анализ рядов показателей, помещенных в табл. 1, с помощью приближенного коэффициента корреляции Фехнера, который не требует громоздких вычислений [7, с. 103–104]. Обнаружилась парадоксальная ситуация. Субрегиональная смертность в селениях и городах менялась со временем в слабой прямой связи в Акмолинской обл. и Тобольской губ. Коэффициенты корреляции рядов показателей здесь составляли соответственно 0,2 и 0,33. В деревнях и городах Томской губ. корреляция тоже была слабой, но коэффициент имел отрицательное значение (–0,33). В масштабах же всей Западной Сибири наблюдалась очень высокая прямая взаимосвязь динамики смертности в городах и деревнях (коэффициент Фехнера равнялся 1).

Сопоставление масштабов и изменений смертности в поселенческих комплексах Западной Сибири и всей Российской империи за период 1902–1914 гг.

¹ Помещенные в табл. 1–3 и в тексте статьи относительные показатели подсчитаны по источникам: Отчет Медицинского департамента МВД за... [1886–1895 гг.]. СПб., 1888–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916. За неимением в источниках не учитываются сведения по Акмолинской обл. за 1887–1889 и 1891 гг. Показатели за многолетние периоды равны средним арифметическим всех годовых показателей за данный период. Годовые общие коэффициенты смертности и рождаемости измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году. Общие коэффициенты естественного прироста равны разности между коэффициентами рождаемости и смертности.

показывает следующее. В России (в первую очередь в европейской ее части, где проживала основная масса населения империи) смертность была заметно ниже, чем в Западной Сибири: в среднем в городах – на 9,3, в уездах – на 5,8 %. Динамические ряды летальности в России и нашем крае имели невысокую корреляцию и в селениях, и в городах (коэффициент Фехнера, равный 0,33, в первом случае имел положительную, во втором – отрицательную величину). Иначе говоря, тенденция снижения смертности, характерная для городов и селений Европейской России и Российской империи в целом, действовала и в нашем регионе, но проявлялась здесь асимметричным образом.

Рассмотрим динамические ряды общих коэффициентов рождаемости (табл. 2). В изучаемый период показатели рождаемости, весьма высокие, в селениях Западной Сибири были больше, чем в городах, в среднем на 8,5 %. Такое соотношение складывалось благодаря Тобольской губ. (здесь разница в пользу деревень достигала 21,3 %) и в меньшей степени – Томской губ. В Акмолинской обл. соотношение было обратным – 12,1 % в пользу горожан. Как и в случае со смертностью, рождаемость и в селениях, и в городах Западной Сибири в изучаемое время была заметно выше, чем в целом по Российской империи и, соответственно, в Европейской России. В 1902–1914 гг. средняя величина общего коэффициента рождаемости в городах была выше, чем по России в целом, на 9,9, а в уездах – на 9,3 %.

В Западной Сибири прослеживается слабо выраженная тенденция к повышению уровня рождаемости. В 1902–1914 гг. по сравнению с 1887–1895 гг. общий коэффициент рождаемости в селениях вырос с 50 до 53 %, а в городах – с 40,9 до 44,8 %. Однако, как и в ситуации со смертностью, тесной корреляции между изменениями рождаемости в поселенческих комплексах Западной Сибири и Российской империи не наблюдалось. Коэффициент Фехнера показывает

слабую связь и в деревенском, и в городском рядах. Только в первом случае эта связь обратная (-0,33), а во втором – прямая (0,33).

Обратившись к специфике отдельных исторических этапов и субрегионов, отметим следующие примечательные явления. В большинстве динамических рядов, относящихся к Зауралью, наиболее высокие показатели рождаемости приходятся на один из двух этапов: 1) 1890–1892 или прилегающие к ним 1893–1895 гг.; 2) 1906–1909 или последующие 1910–1914 гг. В селениях и городах Томской губ., в городах Акмолинской обл. четко прослеживаются два пика рождаемости: и в первом, и во втором из указанных этапов. В итоге оба пика проявляются в уездах и городах всей Западной Сибири. Первый пик явно является компенсаторным: усиливая детородную активность, сибиряки восстанавливали демографическое равновесие, нарушенное сверхвысокой смертностью голодных и холерных 1891–1892 гг. Второй пик объясняется повышенной рождаемостью в среде переселенцев «столыпинской» волны, доля которых в населении Западной Сибири стремительно увеличивалась. Такая повышенная рождаемость тоже в какой-то степени имела компенсаторный характер: у мигрантов умирало много детей в пути и первое время на новых местах, их требовалось заместить. Но главным образом она была связана с благоприятной для рождаемости демографической структурой переселенческого контингента и существовавшей в его среде установкой на расширение рабочего состава семьи.

С помощью коэффициента Фехнера проанализируем степень взаимосвязанности исторической динамики рождаемости сначала в одинаковых поселенческих комплексах разных субрегионов Западной Сибири, а затем в городах и селениях одних и тех же субрегионов.

В результате подсчетов выясняется, что в сельской местности на всей территории нашего края уровень рождаемости изменялся со временем сходным образом. Коэффициент корреляции рядов Акмолинской обл. и Тобольской губ., Томской губ. и Акмолинской обл. равнялся 0,6, что означает их довольно тесную прямую связь. Деревенские ряды Томской и Тобольской губерний связаны слабее, на уровне коэффициента – 0,33. В городских поселениях разных субрегионов корреляция динамики рождаемости выглядит неоднозначно: между Акмолинской обл. и Томской губ. – прямой и тесной (коэффициент равен 0,6); между Тобольской и Томской губерниями – слабой и обратной (-0,33), между Тобольской губ. и Акмолинской обл. – слабой и прямой (0,2).

Характер взаимосвязи исторической динамики рождаемости в городах и селениях того или иного субрегиона с тем же классом динамики в других субрегионах тоже следует признать противоречивым. В Тобольской губ., в городских и сельских поселениях, рождаемость со временем менялась по общему сценарию, коэффициент корреляции двух указанных динамических рядов равнялся 1. А в Томской губ. и Акмолинской обл. связь была слабой, на уровне коэффициентов, равных -0,33 и -0,2 соответственно.

Таблица 2
Рождаемость сельского и городского населения России, Западной Сибири и ее субрегионов на рубеже XIX–XX вв., на 1000 чел.

Годы	Акмолин- ская обл.	Тоболь- ская губ.	Томская губ.	Западная Сибирь	Россий- ская импе- рия
<i>Сельское население</i>					
1887–1889	–	54,3	48,6	51,6	–
1890–1892	24,4	51,8	48,6	46,3	–
1893–1895	25,2	50,5	63,6	52,1	–
1902–1905	32,4	55,2	52,3	49,9	44,9
1906–1909	38,8	58,9	58,0	55,0	44,5
1910–1914	44,1	56,6	55,7	53,8	41,9
<i>Городское население</i>					
1887–1889	–	27,4	53,1	39,9	–
1890–1892	55,8	23,3	54,0	41,7	–
1893–1895	40,9	33,0	47,9	41,0	–
1902–1905	46,9	35,3	43,5	42,4	36,9
1906–1909	54,3	40,3	58,0	52,1	36,7
1910–1914	37,7	37,6	45,5	41,0	32,0

Таблица 3
Естественный прирост сельского и городского населения России, Западной Сибири и ее субрегионов на рубеже XIX–XX вв., на 1000 чел.

Годы	Акмолинская обл.	Тобольская губ.	Томская губ.	Западная Сибирь	Российская империя
<i>Сельское население</i>					
1887–1889	–	9,1	23,1	15,9	–
1890–1892	6,5	0,9	18,6	9,3	–
1893–1895	9,0	15,1	26,5	18,9	–
1902–1905	12,7	15,9	23,4	19,0	16,7
1906–1909	17,2	17,5	23,3	20,4	17,1
1910–1914	18,6	18,2	23,2	20,9	16,2
<i>Городское население</i>					
1887–1889	–	-1,0	4,3	1,5	–
1890–1892	-5,3	-11,5	-1,8	-6,4	–
1893–1895	15,0	-3,6	11,2	7,1	–
1902–1905	12,5	3,0	10,4	9,1	10,9
1906–1909	11,4	4,2	17,4	12,0	9,9
1910–1914	10,9	5,1	12,9	10,3	9,0

Соотношение смертности и рождаемости находит свое естественное выражение в приросте населения. Обратимся к сравнительным данным о естественном приросте в поселенческих комплексах нашего края (табл. 3).

Сведенные в табл. 3 результаты подсчетов показывают следующее. В течение всего изучаемого периода в уездах всех западносибирских субрегионов естественный прирост населения был положительным и на большинстве этапов очень высоким. В селениях Тобольской губ. в 1893–1914 гг., в деревнях Акмолинской обл. в 1906–1914 гг. общий коэффициент естественного прироста приближался к уровню демографического «взрыва», превышая 15 %. В уездах Томской губ. «взрыв» был очевидной реальностью, начавшись еще в 1880-х гг.: почти на всем протяжении изучаемого периода прирост держался на уровне более 20 %. В итоге в сельской местности всей Западной Сибири происходило нарастание прироста от этапа к этапу, и в годы Столыпинской аграрной реформы произошел переход от «предвзрывной» к «взрывной» ситуации. В рамки действия этой тенденции вписывается тесная корреляция рядов показателей прироста в деревнях Томской и Тобольской губерний, где в совокупности проживало абсолютное большинство западносибирских сельчан (коэффициент Фехнера равен 0,67). Корреляция рядов показателей в деревнях Акмолинской обл. и обеих западносибирских губерний была невысокой (коэффициент в обоих случаях равняется 0,2), но это не меняет общей картины. Тенденция к увеличению естественного прироста имела, впрочем, перерыв на этапе 1890–1892 гг., когда отмеченная выше сверхсмертность из-за холерной эпидемии, неурожая и голода на время сбивала уровень естественного прироста в селениях Западной Сибири и всех ее субрегионов.

Естественный прирост городского населения Западной Сибири в течение всего изучаемого периода был намного ниже, чем деревенского: в среднем в Ак-

молинской обл. – на 4,2 ‰, в Томской губ. – в 2,3 раза, а в Тобольской губ. – даже в 45,3 раза. В «моровые» 1890–1892 гг. в городах всех субрегионов прирост был отрицательным. В Тобольской губ. хроническая естественная убыль горожан была преодолена только к началу XX в. Однако в городах нашего края происходило (правда, не так последовательно, как в селениях) увеличение прироста, и по крайней мере в Томской губ. и Акмолинской обл. уже к середине 1890-х гг. были достигнуты впечатляющие успехи: естественный прирост населения стал стабильно высоким, достигнув ежегодного уровня в 10–15 ‰. Характерно, что наибольший, на границе демографического «взрыва», показатель (17,4 ‰) был достигнут в городах именно Томской губ. и именно в 1906–1909 гг.: в масштабах всей Сибири селения и города этого субрегиона приняли основную массу мигрантов «столыпинской» волны, а в указанные годы эта волна достигала своего пика. Переселенческая среда давала повышенный естественный прирост не только в деревнях, где оседала ее основная часть, но и в городах, где поселились десятки тысяч семейств, мигрировавших из Европейской России.

Общая тенденция повышения естественного прироста давала тесную связь рядов показателей в городах всех трех субрегионов Западной Сибири – коэффициент Фехнера фиксируется на уровне 0,6–0,67. Корреляция в парах «селения – города» давала более сложную картину. В Томской губ. изменение уровня естественного прироста в городах и деревнях было синхронизировано максимально (коэффициент Фехнера равен 1), в Тобольской губ. – в высокой степени (0,67), но в Акмолинской обл. корреляция была слабой (0,2). На уровне всего региона Западной Сибири сельские и городские ряды показателей изменялись со временем почти синхронно, коэффициент корреляции здесь равен 1.

Сопоставим динамику естественного прироста за 1902–1914 гг. в двух типах поселений Западной Сибири и Российской империи в целом. В Западной Сибири прирост был выше, но в небольшой степени. В селениях разница составляла в среднем 3,6, в городах – 0,6 ‰. Выясняется, что обе пары рядов имеют слабую обратную зависимость: если в целом по стране, и в сельской местности, и в городах, действовала тенденция сокращения естественного прироста, то в Западной Сибири он со временем увеличивался.

В итоге нашего исследования выяснилось следующее. Параметры и динамика естественного движения населения в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. имели специфику на субрегиональном и поселенческом уровнях. Имелись немалые отличия от Европейской России, которая в силу доминирующей численности своего населения определяла демографическую ситуацию в целом по стране. Однако указанные специфика и отличия носили непринципиальный характер. Важнейшее значение имели общие генеральные характеристики: 1) господство традиционного режима воспроизводства населения (его яркие признаки – очень высокие рождаемость и смертность, резкие переломы ситуации под влиянием природно-климатической, политической и социальной конъюнк-

туры, демографическое доминирование деревни, а не города); 2) появление «едва наметившихся тенденций перехода к так называемому современному типу воспроизводства населения» [8, с. 27], что ярче всего выразилось в некотором сокращении смертности, во «взрывных» показателях естественного прироста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверев В.А.* Современный этап изучения социально-демографического развития Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004.
2. *Пронин В.И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984.
3. *Зверев В.А.* Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006.
4. *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
5. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956.
6. *Пронин В.И.* Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996.
7. *Славко Т.И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.
8. *Население России в XX веке: исторические очерки.* М., 2000. Т. 1.

УДК 94(571) 082/083

А.Б. ХРАМЦОВ

РЕФОРМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

канд. ист. наук
Тюменский государственный
архитектурно-строительный университет
e-mail: khramtsov_ab@bk.ru

В статье исследуется процесс реформирования полицейского управления Западной Сибири в 1860–1890-е гг.; прослеживаются этапы преобразования полицейских управлений в городах и уездах региона, раскрывается местная специфика проведения реформ. Анализируются нормативные акты, принятые правительством в этой области; показаны проблемы взаимоотношений полиции и органов городского самоуправления. На основании изучения обширного круга источников автор делает вывод о том, что полицейское управление в этот период ни в количественном, ни в качественном отношении не отвечало потребностям социально-экономического положения региона.

Ключевые слова: реформы, полиция, Западная Сибирь, Тобольская губерния, Томская губерния.

Современная реформа правоохранительных органов направлена в первую очередь на повышение эффективности форм и методов обеспечения общественной безопасности. В этом контексте особый интерес представляет накопленный в досоветской России опыт полицейского управления, изучение которого позволяет выработать механизмы оптимизации системы органов внутренних дел, а главное – избежать ошибок предшественников.

В данной статье исследуется процесс реформирования полицейского управления Западной Сибири в 1860–1890-е гг. Крупнейший регион страны с учетом его географических, политических, экономических и этнографических особенностей в указанный период отличался интенсивной колонизацией и быстрым ростом городского населения. В административно-территориальном отношении Западная Сибирь в конце XIX в. включала Тобольскую (с 10 городами: Тобольск, Тюмень, Курган, Ишим, Ялуторовск, Тара, Туринск, Тюкалинск, Березов и Сургут) и Томскую губернии (с

8 городами: Томск, Бийск, Барнаул, Мариинск, Каинск, Кузнецк, Колывань и Нарым).

Неудовлетворительное состояние профессиональной подготовки полицейских кадров и в целом низкая эффективность деятельности полиции привели к тому, что 25 декабря 1862 г. император утвердил Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых, согласно которым сельские и городские полицейские управления объединялись в централизованные окружные полицейские управления. 12 июня 1867 г. высочайше утверждается мнение Госсовета о преобразовании штатов полицейских управлений в Сибири и упразднении общих окружных управлений¹. Причем для каждого округа определяется личный состав полиции, размер его содержания и служебные права служащих по должности, по мундиру и пенсии (табл. 1).

¹ ПСЗ РИ. СПб., 1867. Собр. II. Т. 42. Отд. I. № 44 681. С. 879–880.

Таблица 1

Штаты окружных полицейских управлений Западной Сибири, 1867 г.*

Должность	Число лиц	Оклады содержания в год, руб.		Классы и разряды по		
		одному	всем	должности	мундиру	пенсии
	Тобольская губерния: <i>Окружные полицейские управления:</i> <i>Березовское</i>					
Окружной исправник	1	2000	2000	VII		V
Помощник его	1	1400	1400	VIII		VI
Земских заседателей	4	900	3600	IX		VI
Им на канцелярию	—	300	1200	—		—
Полицейских надзирателей	2	550	1100	X		VII
Им на канцелярию	—	150	300	—		—
Секретарь	1	800	800	X	IX	VII
Столоначальников	2	500	1000	XII	X	VIII
На писцов, наем сторожей, рассыльных и канцелярию	—	—	2400			
<i>Всего</i>	<i>11</i>	<i>—</i>	<i>13800</i>			
	<i>Сургутское</i>					
Окружной исправник	1	1200	1200	VII		V
Помощник его	1	800	800	VIII		VI
Секретарь	1	400	400	X	IX	VII
На писцов, наем сторожей, рассыльных и канцелярию			600			
<i>Всего</i>	<i>3</i>		<i>3000</i>			
	<i>Ишимское*</i>					
Окружной исправник	1	1500	1500	VII		V
Помощник его	1	1000	1000	VIII		VI
Земских заседателей	4	600	2400	IX		VI
Им на канцелярию		300	1200			
Полицейских надзирателей	2	400	800	X		VII
Им на канцелярию		150	300			
Секретарь	1	400	400	X	IX	VII
Столоначальников	2	200	400	XII	X	VIII
Журналист (он же архивариус)	1	200	200			
На писцов, наем сторожей, рассыльных и канцелярию			2100	XII	X	VIII
<i>Всего</i>	<i>12</i>		<i>10300</i>			
<i>* По данному штату были образованы окружные полицейские управления: Тарское, Ялуторовское, Курганское</i>						
<i>Туринское:</i> минус 1 земский заседатель	11	—	9400			
<i>Тобольское:</i> минус полицейские надзиратели	10	—	9200			
<i>Тюменское:</i> плюс 2 полицейских надзирателя и столоначальник	15	—	11600			
	Томская губерния					
<i>Каинское:</i> плюс 1 земский заседатель	13	—	11200			
<i>Бийское:</i> минус 1 земский заседатель	11	—	9400			
<i>Кузнецкое:</i> минус 1 земский заседатель	11	—	9400			
<i>Мариинское:</i> минус 1 земский заседатель	11	—	9400			
<i>Томское:</i> минус 2 полицейских надзирателя и плюс 1 земский заседатель	11	—	10100			
<i>Барнаульское:</i> плюс 1 земский заседатель, 2 полицейских надзирателя и 1 столоначальник	16	—	12500			
<i>Курганское, Ишимское, Томское и Бийское:</i> плюс корчемные заседатели по соляной части	4	900	3600			
<i>Всего</i>	<i>175</i>	<i>—</i>	<i>153800</i>			

* Томские губернские ведомости. 1867. № 37. С. 3—4.

Таблица 2

Штаты отдельных городских полицейских управлений, 1867 г.

Должность	Число лиц	Оклады содержания в год, руб.		Классы и разряды по		
		одному	всем	должности	мундиру	пенсии
Тобольское городское полицейское управление						
Полицмейстер	1	1500	1500	VII		V
Полицейских приставов	3	600	1800	IX		VI
Им на канцелярию		300	900			
Помощников приставов	6	400	2400	X		VII
Секретарь	1	600	600	X	IX	VII
Столоначальников	2	200	400	XII	X	VIII
На писцов, наем сторожей, рассыльных и канцелярию			1400			
Всего	13		9000			
* По данному штату образовано						
Томское: плюс 1 помощник пристава, 1 столоначальник	15		9600			
Колыванское городское полицейское управление						
Полицмейстер	1	1000	1000	VII		V
Полицейских надзирателей	2	400	800	X		VII
Им на канцелярию		50	100			
Секретарь	1	500	500	X	IX	VII
На канцелярию			1000			
Всего	4		3400			
В 3-х городских управлениях	32		22000			

* Томские губернские ведомости. 1867. № 37. С. 5.

По реформе 1867 г. в Западной Сибири было образовано 15 окружных полицейских управлений (за исключением заштатных Колывани, Нарыма и Тюкалинска). Из Березовского округа был выделен Сургутский с образованием в нем окружной полиции, находившейся в непосредственном подчинении губернатора. На местном уровне с целью усиления патрульно-постовой службы вводились городские полицейские команды. Их численность определялась из расчета: 5 полицейских на каждые 2 тыс. горожан. Возглавлялись полицейские команды, как правило, унтер-офицером и подчинялись окружному исправнику.

Главой окружной полиции становился исправник, вводилась новая должность – помощник исправника, должности городничего и письмоводителя упразднились, а должности секретаря, столоначальника и журналиста оставались без изменений. Увеличение денежного содержания чинов полиции в Тобольской и Томской губерниях составило в среднем 1,5–2 раза. По штату 1867 г. возросло число полицейских участков в округах: в частности, в Томском и Барнаульском – с 3 до 5, Каинском – с 3 до 4. В четырех окружных управлениях продолжали выполнять таможенные функции корчемные заседатели по соляной части.

В губернских городах (Тобольск и Томск) и Колывани сохранилась отдельная городская полиция под руководством полицмейстера (табл. 2). Города дели-

лись на полицейские участки (части), возглавляемые приставами. Каждый губернский центр подразделялся на три участка. Барнаул по реформе 1867 г. потерял особый статус, поскольку действовавшая в нем горная полиция была расформирована, а город был разбит на четыре участка, в каждый из них назначался надзиратель [1, с. 40, 44].

Денежное, вещевое и квартирное довольствие полицейских команд обеспечивали городские управы. Жалование от казны получали только полицейские начальники (полицмейстеры и исправники). Суммы на содержание полиции отпускались управами ежемесячно по требовательным ведомостям. В зимнее время полицейским Сибири выдавались меховые шапки, по образцу папах, изготавливаемых для армейских пехотных частей. Одной из обязанностей городов являлось снабжение чинов полиции запасными патронами. Одному городскому полагалось 100 патронов в год. Кроме того, города обеспечивали лечение полицейских в больницах. Тем не менее в случае обнаружения злоупотреблений со стороны полицейского управления в расходовании сумм местного бюджета городские власти имели право подать жалобу начальству².

² Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912. С. 383.

Законодатель распространил компетенцию полиции на различные сферы жизнедеятельности общества и, естественно, не установил самого главного – пределов ее власти. Неопределенность и расплывчатость функций, отсутствие «единого полицейского устава» приводили на практике к разного рода злоупотреблениям и произволу чиновников, что не позволяло сконцентрировать силы и средства на охране правопорядка. На полицейские управления возлагались трудновосприимчивые обязанности: административные, хозяйственные, судебные и пр., на что, в частности, обращал внимание енисейский губернатор А.Д. Лохвицкий, который в отчете за 1880 г. вносил предложение императору об отделении судебных дел от полицейских посредством введения судебных следователей [2, с. 130].

Реформа 1867 г. существенно изменила компетенцию общей полиции, организацию местного аппарата и ее подразделений, но поиск рациональных форм и методов полицейского управления продолжался. 14 апреля 1887 г. император утвердил особое мнение Госсвета «О численном составе и устройстве полицейских команд в городах, для коих не издано особых штатов полиции», согласно которому:

1) в городских поселениях с количеством до 2000 жителей назначались не более 5 городских; в других городах число городских определялось по расчету – не более 1 городского на каждые 500 душ обоего пола;

2) в числе 5 городских полагался 1 старший, остальные – младшие;

3) на их содержание отпускалось: старшим – не свыше 180 руб., младшим – не свыше 150 руб. в год каждому; сверх того на обмундирование – по 25 руб. ежегодно каждому;

4) численный состав и оклады городских полицейских команд, не выходя из пределов п. 1–3, определяло МВД по представлению губернского начальства, с заключением городской думы или заменявшего ее установления. При этом во внимание принимались как денежные средства города, так и местные условия и особенности;

5) расходы на содержание полицейских команд производились полностью из средств городов, а именно, предусматривался наем квартир для чинов полиции, их отопление и освещение, а также снабжение городских вооружением (шашками и револьверами);

6) на городских не могли возлагаться обязанности рассыльных или сторожей при полицейских управлениях, не соответствовавшие их прямому назначению – охранять общественный порядок и безопасность³.

Новые штаты полицейских команд в городах Тобольской губернии были утверждены 15 января, а Томской – 27 марта 1888 г.⁴ Численность служащих и оклады их содержания определялись в зависимости от статуса города (губернский, окружной, заштатный), количества его жителей и средств местного бюджета. Например, жалование старшего городского Ялуторовска равнялось окладу младшего городского Томска и Тюмени (табл. 3).

³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1887. I полугодие. Ст. 485. С. 881–882.

⁴ Там же. СПб., 1888. I полугодие. Ст. 269; Ст. 441.

Таблица 3
Изменения штатов полиции в отдельных городах Сибири. 1880–1890-е гг.*

Штатный состав	Число чинов	Оклад содержания каждого в год, руб.	Всем, руб.
<i>Городское полицейское управление г. Томска (1894 г.)</i>			
Полицмейстер	1	1500	1500
Помощник полицмейстера	1	1200	1200
Секретарь	1	600	600
Столоначальников	3	200	600
Участковых приставов	5	1000	5000
Помощников приставов	5	750	3750
Околоточных надзирателей	20	420	8400
Старших городских	14	180	2520
Младших городских	58	120	6960
Рассыльных	24	150	3600
На обмундирование, канцелярию и пр.		25	8400
<i>Всего</i>	132		42530
<i>Полицейская команда г. Барнаула (1888 г.)</i>			
Старших городских	6	156	936
Младших городских	24	120	2880
На обмундирование		25	750
<i>Всего</i>	30		4566
<i>Полицейская команда г. Бийска (1888 г.)</i>			
Старших городских	4	144	576
Младших городских	18	96	1728
На обмундирование		25	550
<i>Всего</i>	22		2854
<i>Полицейская команда г. Тюмени (1888 г.)</i>			
Старших городских	пеших 2	174	348
	конных 4	200	800
Младших городских	27	120	3240
На обмундирование		25	825
<i>Всего</i>	33		5213
<i>Полицейская команда г. Ялуторовска (1892 г.)</i>			
Старших городских	2	120	240
Младших городских	7	108	756
На обмундирование		25	225
<i>Всего</i>	9		1221

* Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1893. I полугодие. Ст. 92. С. 173; 1894. I полугодие. Ст. 275. С. 740–741; ГАТО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4, 28–28а; Томские губернские ведомости. 1888. № 22. С. 1.

Полицейским служащим предоставлялся ряд гарантий и льгот. Высочайше утвержденным 4 мая 1889 г. особым мнением Госсвета «О квартирном довольствии полицейских чиновников» определялись суммы денег, выдаваемых полицейским для найма

Таблица 4

Квартирное довольствие полицейских служащих. 1889 г.*

Должность	Местность, руб.				
	1 разряд	2 разряд	3 разряд	4 разряд	5 разряд
Полицмейстер / исправник	700	600	500	400	300
Помощник полицмейстера / исправника	500	400	350	300	250
Участковый / городской полицейский пристав	400	300	250	200	180
Помощник пристава / полицейский надзиратель	250	200	150	120	100

* Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1889. II полугодие. Ст. 662. С. 1317–1319.

жилья, размер которых зависел от должности и разряда местности (табл. 4). Так, Тобольская и Томская губернии относились ко второму разряду. Причем при отводе помещений в казенных зданиях городские и земские учреждения вносили положенные им средства непосредственно в казну. При найме квартир в частных домах деньги выдавались служащим.

Согласно закону от 3 июня 1892 г., городovým, бессрочно и непрерывно прослужившим в одной полицейской команде в течение семи лет, назначалось прибавочное жалование в размере 1/3 получаемого ими оклада, если оклад этот не превышал 150 руб.; если же он был выше, то прибавка составляла 50 руб. При увольнении городских в отставку им предоставлялось: за 20 лет службы в одной и той же полицейской команде – единовременное пособие 250 руб.; за 30 лет – ежегодная пенсия 96 руб. В случае смерти городских, выслуживших пенсионные сроки, их вдовам назначалась пенсия 36 руб. в год. Определение единовременных пособий и пенсий чинам полиции относилось к компетенции министра внутренних дел. Расходы по выдаче прибавочного жалования, единовременного пособия и пенсии производились за счет средств городов⁵.

Полицейские команды в городах Западной Сибири комплектовались как из вольнонаемных лиц, так и из чинов военного ведомства. На нижние должности (городовых) набирались по вольному найму. Руководящее звено пополнялось за счет отставных военных или чиновников других ведомств. Для претендентов на вакансии полицейских был предусмотрен вопросник (анкета), где запрашивались сведения о нравственных качествах кандидата, его судимости, политической благонадежности, воинском звании, физическом состоянии и др. Однако из-за недостатка подготовленных кадров периодически возникали трудности с формированием штатов полиции, а «требование о наборе в городские грамотных людей оставалось в Сибири лишь пожеланием» [3, с. 47].

Для подтверждения сказанного рассмотрим личный состав отдельных полицейских управлений (без городских). Так, в штат Тобольской городской

полиции в 1888 г. входили: полицмейстер – коллежский советник П.П. Пасынков, секретарь – коллежский регистратор М.Н. Мутин; приставы: 1-й части – губернский секретарь М.С. Ухалов; 2-й части – коллежский асессор А.Н. Савинский; 3-й части – не имевший чина А.Н. Несмелов (и.д.); помощники приставов: не имевший чина – М.П. Серых; коллежский регистратор – П.А. Степанов; не имевший чина – Т.С. Кульмаметев; не имевший чина – П.А. Шишко; не имевший чина – И.Я. Бобылев; не имевший чина – А.А. Попов. В Тюменской окружной полиции в том же году состояли: окружной исправник – надворный советник К.А. Попов; помощник его – коллежский секретарь М.Е. Вакарин (и.д.); секретарь – не имевший чина К.Д. Ляпустин; полицейские надзиратели: 1-го участка – губернский секретарь А.П. Дружинин; 2-го участка – не имевший чина А.И. Гусев; 3-го участка – не имевший чина А.А. Евреинов; 4-го участка – не имевший чина Н.Г. Гиляревский; земские заседатели. В Каинской окружной полиции должность исправника в 1891 г. была вакантной, его помощник Ф.П. Лучшев и секретарь Н.В. Безбородко не имели чинов⁶.

Полицейская служба была привлекательной прежде всего для лиц, не имевших соответствующего образования, чинов и званий, а, следовательно, для тех, у кого не было возможности заниматься какой-либо иной профессиональной деятельностью. В полицию также устраивались переселенцы и выходцы из других регионов, которые рассчитывали в Сибири добиться быстрого карьерного роста.

Городские полицейские команды были малочисленны, не хватало как сотрудников, так средств на их финансирование. В частности, Тюменский уездный исправник 23 сентября 1899 г. докладывал думе, что личный состав, по его мнению, недостаточен: всего 78 городских (68 в городе и 10 в уезде), из них 14 содержались за счет казны, другие – за счет города. Службу несли так: 45 чел. на постах, считая дежурство по 2 чел. по 12 ч в сутки, остальные – при полиции, санитарном приставе и в полицейских участках. А другие

⁵ Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнениями. СПб., 1912. С. 885.

⁶ Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии. Тобольск, 1889. С. 16, 20; Адрес-календарь начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1891г. СПб., 1891. С. 291.

части города, например кирпичные сараи («рассадники разврата»), не имели ни одного полицейского поста. Начальник полиции предложил увеличить штат еще на 30 городских с содержанием всего до 5500 руб. Однако городская дума его инициативу не поддержала⁷.

В ряде малых городов из-за скудности их бюджетов местная полиция финансировалась правительством: 9 декабря 1891 г. Госсовет определил, что расходы по содержанию полицейской команды г. Березова в размере 785 руб. в год с 1 января 1893 г. временно на пять лет будет нести казна⁸. В заштатном г. Нарыме полицейская команда состояла всего из трех младших городских с жалованием 120 руб. каждому (т.е. 10 руб. в месяц)⁹. Для сравнения в Тюмени оплата труда кузнеца, плотника или слесаря составляла в среднем 30–35 руб. в месяц [4, с. 255].

Реформы полиции Западной Сибири в 1860–1890-е гг. заложили основы для формирования новой системы полицейских управлений, но поиск методов оптимизации системы правоохранительных органов

продолжался вплоть до 1917 г.: менялись штаты и оклады служащих, добавлялись и сокращались виды деятельности, совершенствовались методы сыска и др. Очевидно, что полицейское управление ни в количественном, ни качественном отношении не соответствовало потребностям социально-экономического развития региона. Неопределенность и всеохватность компетенции полиции отрицательно сказывались на результатах ее работы. Небольшое жалование полицейских способствовало текучести кадров, низкому профессионализму, а также развитию коррупции в их среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867–1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
2. Тушемилов М.В. Становление полицейской системы в Сибири (XIX – начало XX вв.) // Сибирская ссылка. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).
3. Коновалов И.А. Городская полиция Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Омск. ун-та. 2007. № 3.
4. Храмов А.Б. Положение служащих и рабочих Тюмени в начале XX века // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2011.

⁷ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 3. Л. 102–103.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1892. I полугодие. Ст. 599. С. 1212.

⁹ Томские губернские ведомости. 1888. № 22. С. 1.

УДК 94(571).083

Д.В. ПРАХТ

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

кандидат богословия
Тобольская государственная социально-педагогическая
академия им. Д.И. Менделеева
e-mail: dimitr777888@mail.ru

В статье на основе архивных материалов автор реконструирует и анализирует историю протестного движения в Тобольской духовной семинарии в начале XX в. Показано, как происходящие в стране события отражались на настроении духовной школы.

Ключевые слова: Тобольская духовная семинария, протестное движение, бунт, семинария.

Конец XIX и начало XX в. в истории России были отмечены крупными социальными потрясениями. В начале XX в. Россия оказалась втянута в водоворот бурных исторических событий. Политические потрясения оказывали влияние и на религиозно-нравственное состояние народа. Новые политические идеи, новые методы высказывания своего несогласия либо недовольства не обошли стороной и духовные школы.

История протестного движения в духовных учебных заведениях на рубеже XIX–XX вв. стала предметом изучения многих монографических и

диссертационных исследований. Эти работы носят преимущественно региональный характер. Среди исследователей можно отметить таких, как Т.А. Павленко, В.Ю. Софронов, В.А. Тарасова, Н.Ю. Сухова, Р.Ю. Просветов, И.А. Сланов, С.А. Голубцов, Г.Е. Колыванов, Н.В. Малышева, Н.Е. Герасимова, Н.И. Полосин, А.И. Мраморнов, А.В. Сушко и др. Однако протестное движение студентов Тобольской семинарии осталось практически не исследованным. Данная статья имеет своей целью восполнить существующий пробел, в ней рассматриваются причины и последс-

твия протестных акций, выдвигаемых требований. Источниковой базой исследования являются архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске) и Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (ТГИАМЗ).

В начале XX в. в 57 духовных семинариях обучалось свыше 20 тыс. студентов в возрасте от 12 лет, причем шестилетнему обучению в семинарии предшествовала учеба в духовном училище. В семинариях обучались преимущественно дети священников и церковнослужителей. Начальное образование они получали обычно дома. В целом семинарии воспринимались государством как средство формирования духовного сословия. Мотивы поступления в семинарию были различные. Часто дети сельских священников использовали семинарию как промежуточную ступень перед поступлением в университет. Стать священнослужителями и пойти по пути, к которому готовили в семинарии, предпочитала лишь небольшая часть выпускников, основная масса выбирала другой, самый распространенный путь – чиновника или педагога [1, с. 95–99].

Студенческие волнения начала XX в. не были для духовных школ России каким-то новым и неизвестным явлением. В преддверии XX в. студенческие протестные акции охватили не только семинарии, но и российские университеты и институты. В 1886/87 учебном году сильные беспорядки произошли в Казанской духовной академии, в конце 1890 г. – в Московской духовной академии, в начале 1895 г. – в Киевской духовной академии¹. Причем выступления семинаристов проходили одновременно с протестными акциями студентов российских университетов.

Уже в 1890-е гг. в семинариях появляются «революционеры» – их поведение, впрочем, чаще напоминало игру детей в революцию. Учащиеся старших классов стали объектом внимания со стороны всевозможных радикальных организаций. Через эти же организации в семинарии попадала «специальная» литература. Семинаристы, как правило, легко откликались на любые протестные призывы. Уже отмечалось, что большинство воспитанников не стремились посвятить свою жизнь служению церкви в священническом сане. Кроме индифферентно настроенных были и явно враждебные церкви, а также неверующие. И все потому, что духовная школа, с одной стороны, носила сословный характер, а с другой – была общеобразовательной, для детей духовенства. Отсюда и требования увеличить количество общеобразовательных предметов за счет уменьшения богословских дисциплин.

Знакомясь с принципами воспитания и мерами воздействия, сведения о которых содержатся в мемуарах и воспоминаниях бывших семинаристов, можно увидеть авторитарный характер педагогики. Членами инспекции обращалось внимание на соблюдение внешнего режима, всех правил и инструкций, а что

происходило во внутреннем мире воспитанников, часто оставалось без должного внимания. Многочисленные инструкции и предписания регламентировали только внешнюю жизнь воспитанника:

«На преподавателя возлагается забота о поддержании классной дисциплины. Он наблюдает, чтобы ученики во время урока сидели не облокачиваясь или опершись грудью на парту, не разваливались, не разговаривали и не шептались между собою; Преподавателями могут быть употребляемы следующие взыскания: а) замечание, б) внушение, в) выговор наедине, г) выговор перед целым классом, д) одиночное сидение в классе на отдельной скамье в продолжение нескольких урочных часов, е) удаление ученика во время урока из класса. Будучи близок к ученикам преподаватель должен относиться к ним с любовью и расположением, с снисходительностью и кротостью, с приветливым обращением, не допуская оскорбительных слов, насмешек, прозвищ, в то же время избегая всякой фамильярности в обращении с ними» [2, с. 87–90].

Тем не менее казарменный уклад жизни² не был искоренен реформами [3, с. 107–110] и многочисленными попытками на местном уровне.

Часто, как выяснилось, бунты вспыхивали по малейшему поводу, но постепенно сложился стандартный для многих учебных заведений сценарий развития. Вырабатывалась особая тактика бунта: он начинался в столовой, классе, библиотеке; семинаристы дружно начинали шуметь и от слов переходили к действию. Словом, студенты выливали всю свою ненависть к семинарской жизни на оконных стеклах, дверях, столах, табуретках, лампах. Все, что попадалось под руку, ломалось и рушилось³.

Так, 15–17 декабря 1901 г. в Тобольской духовной семинарии (казенном корпусе и общежитии)⁴, случился инцидент, который можно назвать стихийным, массовым бунтом. Заметим, что в ноябре–декабре происходили также волнения в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской и других семинариях.

В рапорте инспектора Дмитрия Матвеева имеется краткое описание того, что произошло:

«17 ноября вечером я был вызван в общежитие и застал там полную анархию: входные двери были забаррикадированы комодами и шкафами. Сквозь окна летели кирпичи, дрова, изломанные табуретки. Из комнат неслись сильнейший шум и бранные слова. Первый заметил забаррикадированные двери дежурный надзиратель и сделал замечание – на это раздались крики, ругань и полетела палка, попавшая Николаю Константиновичу в зубы, и повредила ему три зуба. Он ушел, но шум продолжался. Это продолжалось до 12 часов. Семьи надзирателей были перепуганы»⁵.

По словам другого очевидца – Е. Кроткова, описавшего эти события много лет спустя:

«Это был, какой-то кошмар <...> Все рушилось. В темных комнатах двигались силуэты людей, с криком и

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 25, 30, 33.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 6. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 3.

гамом носились они взад и вперед. В невидимого врага летели табуретки и доски»⁶.

Комиссия, занимавшаяся разбирательством этого дела, указала в протоколе, что насильственные действия со стороны студентов были направлены против инспекции, их семей и семинаристов, не поддержавших беспорядок. Выступление, по мнению комиссии, было беспочвенно. Упреки в грубом обращении инспекции с воспитанниками, непропеченная булка, «двойки» за устные ответы являлись несправедливыми⁷. Все эти мелкие причины, по мысли комиссии, не могли оправдать беспорядки. Вышеупомянутый Е. Кротков (воспитанник Тобольской семинарии) отмечал: «Недовольство своею собственною жизнью, недовольство постановкой учебно-воспитательного дела, ненависть к инспекции и к ее распоряжениям, стесняющим и ту маленькую частичку свободы, какою пользовались семинаристы – росло и ширилось. Но та форма, в какую вылилось это глухое недовольство, и та мотивировка причины семинарских беспорядков со стороны самих семинаристов поражает своею комичностью и в то же время трагизмом»⁸.

В ответ на эти беспорядки инспекция отчислила 12 наиболее активных воспитанников, а по отношению к другим «бунтовщикам» были применены различные меры дисциплинарного взыскания.

Мы видим, что в основе массового недовольства не было политических причин. Один из участников этих волнений вспоминал: «Роясь в памяти, пробегая черновые заметки, не находишь ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что семинаристы понимали цели и задачи этой борьбы»⁹. Семинаристы единственного своего врага видели в лице инспекции, а потому вся борьба сводилась к борьбе с инспекцией и ее представителями¹⁰.

После протестных событий, охвативших Тобольскую семинарию в 1901–1902 гг., жизнь в семинарии, несмотря на принятые меры, так и не вернулась в свое обычное русло. Новые идеи охватывали умы молодых людей.

В 1905–1906 гг. многие семинаристы были революционно настроены. В семинарии имелась библиотека, богато насыщенная марксистской литературой. Часто устраивались сходки, на которых присутствовали ссыльные социалисты разных партий: большевики, меньшевики и эсеры. Усиленно велась политическая агитация. Семинаристы в основном сочувствовали большевикам и меньшевикам. Семинария была связана перепиской с семинариями других губернских городов. Центр революционного руководства находился в г. Вятке.

Весной 1906 г. все семинарии Сибири решили присоединиться к революционной войне, охватившей в то время Россию. В Тобольской семинарии состоялась

сходка, на которой было решено объявить забастовку. Начальство узнало о сходке и хотело помешать ей, но не смогло, сходка происходила в спальне казенного корпуса семинарии, двери были закрыты на ключ. Пока ломали дверь, общее собрание закончилось. Перед начальством были выставлены требования, но они не были удовлетворены. Семинаристы объявили забастовку. Архиепископ Антоний¹¹ поехал к губернатору и настаивал сурово наказать бунтовщиков вплоть до того, чтобы посадить в тюрьму, но тот отказался от принятия строгих полицейских мер и посоветовал отправить всех по домам. Семинарию закрыли на неопределенный срок, студентов отправили по домам¹².

Тобольские семинаристы в ходе протестных выступлений 1905 г. подали начальству петицию с подписями почти всех воспитанников. Их требования сводились к реформе всего учебно-воспитательного процесса, а именно:

- соединить духовное училище с семинарией в одну общеобразовательную школу, с прибавлением двух специальных богословских классов;
- лицам, окончившим курс из четырех классов не реформированных еще семинарий, предоставить право поступления в высшие учебные светские заведения без экзамена;
- отменить переводные экзамены, кроме восьмого класса и десятого;
- упразднить сословные различия при поступлении в духовную школу;
- ввести в курс наук естествоведение и новые языки (один обязательно) с младших классов духовного училища;
- расширить преподавание математики, физики в пределах гимназического курса, новейшей литературы и основного богословия;
- потребовать гуманного отношения начальства ко всем воспитанникам.

Из личных благ требовали только увеличения казенных, неприкосновенности корреспонденции, отмены карцера и «голодного стола», прекращения практики обысков, позволения посещать театры и концерты¹³.

Из петиции видно, что многие семинаристы мечтали о светской карьере, поэтому требовали перестроить учебные программы в соответствии с гимназическим курсом: увеличить объем преподавания общеобразовательных предметов, знание которых было необходимо при поступлении в высшие учебные заведения. Основная масса воспитанников по-прежнему продолжала оставаться на позициях чисто академических требований и невмешательства в политическую жизнь, но несколько позже некоторые студенты (их будут единицы) начнут проявлять интерес к политике, вызывая обновление системы образования с коренными изменениями в общественном строе страны. В 1906 г.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 6. Л. 8.

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Архиепископ Тобольско-Сибирский Антоний (Каржавин) – 1898–1910 гг.

¹² ТГИАМЗ. ТМ № 12144: Воспоминание И.А. Скосырева «Град есть Тобольск, 1907–1917 гг.». С. 97–98.

¹³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 8.

был организован подпольный кружок, занимавшийся изучением опыта революционной борьбы, в него входило всего 10 чел.

Данная петиция, сопровождавшаяся комментариями, была анонимно опубликована в местной городской газете. Ответ на эту публикацию дал ректор семинарии архимандрит Николай (Богоявленский) на страницах «Епархиальных ведомостей». Он считал, что она не законна, так как в корне убивает духовную школу, лишает ее жизненной силы, смысла, наносит тяжкий удар, вред церкви и придумана сильнейшими врагами православия, а затем внушена семинаристам. По мнению ректора, изгоняя из программ церковные предметы и вводя светские, ничего хорошего не выйдет. В пример он приводит протестантских пасторов: «Протестантские пасторы проходят также гимназический курс и потом богословский факультет, на котором обучаются не два года, а целых четыре. И каких пасторов получила протестантская община? Наиболее характерною чертою современного протестантизма следует признать то, что оно все более быстрыми шагами идет к религиозному отрицанию и разложению». Он призвал студентов отказаться от «неблаговидных» поступков, вызванных всеобщим революционным настроением масс [4, с. 479–481].

Архиепископ Антоний и ректор семинарии о. Николай (Богоявленский), отвергнув петицию забастовщиков, добились их исключения и временно закрыли семинарию. Однако Святейший Синод признал участников забастовки не исключенными, а только распушенными на каникулы. В конечном счете, все минимальные требования семинаристов были удовлетворены. По мере стабилизации ситуации семинария вновь открыла свои двери для студентов, 8 января 1906 г. занятия возобновились.

Временное закрытие семинарии не смогло отвлечь студентов от политических настроений, царящих в обществе. В семинарии появляется рукописный журнал «На темы жизни», издававшийся в 1906–1907 гг. На страницах этого журнала дается нелестная оценка преподавателям – «Наши педагоги продукты безжизненного казарменного режима»¹⁴, раздаются призывы революционного характера – «Братья мужайтесь! Час близок свободы, близок возмездия час! Отомстим мы за долгие годы рабства, позора для нас»¹⁵. С 1906 г. в семинарии также издается рукописный журнал «Овод»,

позднее переименованный в «Современник». В обострившейся ситуации руководство избрало наиболее действенную меру для стабилизации учебного процесса – отчисление зачинщиков из состава обучавшихся.

После волны протестов, охвативших большинство семинарий, Учебный комитет при Священном Синоде решил внести некоторые изменения в учебно-воспитательную систему семинарий. Было рекомендовано расширять библиотеки, в семинариях разрешалось устраивать читальни, выписывать газеты и журналы, проводить литературные чтения, музыкальные концерты.

Таким образом, в начале XX в. до революционных событий 1905–1907 гг., в основе протестов тобольских семинаристов лежали далеко не политические требования. Вся борьба сводилась к борьбе против начальства, которое ограничивало в той или иной мере их свободы, большинство требований касалось организации учебно-воспитательного процесса. По мере нарастания политической нестабильности и напряженности в обществе усиливалась напряженность и в закрытых учебных заведениях. Семинария представляла собой некую копию того, что происходило в России, только в меньших размерах. В ее стенах появляются и те (их будет меньшинство), кто станет фанатично распространять новые идеи («Товарищи! Товарищи! Идите в народ и за народ! <...> Будите там спящую мысль богатыря силача!»¹⁶), впоследствии они пополняют ряды революционеров, однако будут и противники, которые уйдут к белогвардейцам, останутся и те, кто будет проповедовать слово Божье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прахт Д.В. Система духовного образования в России в конце XIX в.: взгляд очевидца // Исторический сборник: Сб. науч. работ, посв. 30-летию юбилею ист. фак-та ТГСПА им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 2009.
2. Инструкция, определяющая воспитательную деятельность преподавателей Тобольской духовной семинарии // Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 4. С. 87–90.
3. Прахт Д.В. Специфика образовательного процесса в дореволюционной семинарии после реформы 1884 г. // Православие и русская культура: прошлое и современность: Материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Тобольск, 2010.
4. Николай (Богоявленский), архим. Забастовка воспитанников семинарии // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 23. С. 479–481.

¹⁴ Там же. Д. 17. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 76.

¹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1 Д. 17. Л. 11.

УДК 94(571).083

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ НАЧАЛА XX в. КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

канд. ист. наук

Институт истории СО РАН, Новосибирск

e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье впервые представлена историография проблемы развития кооперации Сибири в начале XX в. как элемента гражданского общества. В работах современных исследователей продолжена традиция кооператоров начала XX в., которые видели в кооперации важное средство социальных преобразований. Автор статьи показал, что одним из важных направлений историографии кооперативного движения является анализ взаимоотношений между государством, обществом и рынком в противоречивых условиях имперской модернизации России начала XX в. с целью изучения процесса формирования гражданского общества.

Ключевые слова: кооперация, потребительская кооперация, потребительное общество, кооператив, гражданское общество, Сибирь.

На рубеже XIX–XX вв. в России происходила ускоренная индустриальная модернизация, которая осуществлялась в условиях глубоких экономических и социальных противоречий между прогрессивными нововведениями в области экономики и культуры и традиционной политической системой. Кооперация явилась существенным компонентом в процессе обновления страны. Она представляла собой уникальный феномен народной жизни, осмысление глубинной сущности и значимости которого продолжается исследователями разных специальностей. Сегодня в историографии кооперативного движения одной из наиболее важных является проблема развития кооперации с точки зрения перспектив формирования в стране гражданского общества.

Гражданское общество – это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между людьми. Применительно к России начала XX в. под элементами гражданского общества можно понимать социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, легитимно признанные государством; все они представляли самостоятельную идейно-общественную силу, выражали частные интересы людей, сдерживали официальную власть, стабилизировали общественные отношения и процессы посредством мирной работы и общественного мнения.

Потребительская кооперация заняла экономическую нишу слабо развитой системы розничной торговли и получила широкое развитие в сельской местности и городах Сибири. Исключительно важную роль в редконаселенном крае играла ветвь рабочей кооперации – транспортная потребительская кооперация, обслуживавшая крупный в Сибири экстерриториальный состав работников железнодорожных и водных магистралей. Потребительская кооперация являлась

институционализацией хозяйственных интересов и нормативно-регулятивным средством адаптации населения к условиям рыночной экономики; она существенно облегчала жизнь своих пайщиков, особенно в периоды политических потрясений и социально-экономических кризисов. В основе кооперативной деятельности лежали принципы самодеятельности, самостоятельности, самоуправления. Участники кооперативного движения учились выражать свое мнение, принимать согласованные решения и нести ответственность за них, осознавать свои интересы и отстаивать их, в том числе перед властью. Тем самым кооперация выступала, с одной стороны, одним из факторов формирования элементов гражданского общества в России, а с другой – она сама может рассматриваться как один из таких элементов.

Изучение потребительской кооперации началось в 1860-е гг., и уже к началу XX в. проблемы кооперации в национальном научном и общественном сознании заняли исключительно важное место. Анализ кооперативной деятельности все чаще становился частью вопроса о перспективах и путях развития страны. В связи с этим поднимался вопрос об отношении кооперации к государству и политической борьбе. Специальных исследований по проблемам взаимоотношений государственной власти и кооперации не проводилось, за исключением работ о государственном влиянии на кредитную кооперацию. Что касается потребительской кооперации, развивавшейся за счет собственных средств, то внимание исследователей акцентировалось на болезненно ощущавшемся ею негативном влиянии административной волокиты. Большинство исследователей допускали участие государства в содействии кооперативному движению благодаря экономической политике и установлению правовых гарантий, подчеркивая, что административное вмешательство, даже денежная помощь, могли задержать и исказить кооперативное движение. В работах К.В. Кекуатова и

С.Ф. Войцеховского, посвященных правовым аспектам функционирования кооперации, обоснован вывод о крайне недостаточной разработке кооперативного законодательства.

Большой вклад в изучение кооперации в начале века внесли, прежде всего, В.Ф. Тотомианц и М.И. Туган-Барановский. Первый обратил внимание на возможность гармонизации отношений в обществе при помощи кооперации, отвергая идеи современных ему марксистов о государстве как наилучшем орудии социальных реформ. Выступая сторонником социального партнерства, он пропагандировал идею единства классов, достигаемого посредством кооперации [1, с. 177–178; 2]. М.И. Туган-Барановский разработал положения о капиталистической природе кооперации и некапиталистическом характере ее целевой ориентации, развил учение об общественной эволюции, связанной с распространением кооперации. Одним из первых он высказал сомнение в том, что всеобщее огосударствление будет способствовать прогрессу в сфере экономики [3, с. 21–23; 4, с. 427–433]. Что касается политической борьбы, то кооператоры отстаивали необходимость соблюдения принципа политического нейтралитета, последовательно выступая против вовлечения кооперации в политическую борьбу. М.И. Туган-Барановский допускал участие в политической жизни лишь для защиты жизненных интересов кооперации законодательным путем.

Для теоретического осмысления кооперации в трудах В.Ф. Тотомианца, М.И. Туган-Барановского и других характерно рассмотрение ее функций и значения с точки зрения не только своих членов. Общество потребления рассматривалось как школа солидарности, где посредством взаимопомощи создавались материальные и духовные блага на пользу всего социума. В литературе этого периода утвердилось устойчивое представление о том, что сущностной задачей кооперации является защита экономических и социальных интересов трудящихся, и это стало определяющим при анализе природы кооперативных организаций. Кооперация рассматривалась как основа для раскрытия творческого потенциала личности, проявления скрытых в народе талантов. Общественно-культурная деятельность считалась неотъемлемой частью кооперативной работы.

По сути, в трудах кооператоров начала XX в. разрабатывалась модель гражданского общества (хотя это понятие не употреблялось), и кооперации в ней отводилось существенное место.

В дореволюционный период было положено начало региональным исследованиям. Самое раннее упоминание о сибирской кооперации – о деятельности в 1869 г. Барнаульского потребительного общества – содержится в «Первой справочной книжке русских потребительных обществ» Н.П. Баллина, изданной в 1870 г. Первые работы о сибирском кооперативном движении – очерки П.Н. Маркова, М. Омича, Н.А. Рожкова, Д. Илимского (Д.И. Голенищева-Кутузова) в сибирских журналах 1912–1916 гг. – заложили основу для дальнейшего изучения его истории.

В 20-е гг. XX в. вопросы истории потребительской кооперации получили освещение в работах представителей «старой школы» – А.В. Меркулова, М.Л. Хейсина, Н.Я. Маковой, Н.Н. Соколова; работа кооперация была исследована К.А. Пажитновым и М.С. Балабановым. Были опубликованы работы В. Махова и Д. Илимского, посвященные хозяйственному и организационному развитию сибирской потребительской кооперации. Противоречивость советских реформ в области кооперации отразилась на тематике исследований, постепенно возобладал упрощенный подход к изучению кооперативного движения. В исследованиях отсутствовало четкое представление о сущностных отличиях официальной кооперативной системы советского периода от дореволюционной свободной кооперации. Историю кооперации начинали писать с чистого листа, предавая забвению опыт и достижения недавнего прошлого. Поскольку кооперация в СССР как общественное самостоятельное движение перестала существовать, с конца 20-х до начала 60-х гг. XX в. исследования по кооперативной проблематике не публиковались, за исключением обобщающей работы Я.А. Кистанова.

В начале 1960-х гг. происходит актуализация кооперативной тематики под воздействием дискуссии о социальной природе кооперации. И хотя дискуссия шла под идеологическим прикрытием о месте и роли кооперации в социалистическом строительстве, она сконцентрировала внимание ученых на необходимости комплексного исторического исследования отечественного кооперативного движения. Заметным явлением в историографии стали монографии Л.Ф. Морозова, Л.Е. Файна, И.А. Фарутина, Г.А. Дихтыря, В.В. Кабанова. Работы В.Г. Тюкавкина по кооперации в сельском хозяйстве дореволюционной Сибири отличались широтой постановки вопросов по истории потребительных обществ: о природе и особенностях кооперативов, о регулирующей роли союзов, правовом обеспечении кооперативной деятельности, отношении правительства к кооперации и др.

Сибирская потребительская кооперация активно изучалась в связи с революционной тематикой. С.П. Днепровский, А.П. Толочко, Л.Ф. Берсенев, И.Г. Лашков, В.А. Кригер, И.И. Курьян, М.К. Яковенко, А.П. Толочко, Д.И. Копылов, В.М. Самосудов, М.М. Валивач, Г.А. Титов, Л.Л. Кузнецов, Н.М. Кравец, Ю.П. Плотников, Н.И. Семкина, А.А. Мухин, В.И. Зиновьева, Д.М. Зольников ввели в научный оборот широкий круг источников, рассматривая кооперативы преимущественно с точки зрения положения рабочих, легальной деятельности РСДРП и других политических партий. Крупным вкладом явилась монография Б.В. Иванова, исследовавшего социально-экономическую сторону сибирского кооперативного движения и его политическую роль в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Л.М. Горюшкин изложил представления о месте кооперации в хозяйстве Сибири, о росте на базе зачаточных форм капитализма развитых его форм, одной из которых являлась кооперация как в сфере производства, так и в сфере потребления.

В работах этого периода в кооперативном движении рассматривалась преимущественно его социально-экономическая сторона в параметрах, свойственных социалистической концепции кооперации.

На рубеже 1980–1990-х гг. начался новый, современный период историографии темы, характеризующийся нарастанием интенсивности процесса изучения истории, теории и практики отечественного кооперативного движения. Публикации отличались более углубленной теоретической постановкой кооперативной проблематики, обеспеченной привлечением новых документальных материалов. Появились диссертационные исследования и монографии Л.Е. Файна, В.В. Кабанова, Н.Н. Чеховской, К.Е. Балдина, Е.Ю. Болотовой, А.П. Корелина, в которых кооперация рассматривается как разнофункциональный институт общественной самостоятельности, самоуправления, самостоятельности. Характерной тенденцией становится включение кооперации в контекст исследования более общих проблем отечественной истории – модернизации страны, альтернативности путей социально-экономического развития, русского менталитета, перспектив становления в России гражданского общества.

В ходе дискуссий, направленных на поиск ориентиров общественного развития, обозначились разные подходы к определению, составу, элементам, функциям гражданского общества. Акцент в исследованиях делался на то, что его формирование предполагает наличие свободных, экономически независимых, самостоятельных и самосознающих себя граждан. Говоря о возможности создания эффективно действующей национальной модели гражданского общества, исследователи обращали внимание на то, что архетип гражданского общества заложен в культурном коде российской цивилизации, что уже в конце XIX – начале XX в. были очевидны тенденции формирования в России гражданского общества. В качестве примера, как правило, они приводили организации местного самоуправления, благотворительные организации, не рассматривая, однако, в этом контексте кооперативное движение. Впервые кооперация изучается с точки зрения создания условий для формирования гражданского общества в работах Ким Чан Чжина и А.В. Лубкова. Ким Чан Чжин отмечает, что содержание кооперативных идей и их практическое воплощение были своеобразной попыткой формирования гражданского общества, основанного на социализации личных экономических интересов широких масс, чему препятствовали, по его мнению, недостаток сознательности русского народа и авторитарный характер государства [5, с. 223–228].

Анализируя процесс кооперативного строительства в Центральной России, А.В. Лубков приходит к выводу, что реальный кооперативный опыт при всей его неоднозначности вселял надежду на успешное продвижение от традиционного общества к гражданскому. Это дало автору основание говорить о кооперативной модели обновления России, являвшейся качественно новой общественной парадигмой, где центральное место отводилось социальному переустройству при помощи кооперации. Накануне октябрьского пере-

ворота 1917 г. кооперация решала важнейшие задачи общественного регулирования народного хозяйства, дополняя существенным образом правительственные попытки регулирования экономики административно-правовыми методами. Кооперативный уклад составлял серьезную конкуренцию государственному и частному секторам экономики. При этом кооперация выступала не просто как хозяйственное или коммерческое предприятие, но как массовое общественное движение с присущей ему идеологией, нацеленной на просвещение, образование и воспитание народа в самом широком смысле. В условиях социальных потрясений, связанных со вступлением России в Первую мировую войну, кооперативный эволюционизм и мирный реформизм сменились высокой политической активностью, приведшей кооперацию к глубокому внутреннему кризису [6, с. 149–153]. На примере деятельности рабочих кооперативов автор показал, как участие кооперации в выполнении заданий государственных органов по снабжению населения отражалось на изменении механизма хозяйствования потребительных обществ и их союзов, как шла трансформация классических принципов и методов работы, ориентированных на рынок, в сторону бюрократической регламентации и отказа от кооперативной торговли [7, с. 257–260].

На сибирском материале в этот период были выполнены конкретно-исторические региональные исследования. В монографиях, диссертациях и статьях И.А. Корякова, Л.Х. Коряковой, М.В. Гузик, В.А. Алексеевой, Н.В. Воробьева, А.А. Гаврилова, Е.М. Чедуровой, Н.И. Бурнашевой, В.В. Аксарина, И.Б. Ломакиной, Б.С. Старина, А.Н. Макеева, А.Г. Сыщенко, А.П. Анашкина, Ю.С. Левашова, Е.Е. Бекбаевой нашли отражение вопросы становления и развития кооперативного движения в Восточной и Западной Сибири, Забайкалье, на Алтае.

Исследование исторического опыта сибирской кооперации ведется сектором аграрной истории Института истории СО РАН. В трудах А.А. Николаева в едином комплексе и в общероссийском контексте рассмотрены вопросы теории, истории и современного состояния, общие тенденции и особенности развития основных видов сибирской кооперации, обоснован вывод о том, что персонификация ответственности для российской коллективистской ментальности являлась прорывом формационного значения [8; 9]. В.М. Рынков, касаясь дискуссионной проблемы взаимодействия кооперации со своими контрагентами на рынке – государством и частным капиталом, показал, что государство и кооперация не являлись до революции антиподами, а антипредпринимательский настрой потребительской кооперации приводил к серьезным деформациям в ее деятельности. Автор указывает на необходимость верификации источников кооперативного происхождения по этой проблематике, которые имеют существенные идеологические искажения, а также обращает внимание на проблему отчуждения управленцев от средств производства, порождающую бесхозяйственность в сфере управления, свойственную кооперативным организациям [10; 11, с. 83–84]. В монографиях Г.М. Запороженченко, посвященных

городским и рабочим кооперативам и малоизученной проблеме кооперативного жизнеобеспечения экстерриториального контингента работников железнодорожного и водного транспорта Сибири, раскрывается важная социокультурная функция кооперации, выполнявшаяся ею в процессе торговой, производственной, союзно-объединительной, культурно-просветительной и благотворительной деятельности [12; 13].

История отечественной и сибирской кооперации в контексте формирования гражданского общества нашла отражение в работах А.В. Иванова. Полагая, что географические особенности региона определяют специфику и степень развитости институтов традиционного и гражданского общества, автор выделяет особые черты сибирского региона, заметно отличающегося своей индивидуальностью в составе Российской империи в начале XX в. Суровые климатические и природные условия, приучившие сибиряков к самостоятельности и самоустройству, относительная экономическая свобода, формировавшая практический склад ума и предприимчивость, отсутствие крепостного права и помещичьего землевладения, идеология и деятельность областников, влияние политических ссыльных и т.п. в конечном итоге способствовали превращению сибирской кооперации, особенно маслодельной, в крупную хозяйственную и общественную силу [14, с. 17–21]. Автор показывает различия в позициях отечественных кооператоров по отношению к государственной политике (опеке, вмешательству, помощи), которая также являлась существенным фактором развития кооперации [15, с. 6–8].

Таким образом, сегодня кооперация рассматривается как социокультурное явление российской жизни, по своему значению выходящее за рамки кооперативных организаций. С методологической точки зрения ее изучение ведется в русле исследовательской гипотезы о принадлежности кооперативных форм социально-экономической деятельности к сфере гражданского общества, важным критерием которого является способность граждан к самоорганизации на демократических основах. Исследователи анализируют проблемы взаимоотношений между государством, обществом и рынком в противоречивых условиях имперской модернизации России начала XX в. с целью воссоздать процесс формирования элементов гражданского общества от совокупности единичных моментов самоорганизации людей для решения конкретных задач до вполне

структурированных действий объединений и ассоциаций. Объективный конкретно-исторический анализ в этом направлении будет способствовать изучению социально-экономических и социокультурных процессов в Сибири накануне социалистического эксперимента, теоретическому осмыслению современной концепции истории российской и сибирской кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тотомиянц В.Ф.* Кооперация в русской деревне. М., 1912.
2. *Тотомиянц В.Ф.* Участие в прибыли и рабочее акционерство. М., 1918.
3. *Туган-Барановский М.И.* Русская революция и социализм. Пг., 1917.
4. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1989.
5. *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996.
6. *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: до-революционный опыт // Модели общественного развития в идейных течениях российской социально-политической мысли. М., 2006.
7. *Лубков А.В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997.
8. *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
9. *Николаев А.А.* Основные виды сибирской кооперации в первой трети XX в.: общие тенденции и особенности развития // Кооперация: история, теория, экономика, управление: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008.
10. *Рышков В.М.* Идейное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5.
11. *Рышков В.М.* Кооперативные организации и антибольшевистские государственные режимы на востоке России: ключевые научные проблемы, итоги и задачи изучения // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6.
12. *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири. 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004.
13. *Запорожченко Г.М.* Транспортная кооперация Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007.
14. *Иванов А.В.* Проблемы кооперации и гражданского общества в дореволюционной Сибири // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6.
15. *Иванов А.В.* История отечественной кооперации в контексте формирования гражданского общества в начале XX в. // URL: <http://klio.3dn.ru/publ/20-1-0-62> (дата обращения: 27.01.2011).

УДК 94(57.54/55)''1918–1919''

В.М. РЫНКОВ

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1918–1919 гг.***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,
Новосибирский государственный университет
e-mail: vadsvet@list.ru

В статье рассмотрены особенности аграрных отношений в Забайкалье в годы Гражданской войны. Акцент сделан на межнациональный аспект. На основе новых архивных документов автор приходит к выводу, что революция обострила психоментальный конфликт земледельцев и скотоводов, имевший в Забайкалье характер этнических противоречий. Это привело к многочисленным земельным захватам и сопровождалось взаимной жестокостью. Антибольшевистские правительства защищали земледельческий тип хозяйства, тогда как земские органы пытались урегулировать аграрные противоречия на основе компромисса между бурятами и русскими.

Ключевые слова: сельское хозяйство, межнациональные отношения, Забайкалье, Гражданская война, буряты, казаки, переселенцы.

В период революции и Гражданской войны земельный вопрос в России являлся одним из наиболее острых. Особые сложности с его разрешением возникали в национальных окраинах Российской империи. Данное положение не подвергалось сомнению ни в советской, ни в современной историографии. Напротив, отталкиваясь от него, в последние годы исследователи добавили много деталей в его изучение.

Забайкалье является одним из регионов, аграрная история которого представлялась ярким тому подтверждением. До начала 1990-х гг. отечественные историки подчеркивали, что советская власть осуществила раздел кабинетских и частных земель в интересах беднейшего населения. Причем особое внимание авторы уделяли фактам, свидетельствующим о совместных действиях русских и бурятских бедняков против зажиточных соседей, о захватах крестьянами земель монастырей и дацанов, которые трактовали как часть революционных преобразований, связанных с ликвидацией церковного землевладения. Но пришедшая на смену советам контрреволюция попыталась вернуть эти земли прежним владельцам, более того, санкционировала захват бурятских земель кулаками. В то же время бурятские национальные органы защищали интересы зажиточных соплеменников. Беднота от этих преобразований только потеряла, что и предопределило ее участие в борьбе за восстановление советской власти [1, с. 35–39; 2, с. 47, 59–61; 3, с. 270–281; 4, с. 40–44, 56–57, 116–123]. По мнению Б.Б. Батуева, беднота захватывала земли «богатеев», при этом отчасти такие захваты носили межэтнический характер и трактовались элитой как столкновения на национальной почве. В его интерпретации земельные конфликты русских и бурят «искусственно создавались имущими классами» [4, с. 44, 56]. Советская историография оперировала ограниченным набором фактов, абсолютное большинство

которых относилось к 1917 – первым месяцам 1918 г. Применительно к антибольшевистскому периоду исследователи предпочитали ограничиваться общим обзором экономической политики «колчаковщины», избегая описывать состояние аграрной сферы Забайкалья, остававшейся «белым пятном».

В последующие годы историки вновь возвращались к данной проблеме. Б.Б. Батуевым был опубликован сборник документов, некоторые из них затрагивают аграрную проблематику [5, с. 29–31, 99, 135, 154–155, 180]. Российско-бурятские аграрные противоречия рассматривались в статьях и диссертации С.А. Лескова [6; 7], статьях, монографии и диссертации А.В. Сушко [8, с. 58–59, 209–210, 214–214; 9; 10]¹. С.А. Лескову помешало разобраться в хитросплетениях аграрного вопроса в Бурятии слабое знание исторического контекста и невнимательное отношение к немногим новым источникам, введенным им в научный оборот. В его работе преобладают извлеченные из советской историографии оценки и факты. А.В. Сушко, напротив, опирается на первоисточники, взвешенно использует историографический материал. В его публикациях присутствует однозначный вывод: вина за русско-бурятские земельные конфликты в основном лежала на русских крестьянах [9, с. 201].

Несмотря на различные позиции советской и постсоветской историографии, исследователи используют общую источниковую базу. Одним из основных источников информации о русско-бурятских земельных противоречиях остаются документы Бурятского национального комитета. Нужно отметить, что значительная часть привлекаемых источников крайне тенденциозна и односторонне отображает происходившие события. Практически отсутствует достоверная и внятная картина того, как эволюционировали аграрные отношения после падения советской власти.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00246а.

¹ Посвященные рассматриваемому сюжету части монографии и диссертации в основном идентичны статье.

А.В. Сушко выдвинул тезис о том, что падение советской власти не принесло успокоения в обостренные до предела межнациональные отношения в Забайкалье. Если раньше крестьяне грабили и обирали бурят, выдавая себя за сторонников большевиков, то теперь признание советами аймачной структуры стало аргументом для набегов на них уже с антибольшевистских позиций. Но сущность поведения российских крестьян не изменилась. Они находили политический предлог для грабежа инородческих земель и захватов их угодий [9, с. 203].

Представляется, что позиция исследователя связана с элементарным игнорированием обстановки в регионе. Во-первых, в предшествовавшее революции десятилетие происходили многочисленные захваты крестьянством неиспользуемых бурятских земель [1, с. 34]. Документы осени 1918 г. свидетельствуют о том, что Гражданская война фактически уже много месяцев шла в забайкальской деревне. Она расколола население как по сословным границам, так и по имущественному и идейно-политическому принципу. Конфликты между населенными пунктами перемежались с внутридеревенскими. Сходные события происходили в казачьих станицах и поселках, старожильческих и переселенческих деревнях, бурятских селениях. Существуют многочисленные документы, свидетельствующие о частных межселенных конфликтах на протяжении всего 1918 г. Объявляя себя сторонниками советской власти, группы сельских жителей угоняли скот и захватывали земли и внутри селений. При этом к социальной розни примешивались личные мотивы. Эти события вызвали массовое бегство в соседние уезды или даже в Монголию. Воевавшие с атаманом Г.М. Семеновым отряды Красной гвардии производили в селениях казаков и крестьян, якобы враждебно настроенных к советской власти, конфискации скота и имущества, свозили все в свои деревни и поселки, называя это военной добычей. Упомянуты фамилии руководителей отрядов: Тетерин, Кожутин, Журавлев и др. Отступавшие позже в Монголию группы сторонников советской власти отнимали на своем пути у крестьян и бурят все необходимое для движения: скот, телеги, лошадей, теплую одежду, продовольствие и фураж². Через некоторое время жители возвращались с войсками Г.М. Семенова и начинали собирать разграбленное имущество, проявляя жестокость к участникам грабежей. В многонациональном регионе немалая часть подобных конфликтов неизбежно окрашивалась в национальные цвета. Причем инородцы, как и русское население, выступали сразу в двух ролях. Среди них были и инициаторы захватов земли и имущества, и те, кто сам пострадал, искал реванша и требовал компенсации с обидчиков. Поэтому нельзя однозначно относить бурят к инициаторам земельных конфликтов или пострадавшей стороне. Но в Бурятский национальный комитет попадали только дела бурят, искавших защиты от русских. Случаи противоположного содержания документировались земскими или станичными органами.

Приведем два конкретных примера. В декабре 1918 г. Народная дума бурят-монголов Восточной

Сибири просила забайкальского областного комиссара принять меры к спасению от голода скота бурят Обдорского и Булакского сомонных обществ Гочитского хошуна Хоринского аймака. Причиной голода стал захват крестьянами Малетинской волости сена на бурятских землях. Известно, что земельный отдел Забайкальской областной земской управы разрешил крестьянам косить спорное сено с условием, что они половину его отдадут бурятам. Но буряты настаивали на получении всего сена³. А в Нарынском сельском обществе русские крестьяне имели совместный покос с бурятами-кочевниками. Осенью 1918 г. буряты соседнего Урлунгуе-Кондеевского булука запретили русским пользоваться сеном, скошенным с совместного участка, и разделили это сено между собой и нарынскими бурятами. 6 октября 1918 г. в селение явился вооруженный отряд олон-булакских бурят и произвел конфискацию скота у крестьян, затем последовали обыски в домах и амбарах крестьян, при этом понравившиеся предметы домашней утвари были реквизированы, а хозяева подвергнуты избиению. Буряты грабили от имени атамана Семенова. Крестьяне составили об этом событии приговор и опись изъятого имущества⁴.

Даже по отзывам самих бурятских органов земельные конфликты были неравномерно распределены по территории, имели самые разные причины, а инициаторами выступали обе стороны. Так, в июне 1918 г. Селенгинский аймачный земельный комитет разделил все аграрные столкновения на два типа. К первому отнесли претензии бурятских обществ на земли казны и других групп населения. На территории аймака насчитывалось 11 примеров такого рода. Второй тип связан с тем, что казаки и крестьяне отнимали бурятские земли. На территории аймака отмечено несколько таких случаев. Земельный комитет признал численное преобладание дел первого типа [5, с. 135]. А в конце 1918 г. Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири сообщала забайкальскому областному комиссару, что в Хоринском аймаке зафиксировано 15 случаев самовольного захвата русским населением бурятских земель, в Баргузинском – 1, Агинском – 4 [5, с. 155].

Следует учесть, что бурятские органы своеобразно интерпретировали существо земельных конфликтов. Они исходили из того, что при проведении землеустройства в Забайкалье в 1900–1915 г. царское правительство несправедливо отрезало исконные бурятские земли, передав их под переселенческие участки и в ведение казны. Все эти территории подлежали возвращению бурятам. Если отграниченные у бурят участки оставались не занятыми переселенцами, то их продолжали считать неотъемлемой частью бурятских наделов. Участники конфликтов, буряты и русские (старожилы, переселенцы или казаки), искренне считали те или иные угодья своими. Они ссылались на разные, как им казалось, законные, но разновременные и противоречившие друг другу решения землеустроителей, органов государственной или сельской администрации.

Никто из авторов не анализировал активную и хорошо документированную деятельность забайкаль-

³ Там же. Л. 56, 60.

⁴ Там же. Л. 81–83; Д. 55. Л. 10, 10об, 12–16.

² ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 16. Л. 22–23.

ских государственных и земских земельных органов по урегулированию аграрных противоречий в регионе. Постановление Временного Сибирского правительства от 6 июля 1918 г. предписывало вернуть все захваченные ранее земли прежним владельцам. Обеспечивать это решение должны были специальные губернские и уездные комиссии. Тем, кто успел произвести на спорных землях сельскохозяйственные работы, позволялось собрать урожай.

Забайкальские земцы отказались формировать комиссию на основании общесибирского законодательства, настаивая на необходимости включения в их состав представителей от непризнанной Временным Сибирским правительством Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири. 29 сентября 1918 г., не дожидаясь реакции из центра, Читинская областная земская управа приняла соответствующее постановление⁵. Корректировка состава комиссий требовалась прежде всего для разрешения имевших межнациональную подоплеку земельных конфликтов. Кроме того, управа постановила применять постановление 6 июля 1918 г. не только к частновладельческим, но и к надельным землям [5, с. 151–152].

В Забайкалье в 1918–1919 гг. земствами создавались специальные согласительные комиссии для поиска компромиссных решений в случаях столкновения бурятского и русского населения. Впервые такие комиссии появились в конце 1917 – начале 1918 г., а с августа 1918 г. их периодический созыв возобновился. Нигде в Сибири не было аналогичных органов. Примечательно, что направление деятельности согласительных комиссий не претерпело принципиальных перемен в связи с падением советской власти. Они продолжали при необходимости опираться на решения земельных органов за 1917 – первую половину 1918 г. Правовой и административный механизмы реализации их решений остались не разработанными. 2 января 1919 г. областное земство запросило у управляющего Забайкальской области разрешения привлечь милицию в тех случаях, когда крестьяне отказываются исполнять постановления согласительных комиссий⁶. Но факты принуждения милицией населения к исполнению решений земств по урегулированию земельных отношений выявить не удалось.

Зато имеются сведения, что крестьяне и буряты часто игнорировали решения земельных органов. В 1917–1918 гг. многие бурятские покосы оказались выкошены или запаханы русским населением. Крестьяне и казаки считали, что имеют основания вводить пустующие с их земледельческой точки зрения земли в сельскохозяйственный оборот, или захватывали территории, отграниченные им по землеустройству либо оставшиеся спорными. Только в Хоринском аймаке аймачная управа насчитала в конце апреля 1919 г. 29 случаев захвата крестьянами бурятских земель. Следует оговориться, что это точка зрения бурятских властей. Лишь по 8 из них были приняты решения согласительной комиссии о возвращении земель бурятам, но крестьяне везде отказались выполнять эти

решения. Другие случаи либо оставались в производстве и ожидали решения, либо информация о них поступила совсем недавно и к их рассмотрению еще не приступили⁷. Нужно учитывать, что территория этого аймака являлась «сгустком» русско-бурятских аграрных противоречий.

Сибирское аграрное законодательство позволяло крестьянам рассчитывать на временное сохранение захваченных участков в их распоряжении. Отсюда и стремление не только снять сено со спорных участков, но и произвести запашку. Следующий год не принес кардинальных перемен. Бурятские аймачные власти отмечали, что крестьяне с воодушевлением встретили декларацию Российского правительства о земле от 4 апреля и постановление от 8 апреля 1919 г. о временном сохранении земель в руках незаконных пользователей, при условии их обработки. Крестьяне выражали надежду получить со временем захваченные бурятские земли в окончательное пользование. По этому поводу председатель Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири Д. Сампилон отправил телеграммой в Совет министров Российского правительства просьбу дать официальное разъяснение, что указанные постановления не распространяются на бурятские общинные участки⁸. Для этого имелись определенные правовые основания. Дело в том, что в инструктивных материалах разъяснялось, что новое законодательство регулирует отношения на частновладельческих землях. Казенные и надельные земли оно не затрагивало. Д. Сампилон жаловался, что Забайкальская областная земская управа применяет к общинным землям бурят данные нормативные документы. Но в российском законодательстве присутствовала и другая идея. Земли предполагалось оставлять в распоряжении захватившего их населения, если прежний хозяин сам не занимался земледелием. Таким образом, здесь прослеживается забота об увеличении запашки. Очевидно, что общероссийское законодательство не было рассчитано на скотоводческие хозяйства. Поэтому, захватывая выпасы и сенокосы, крестьяне запахивали их, что позволяло принимать решение в их пользу. Именно на такой трактовке и настаивало Министерство земледелия, подтвердившее, что урожай с распаханых земель должны собрать те, кто осуществил посев, пусть даже путем незаконного захвата земли.

В соответствии с практикой, сложившейся в Сибири в 1917 – начале 1918 г., пустовавшие или сдававшиеся в аренду земли безвозмездно передавались в пользование малоземельному населению или арендаторам. Временное Сибирское и Российское правительства подтвердили эту практику, внося коррективы – в пользу владельца или казны должна была взиматься небольшая арендная плата. Но, учитывая напряженность в земельных отношениях в Забайкальской области, местные земские органы приняли за правило, что любые неиспользованные или сдававшиеся владельцами в аренду земли передаются малоземельному или безземельному населению только по решению

⁵ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 204. Л. 206–3.

⁶ ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 16. Л. 89.

⁷ Там же. Д. 55. Л. 139.

⁸ Там же. Л. 144.

согласительных комиссий, которые должны были выяснить причину неиспользования⁹.

Делопроизводство местных земельных органов свидетельствует об отсутствии единого вектора аграрных конфликтов в регионе. Приведем несколько типичных примеров. Весной 1918 г. военные наложили обязательство по заготовке и прессовке сена на жителей с. Уненкерское. Из-за недостатка собственных сенокосных угодий крестьяне потребовали недостающие земли у бурят Харя-Шибирского сомона Агинской аймачной управы, не исполнивших сенных реквизиций. 30 апреля 1918 г. смешанная комиссия в составе русских и бурят двух селений постановила предоставить им эти сенокосы. Летом крестьяне произвели не только покосы, но и частичную запашку полученных участков. 18 декабря 1918 г. вновь возникшее дело разбирала смешанная комиссия из представителей областной, уездной и аймачной земских управ, крестьян и бурят конфликтовавших селений. В результате прений решено было составить совещание в составе четырех жителей с. Уненкерское и четырех бурят Харя-Шибирского сомона. Совещание пришло к решению, что за сено, оставшееся от реквизиции, крестьяне заплатят бурятам по 1 руб. за пуд, а за землю уплатят как за арендованную 80 руб. за весь паханный участок¹⁰.

Иногда комиссии рассматривали земельные конфликты между бурятами. У кочующих инородцев Усть-Эдонгинского булука Цогольского хошуна самовольный покос произвели инородцы же селений Верх- и Усть-Тасуркаевское, Усть-Киркинское, Чупринское и Селендинское. 9 декабря 1918 г. стороны удостоверили согласительную комиссию, что сами пришли к полюбовному соглашению за месяц до ее заседаний. Выяснилось, что большинство самовольно косивших чужое сено – беженцы. Но они согласились оплатить по 10 руб. за каждый скошенный душевой надел. Убыток за сено, скормленное во время постоа отряда белых, стороны разделили поровну, произвели общие вычисления платежей и утвердили сумму¹¹.

Были случаи полюбовного решения конфликта. Летом 1918 г. крестьяне с. Беклемешевское выкосили три пади, за которые буряты уже заплатили арендную плату казне. Крестьяне утверждали, что сделали это по ошибке. Правда, сеном крестьяне так и не воспользовались. Его реквизируют военные. По решению согласительной комиссии от 3 января 1919 г., при получении от военных властей денег за сено крестьяне должны были отдать бурятам сумму – 7 руб. за пуд, а 3 руб. оставить себе в оплату за покос и перевозку¹².

Крестьяне той же деревни выкосили еще один бурятский участок Кыргинда, по поводу которого, наоборот, возник серьезный спор. Еще до революции участок был изъят Переселенческим ведомством из владения бурят и передан под заселение. Но так как его никто не занял, он оставался в фактическом пользовании бурят. В 1918 г., ссылаясь на решение предоставить местному крестьянскому населению в случае нужды все пустующие переселенческие земли, крестьяне захватили

этот участок, изгнав оттуда прежних владельцев как пользовавшихся землей не по праву¹³.

А.В. Сушко пишет: «Буряты закономерно обвиняли русское население в большевизме. Хотя в действительности в большинстве случаев это был не большевизм как политика партии, санкционированная ее руководством, а бытовая межэтническая неприязнь, граничившая с бандитизмом» [9, с. 202]. Едва ли есть основания говорить о склонности русских крестьян к анархии и уголовщине. Дело в особенностях крестьянского сознания. С точки зрения русского земледельца, старожила-старообрядца, переселенца или казака, огромные пространства пастбищ, находившиеся в распоряжении кочевого населения, воспринимались как заброшенные земли. Усиливалось такое отношение практикой откочевов в Монголию. Русским казалось, что земли вообще бросили, тогда как в традициях кочевников было вернуться обратно через год-два и считать эту землю по-прежнему своей или передать права на оставленные участки кровным родственникам. Вот типичный пример земельного конфликта на почве различий явно психоментального характера. Крестьяне Бырчинского общества Акшинского уезда устроили займки на землях тунгусов, откочевавших в Монголию. На эти земли стали претендовать тунгусы Верхне-Бырчинского сомона. В августе 1918 г. по данному делу собралась согласительная комиссия, которая постановила, что крестьяне должны отдать 1/3 скошенного со спорных земель сена тунгусам. Но 27 декабря тунгусы напали на займки, находившиеся на спорных землях, избили крестьян и прогнали жителей, отобрав все сено¹⁴.

Долгую историю имело столкновение крестьян Новобрянской волости с соседними бурятами-кочевниками. Весной 1918 г. пожар уничтожил 300 крестьянских дворов. Вследствие давнего малоземелья погорельцы попросили власти предоставить свободные земли на территориях, где еще не было завершено землеустройство. Но буряты заявили, что это их земли. Согласительная комиссия запретила крестьянам селиться на облюбованных ими территориях. Однако земельный отдел Верхнеудинского совета 21 июня 1918 г. отменил решение согласительной комиссии и предоставил крестьянам право на заселение. В связи с возникшим конфликтом Забайкальская областная земская управа назначила новую согласительную комиссию в октябре 1918 г., но крестьяне стали заселять земли, не дожидаясь ее решения, бурят с земель изгоняли. Комиссия постановила оставить уже поселившихся на месте, запретить новые крестьянские постройки на участке, начать выяснение вопроса о количестве земельных излишков у местных кочевников-бурят. В то же время погорельцы-новобрянцы действовали жестко, приступив к сносу бурятских построек, а неосвоенные земли сдавали в аренду крестьянам соседних селений¹⁵.

Знакомство с делопроизводством забайкальских земских органов позволяет существенно скорректировать доминирующие в историографии оценки. Во-пер-

⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰ Там же. Л. 17–8.

¹¹ Там же. Л. 25–27 об.

¹² Там же. Л. 41–41 об.

¹³ Там же. Л. 320.

¹⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁵ Там же. Л. 188–189, 200, 202.

вых, взаимные земельные претензии бурят, тунгусов и русского населения обусловлены, прежде всего, объективными обстоятельствами. При различном типе ведения хозяйства земли, интенсивно используемые в рамках одного из них, представлялись с точки зрения другого совершенно заброшенными. И русское, и бурятское население руководствовались представлениями обычного права, предполагавшими для одних – сохранение исконных прав на родовые земли, а для других – право на приобретение собственности путем приложения труда к ничейной земле. Идеино-политическое обоснование своих действий по захвату чужих угодий являлось своеобразной мимикрией глубинных психоментальных установок.

Во-вторых, жестокость и насилие в земельных конфликтах проявляли и русские крестьяне, и казаки по отношению к бурятам, и наоборот. В годы Гражданской войны данное обстоятельство нельзя относить к какому-то специфическим явлениям. Насилие над личностью и силовой захват собственности с конца 1917 г. превратились в одну из широко распространенных практик как во внутридеревенских отношениях, так и между общинами и тем более в межсословных взаимодействиях. Межнациональная коммуникация, являясь частью социальных коммуникаций, подчинялась господствовавшим на тот момент образцам поведения. Нет никаких оснований говорить о возникновении особого русского или бурятского бандитизма.

В-третьих, многие захватные действия оказались связаны с вторжением армии в традиционно внутридеревенскую хозяйственную сферу. Для сельских жителей это оборачивалось сверхнормативным, с их точки зрения, обложением, как правило, в натуральной форме, и, следовательно, интерпретировалось как чрезвычайное обстоятельство, дающее право на

земельный передел, действия, «подравнивающие» их с соседями.

В-четвертых, «центр» активно защищал распространение в регионе земледелия, тогда как местным властям была более понятна специфика кочевого скотоводческого типа хозяйствования и необходимость компромисса между земледельческим и скотоводческим населением. Органы местной власти стремились гасить аграрные противоречия и проявляли особое внимание к той их части, которая связывалась с межнациональными контактами. По приблизительным оценкам, примерно треть возникших конфликтов удалось погасить хотя бы на время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мангутов Н.Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917–1933 гг.). Улан-Удэ, 1960.
2. История Бурятской АССР. М., 1963. Т. 2.
3. Хантаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964.
4. Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. Улан-Удэ, 1977.
5. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994.
6. Лесков С.А. Организация земельных органов в Забайкалье при атамане Семенове // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ, 2006. Сер. 4: История. Вып. II. С. 226–230.
7. Лесков С.А. Власть и сельское население Забайкалья в годы гражданской войны: история взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007.
8. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.
9. Сушко А.В. Особенности бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования в годы революции и Гражданской войны в Сибири // Известия Алтайск. гос. ун-та. 2009. № 4/2 (64/2). С. 201–205.
10. Сушко А.В. Процессы суверенизации в Сибири (февраль 1917 – 1923 г.): Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2011.

УДК 94(470)“1919”

Д.Г. СИМОНОВ

**ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АРМИЙ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА
(ИЮНЬ–НОЯБРЬ 1919 г.)***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: simonov_dg@mail.ru

В статье рассматриваются система управления, организационная структура, особенности комплектования личным составом и боевая деятельность Восточного фронта армий адмирала А. В. Колчака. Выявлен ряд объективных и субъективных факторов, обусловивших поражение антибольшевистских вооруженных сил на востоке России на решающем этапе Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, штаб верховного главнокомандующего, Военное министерство, армия, дивизия, мобилизация

Российская армия адмирала А.В. Колчака наряду с Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина являлась главной ударной силой в борьбе с

Красной армией на решающем этапе Гражданской войны. В связи с этим колчаковская армия как объект исследования представляет особый интерес с точки зрения выявления причин поражения антибольшевистских политических режимов и победы большевиков в гражданском противостоянии 1917–1922 гг. Между тем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

история армии Колчака как единого организма до сих пор является малоизученной, несмотря на наличие ряда исследований, в которых нашли отражение отдельные ее аспекты и сюжеты. В данном контексте следует упомянуть работы Ф.Е. Огородникова [1], В.Ф. Воробьева [2], Г.Х. Эйхе [3; 4], С.В. Волкова [5], Е.В. Волкова [6], А.В. Ганина [7]. Ряд специальных исследований по названной теме предпринял Д.Г. Симонов [8; 9; 10]. Предлагаемая статья является логическим продолжением подготовленных им ранее публикаций.

К началу лета 1919 г. система управления антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России выглядела следующим образом. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак занимал высший военный пост Верховного главнокомандующего. Начальником штаба Верховного главнокомандующего и одновременно военным министром Российского правительства являлся генерал Д.А. Лебедев. Он имел двух помощников – генерала Ф.Г. Бурлина – по управлению штабом Верховного главнокомандующего (Ставкой) и генерала А.П. Будберга – по управлению Военным министерством.

Находившиеся в ведении ставки войска подразделялись на три отдельные армии – Сибирскую (генерал Р.И. Гайда), Западную (генерал К.В. Сахаров) и Южную (генерал П.П. Белов). Театр военных действий этих армий образовывали три военных округа – соответственно Тюменский, Курганский и Оренбургский. Главные начальники этих округов одновременно являлись начальниками снабжения армий. Тыловые военные округа (Омский, Иркутский и Приамурский) находились в ведении Военного министерства.

При всей внешней стройности подобная система управления, относительно к ее верхней составляющей, имела ряд недостатков. Прежде всего, совмещение двух должностей – руководителя ставки и Военного министерства – объективно не позволяло генералу Д.А. Лебедеву осуществлять полноценное руководство в отдельности каждым из этих органов. Такой объем работы для одного человека был объективно неподъемным. Объединение в одних руках ставки и Военного министерства, состоявшееся в мае 1919 г., являлось в первую очередь результатом жесткого противостояния в высших военных кругах, а лишь затем – стремлением к оптимизации системы военного управления.

По мнению Г.К. Гинса, «надежды на то, что генерал Лебедев, после того как он совместил положение начальника штаба с должностью военного министра, инкорпорируется в Совет министров и таким образом сблизит военные дела с гражданскими совершенно не оправдались. Лебедев даже не появлялся в Совете министров. Его заменял генерал Будберг, который проявлял большую трезвость суждений, деловитость и подготовленность. Но он не был вершителем судеб, потому что блестящая ставка оставляла Военное министерство в тени» [11, с. 444].

Находясь вместе со ставкой в отдаленном от фронта Омске и оказавшись втянутым во все хитросплетения внутривластной борьбы правящих кругов, Д.А. Лебедев не имел возможности оперативно принимать решения по руководству находившимися

на фронте армиями и координировать их боевые действия. В результате в военных и политических кругах постепенно начало складываться и в конце концов сложилось мнение, что ставка, занимаясь политикой, мало интересуется проблемами фронта. Об этом открыто, в нарушение всякой субординации, заявил командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда. 26 мая 1919 г. он направил в адрес председателя Совета министров П. В. Вологодского телеграмму, в которой потребовал «принять немедленно меры к удалению от всякого участия в командовании генерала Лебедева, к реорганизации управления штабов армии, что он, Гайда, с 26 мая не будет считаться с распоряжениями начальника штаба Лебедева и просит обо всем доложить Совмину, чтобы он поддержал его домогательства» [12, с. 167–168]. С большим трудом адмиралу А.В. Колчаку удалось замять этот скандал.

Что касается действующей армии, она изначально состояла из офицеров и казаков, подлежавших мобилизации по распоряжениям соответствующих властей, добровольцев, а также, в подавляющем большинстве, из лиц, призванных в войска на основании указа Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. К концу июня 1919 г. в войска были призваны: а) интеллигенция в возрасте от 19 до 35 лет; б) подпрапорщики, фельдфебели и унтер-офицеры сроков службы 1909–1913 гг. (в возрасте 31–35 лет); в) запасные солдаты сроков службы 1914–1918 гг. (в возрасте 22–26 лет); г) новобранцы, родившиеся в 1898–1900 гг. и в январе, феврале и марте 1901 г. (т. е. в возрасте 18–20 лет); д) в некоторых волостях Златоустовского уезда все мужское население от 18 до 43 лет¹.

К 23 июня 1919 г. армия адмирала А.В. Колчака имела на фронте 129 тыс. штыков и сабель, 322 орудия, 1230 пулеметов, 7 бронепоездов, 12 броневые автомобили и 15 самолетов. У советских войск Восточного фронта было 129,7 тыс. штыков и сабель, 501 орудие, 2437 пулеметов, 7 бронепоездов, 28 броневых автомобилей и 42 самолета [13, с. 77]. Обратим внимание, что при равенстве в штыках и саблях красные имели превосходство над белыми в орудиях – в 1,5 раза, в пулеметах – в 2 раза, в броневых автомобилях – более чем в 2 раза, в самолетах – почти в 3 раза. Подавляющее техническое превосходство позволило советскому командованию нанести ряд поражений колчаковцам и перейти в общее наступление на фронте.

Начавшееся в июне отступление колчаковских армий потребовало от их командования решительных кадровых и организационных изменений. В этих условиях на военный Олимп начал стремительно продвигаться генерал М.К. Дитерихс. Его авторитет и прежние военные заслуги, по мнению адмирала Колчака, могли стать залогом выхода из кризисной ситуации на фронте. В целях согласования действий Сибирской и Западной армий и Речной боевой флотилии А.В. Колчак 20 июня 1919 г. в полном составе подчинил их генералу М.К. Дитерихсу на правах главнокоманду-

¹ РГВА. Ф. 39 499. Оп. 1. Д. 64. Л. 13.

ющего фронтом². 22 июня генерала М.В. Ханжина на посту командующего Западной армией заменил генерал К.В. Сахаров³. Командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда 7 июля был «по болезни» уволен в отпуск. Временное командование армией с того же числа принял генерал Дитерихс с сохранением за собой во всех отношениях прав главнокомандующего Восточным фронтом⁴.

Приказом адмирала А.В. Колчака от 14 июля 1919 г. генерал М.К. Дитерихс был назначен на вновь учрежденную должность главнокомандующего Восточным фронтом с подчинением ему всех войск Сибирской и Западной отдельных армий, которые сводились в три не отдельные армии. При этом Сибирская армия разделялась на 1-ю Сибирскую под командованием генерала А.Н. Пепеляева и 2-ю генерала Н.А. Лохвицкого, а Западная преобразовывалась в 3-ю, во главе которой остался генерал К.В. Сахаров⁵. Следует отметить, что в результате этих преобразований у командующих армиями были изъяты полномочия по организации снабжения и комплектования подчиненных им частей и соединений. Отныне эти вопросы должны были решаться в штабе фронта. Южная армия официально в состав Восточного фронта не вошла, продолжая оставаться в непосредственном подчинении Ставке.

Согласно приказу генерала Дитерихса от 19 июля 1919 г., на армии Восточного фронта возлагалась задача прикрывать направления на Верхотурье, на Туринск и на Курган, удерживая Челябинский район и обеспечивая направление из Златоустовского района на Троицк.

В состав 1-й Сибирской армии вошли: 1 Средне-Сибирский корпус (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии), 7-я и 16-я Сибирские стрелковые дивизии, 17-я отдельная Сибирская стрелковая бригада, отряд полковника А. В. Бордзиловского, штурмовая и егерская бригады бывшей Северной группы войск Сибирской армии. Из указанных частей генералу А.Н. Пепеляеву предписывалось выделить авангардную группу в составе отряда полковника Бордзиловского и 7-й Сибирской стрелковой дивизии с задачей обеспечивать Кушвинский, Тагильский и Егоршинский узлы, упорно прикрывать направления Соликамск – Верхотурье, Верхотурье – Ирбит, Тюмень, Кушва – Тагил, Егоршино – Ирбит. Остальные части должны были сосредоточиться в районе Тюмень – Ялуторовск для реорганизации, пополнения и снаряжения.

Во 2-ю армию вошли группа генерала П.П. Гривина (3-я и 15-я Сибирские, 15-я Воткинская стрелковые дивизии и временно 1-я кавалерийская дивизия и части Сводного ударного корпуса, которые предписывалось свести в 1-ю Екатеринбургскую дивизию), группа генерала Г.А. Вержбицкого (4-я и 18-я Сибирские стрелковые дивизии, штурмовая бригада III Степного Сибирского корпуса), группа генерала В.И. Волкова (1-я Сибирская казачья и Уфимская кавалерийская дивизии, 1-я Красноуфимская бригада). Командующему армией

поручалось обеспечивать узловую железнодорожную станцию Богданович и район ст. Островская, прикрывая направление на Богданович – Камышлов – Тюмень и Сысертский – Островская – Долматов – Шадринск – оз. Кабанье – Курган. Главные силы 2-й армии должны были расположиться в районе Долматов – Шадринск для переформирования и пополнения и составить резерв командующего Восточным фронтом.

3-я армия имела в своем составе Уральскую группу генерала В.Д. Космина (7-я и 11-я Уральские и Ижевская стрелковые дивизии, 3-я Оренбургская казачья бригада генерала Мамаева), Уфимскую группу генерала С.Н. Войцеховского (4-я Уфимская, 8-я Камская, 6-я и 12-я Уральские дивизии, 4-я Оренбургская казачья бригада), Волжскую группу генерала В.О. Капеля (1-я Самарская, 3-я Симбирская и 13-я Казанская стрелковые дивизии, Волжская кавалерийская бригада). Армии ставилась задача удерживать Челябинский район, обеспечивать направления Челябинск – Курган и Златоуст – Троицк и поддерживать прочную связь с Южной армией генерала Белова. В свою очередь Южная армия получила задачу прикрывать Башкирию и Оренбургскую область, удерживая Верхнеуральский район, сохранить связь с Уральской армией и помочь ей отбить наступление красных из района Бузулук на Уральск. Общая задача обеих армий – не допустить красных в Туркестан⁶.

Курганский и Тюменский военные округа на театре военных действий 6 августа были упразднены и объединены в Тыловой округ Восточного фронта (главный начальник округа – генерал А.Г. Георгиевский)⁷. Ко времени образования Тылового округа в его состав были включены Тобольский, Ялуторовский, Курганский, Ишимский, Тарский, Петропавловский и часть Тюкалинского уезда до левого берега р. Иртыш. Позднее, 16 августа, территория округа расширилась за счет Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского уездов⁸.

Для пополнения рядов Восточной группы армий 28 июня 1919 г. генерал М.К. Дитерихс приказал подвергнуть обязательному призыву в войска все мужское население сроков службы 1902–1913 гг. без всяких льгот и отсрочек по служебному и имущественному положению на территории Пермской и Уфимской губерний, в районах Сибирской и Западной армий. Призыву также подлежали служащие всех эвакуированных правительственных, городских, земских, общественных, кооперативных, частных учреждений и организаций, находящихся в указанных районах. Мобилизацию, первым днем которой устанавливалось 3 июля 1919 г., предписывалось провести в срочном порядке распоряжением командующих армиями и группами⁹. Кроме того, постановлением Совета министров от 8 июля 1919 г. на всей территории, подвластной Российскому правительству, включая театр военных действий, был объявлен досрочный призыв новобранцев, родившихся

⁶ Там же. Ф. 39 624. Оп. 1. Д. 135. Л. 587.

⁷ Там же. Ф. 39 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 547.

⁸ Там же. Ф. 39 624. Оп. 1. Д. 135. Л. 588, 595.

⁹ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 36. Л. 81; Русская армия (Омск). 1919. 5 июля.

² Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 26 июня.

³ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. IV. Л. 437.

⁴ Там же. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.

в апреле–декабре 1901 г. (т. е. срока службы 1922 г.). Первым днем мобилизации для них назначалось 4 августа 1919 г.¹⁰

Призыв фронтовиков Первой мировой войны в условиях отступления колчаковских армий совершенно не оправдал себя. По свидетельству генерала Г.А. Вержбицкого, «мобилизованные прифронтовой полосы оказались ненадежным и даже вредным элементом. За время боев с 27 июля по 5 августа офицерский состав и старый кадр вел себя выше похвал, мобилизованные же все до одного исчезли: большинство передалось красным, меньшинство разбежалось по лесам... 27 июля 4-я Сибирская стрелковая дивизия была в составе 4400 штыков, к 5 августа осталось 1655 штыков. Штурмовая бригада вышла в составе 1200 штыков, осталось 315 штыков. Таким образом, группа после Урала даже ослабела, так как пополнение унесло с собой все до винтовок включительно». Ввиду вышеизложенного генерал Вержбицкий просил присылать на пополнение своих войск солдат младшего возраста из районов, удаленных от фронта¹¹.

Для координации деятельности уездных воинских начальников 24 июля 1919 г. была образована Местная бригада Восточного фронта. Назначенный начальником бригады генерал Г.С. Николаев непосредственно подчинился начальнику тылового округа¹². С целью упорядочения пополнений Восточному фронту все кадровые бригады 1-й, 2-й 3-й армий были разделены на прифронтовые с непосредственным подчинением командующему армией и тыловые, подчинявшиеся начальнику тылового округа фронта. К категории прифронтовых причислены в 1-й армии – 2-я Сибирская прифронтовая бригада, во 2-й армии – прифронтовые кадровые бригады III Степного Сибирского и IV Сибирского армейских корпусов, в 3-й армии – 1-я Волжская и 3-я Уральская кадровые бригады. В тыловые кадровые бригады были назначены для 1-й армии – 1-я Сибирская прифронтовая бригада, для 2-й армии – тыловая кадровая бригада III Степного Сибирского корпуса, для 3-й армии – 2-я Уфимская и 6-я Уральская кадровые бригады. Число полков в прифронтовых бригадах должно было соответствовать числу дивизий в армии, в тыловых бригадах – половине дивизий в армии¹³.

Одновременно с реорганизацией вооруженных сил в конце июля – начале августа 1919 г. белое командование предприняло попытку контрнаступления против войск 5-й Красной армии в районе Челябинска. 3-я (Западная) армия генерала Сахарова, сдерживая красных арьергардами, должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: генерала С.Н. Войцеховского – к северу и генерала В.О. Каппеля – к югу от города. Предполагалось, что после того, как красные втянутся в долину

гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи и окружены [14, с. 163]. Следует отметить, что этот весьма рискованный план, разработанный К.В. Сахаровым и поддержанный генералом Д.А. Лебедевым, не противоречил общей задаче, стоявшей перед 3-й армией Восточного фронта. Накануне операции эта армия была усилена тремя дивизиями, прибывшими из Омского военного округа – 11-й, 12-й и 13-й стрелковыми [8].

Попытка окружить противника не удалась. К 4 августа красные отбросили 3-ю армию к востоку от Челябинска и заняли г. Троицк, в результате Южная армия генерала П.П. Белова оказалась изолированной от основных сил белого фронта. В этих условиях оптимальным решением было отступление Южной армии на восток в тесном соприкосновении с левым флангом 3-й (Западной) армии. Однако Южная армия не получила четких директив и фактически была брошена на произвол судьбы. Командарм генерал Белов оказался дезориентированным и выпустил руководство войсками из рук. Его неадекватное решение отступать на юг – в Туркестан – привело армию к бесславной гибели под Актюбинском и, как следствие, – к существенному сокращению боевого состава войск адмирала Колчака.

Для обеспечения левого фланга 3-й армии, прикрытия направления Троицк – Петропавловск и обеспечения связи с Южной армией 13 августа генерал Сахаров приказал образовать партизанскую группу 3-й армии на правах неотдельного корпуса под командованием генерала Л.Н. Доможирова. В состав группы включались 2-я отдельная Оренбургская казачья бригада, все партизанские отряды и казачьи части 3-го и 4-го отделов Оренбургского казачьего войска, действовавшие в промежутке между двумя армиями. 20 августа Доможиров принял командование группой¹⁴.

Ввиду угрозы левому флангу Восточного фронта белых и ликвидации разрыва между Южной и 3-й армиями были приняты меры и на более высоком уровне. 8 августа адмирал А.В. Колчак назначил генерал-майора Д.А. Лебедева командующим отдельной Степной группой с правами командующего армией. В район группы вошли Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский, Петропавловский и Омский (последние два уезда – на левом берегу р. Иртыш без г. Омск и железнодорожной линии Петропавловск – Омск) уезды Акмолинской области, Павлодарский и Каркаралинский уезды Семипалатинской области, а также не занятая красными восточная часть Кустанайского и Тургайского уездов Тургайской области¹⁵. Основу Степной группы должен был составить Войсковой Сибирский казачий корпус генерала П.П. Иванова-Ринова, формировавшийся в указанном районе. Позднее, в сентябре 1919 г., в район Степной группы начали выходить остатки частей разгромленной, но формально продолжавшей существовать Южной армии. Приказом адмирала Колчака от 18 сентября 1919 г. она была переименована в Оренбургскую армию и включена в состав Восточного фронта. Командование армии возлагалось

¹⁰ Там же. Д. 52а. Л. 3, 10.

¹¹ РГВА. Ф. 40835. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

¹² Там же. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

¹³ Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 595.

¹⁴ Там же. Д. 135. Л. 592; Д. 139. Л. 222.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 16. Л. 179.

на генерала А.И. Дутова. Он вступил в командование армией лишь 16 октября¹⁶.

Создание Степной группы явилось благовидным предложением для устранения с занимаемых постов генерала Д.А. Лебедева. 10 августа адмирал Колчак возложил на главнокомандующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса временное исправление должностей начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. Вместе с тем отдельные органы управления Восточным фронтом подлежали упразднению, а все их функции возлагались на ставку и органы центрального военного управления. В тот же день генерал Дитерихс приказал штаб Восточного фронта – расформировать¹⁷. 12 августа он назначил генерала А.И. Андогского – первым помощником, генерала П.Г. Бурлина – вторым помощником, генерала А.П. Будберга – третьим помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего. Причем за последним сохранился пост управляющего Военным министерством¹⁸.

Управляющий Военным министерством генерал А.П. Будберг все эти распоряжения охарактеризовал как «донельзя странные», так как упразднялись только что сформированные штаб фронта и управления главного начальника снабжения фронта, а снабжение армий возлагалось непосредственно на главные управления Военного министерства – «что-то весьма импровизированное и противоречащее всему духу положения о полевом управлении войск...». «Из этих распоряжений, – писал А.П. Будберг, – лезет какое-то непонятное мне легкомыслие и подозрение, что новое трехглавое начальство совершенно не представляет себе, как производятся и что значат такие преобразования и реформы... Для Дитерихса эти сложные, требующие многих недель времени переделки, представляются тем же, что переложить поведья из одной руки в другую» [15, с. 263–264].

Одновременно были приняты меры по оптимизации организационной структуры армий фронта, выразившиеся в расформировании ряда малочисленных и небоеспособных воинских частей и соединений. В 1-й Сибирской армии были расформированы 16-я Сибирская стрелковая дивизия и 17-я Сибирская стрелковая бригада. Приказом по 2-й армии от 30 июля расформирован Сибирский ударный корпус, а его 1-я и 2-я ударные дивизии сведены в Екатеринбургскую дивизию¹⁹. Приказом по 3-й армии от 5 августа 12-я Сибирская стрелковая дивизия была расформирована и обращена на укомплектование 11-й Уральской стрелковой дивизии. Артиллерия 12-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, за исключением гаубичной батареи, 7 сентября передана в распоряжение командующего Степной группой генерала Д.А. Лебедева. Вследствие малочисленности частей 6-й и 12-й Уральских дивизий 12 августа генерал Сахаров распорядился при первой возможности объединить

их в одну 12-ю Уральскую стрелковую дивизию под общим руководством генерала Р.К. Бангерского²⁰.

Обстановка на фронте не только не позволила кардинально сократить количество штабов в армии, но вынуждала создавать новые организационные структуры и соответствующие им органы управления. Так, кроме упоминавшихся выше Степной группы и партизанской группы 3-й армии, в сентябре 1919 г. для обеспечения правого фланга Восточного фронта на Тобольском направлении генерал Дитерихс образовал Тобольскую группу в составе 7-й Сибирской и 15-й Воткинской стрелковых дивизий. Командующим группы с правами командира отдельного корпуса 15 сентября был назначен генерал-майор М.Е. Редько²¹.

В результате преобразований, продолжавшихся около полутора месяцев, генерал Дитерихс вернул всю систему военного управления к положению, существовавшему до начала формирования структур Восточного фронта. Но возвращение прежних функций ставке уже не могло привести к восстановлению ее жизнеспособности, так как за эти полтора месяца изоляции она утратила контроль за ситуацией на фронте. Поэтому 18 августа генерал Дитерихс вынужден был отдать распоряжение вновь сформировать походный штаб главнокомандующего Восточным фронтом.

Начальником походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом состоял полковник Д.Н. Сальников. Этого офицера, прибывшего в Сибирь из Добровольческой армии генерала Деникина, и, видимо, не прижившегося там, генерал Г.И. Клерже охарактеризовал как «малоопытного, явно бесталанного и известного в то время интригана и пьяницу». По его словам, М.К. Дитерихс «носился [...] с полупьяным и шалым полковником Сальниковым по линии фронта и развалил одним “взмахом пера” все центральное управление фронтом и тылом» [16, с. 189, 306].

В мемуарах генерала К.В. Сахарова содержится оценка таких преобразований: «...реформы принесли вместо улучшения и облегчения большой вред. Надо было сначала подготовить тыл, провести быстрые и решительные реформы там, наладить безотказную работу и лишь после того ввести управление армиями в нормальную линию централизации. Так это представляется не только теперь, через призму прошлого времени, это было ясно и в те дни; я и мои ближайшие помощники делали тогда ряд представлений, пробовали доказать вред ломки, но, не достигнув ничего, обратили все свои силы на работу при новых условиях» [14, с. 175].

Неэффективность «реформ» генерала Дитерихса стала очевидной и для адмирала Колчака. Сохранив за Дитерихсом временное исправление должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандование Восточным фронтом, 27 августа 1919 г. он возложил на управляющего Военным министерством генерала А.П. Будберга исправление должности военного министра с непосредственным подчинением Верховному правителю и Верховному

¹⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 53; Д. 20. Л. 260.

¹⁷ Там же. Д. 18. Л. 261а.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 138. Л. 36.

¹⁹ РГВА. Ф. 40835. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

²⁰ Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 585, 591, 621.

²¹ Там же. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 3. Л. 124.

главнокомандующему²². Но при этом по настоянию Дитерихса тыловые округа были изъяты из ведения военного министра и переданы в распоряжение главнокомандующего фронтом [15, с. 291]. Колчак как Верховный главнокомандующий изначально рассматривал Дитерихса как временного своего начальника штаба. По многим косвенным признакам, он хотел видеть своим ближайшим помощником генерала Н.Н. Головина. Однако тот, активно участвуя в обсуждении организационных и оперативных вопросов, связанных с оптимизацией деятельности Российской армии, так и не принял на себя ответственность за судьбу всего антибольшевистского фронта на востоке России.

* * *

Между тем войска 5-й и 3-й Красных армий к середине августа 1919 г. вышли в район 60–80 км южнее и юго-восточнее Троицка и к р. Тобол. Командующий советским Восточным фронтом В.А. Ольдерогге 16 августа приказал войскам 5-й и 3-й армий продолжать неотступное преследование противника на Петропавловском и Ишимском направлениях, форсировать Тобол и овладеть важнейшими узлами дорог на правом берегу. В целях обеспечения флангов главных сил фронта предусматривалось овладеть Кустанаем и районом Тобольска, а также устьем р. Тавда. К этому времени красные располагали 55,7 тыс. штыками, 5,5 тыс. саблями, 1225 пулеметами и 220 орудиями, против 40,5 штыков, 6,1 тыс. сабель, 239 орудий и 660 пулеметов у белых. Советские войска имели превосходство над противником в 1,4 раза в штыках и в 1,9 раза в пулеметах, несколько уступая ему в саблях и орудиях.

Выполняя поставленную задачу, войска 5-й Красной армии (26-я, 27-я и 5-я стрелковые дивизии) форсировали Тобол, прорвали оборону белых и вышли на дальние подступы к Петропавловску. Частями правого фланговой 35-й стрелковой дивизии 19 августа был занят Кустанай. 3-я Красная армия (30-я, 29-я стрелковые дивизии и бригада 51-й стрелковой дивизии) форсировала Тобол на всем протяжении фронта и в результате успешных боев к 8 сентября на направлении главного удара достигла рубежа 40–90 км западнее р. Ишим. На левом фланге армии части 51-й стрелковой дивизии 4 сентября заняли Тобольск [13, с. 224–225].

Однако командованию белых удалось подтянуть резервы, пополнить и перегруппировать войска и в первых числах сентября перейти к активным военным действиям. 30 августа генерал Дитерихс отдал приказ о переходе в контрнаступление [2, с. 23]. В результате развернувшегося ожесточенного встречного сражения белые потеснили соединения 5-й Красной армии на Петропавловском направлении, создав угрозу их окружения. На Ишимском направлении им удалось прорвать фронт 3-й Красной армии и вынудить ее начать отход. 27 сентября советские войска оставили Тобольск. В итоге к началу октября 5-я и 3-я Красные армии планомерно совершили отход за Тобол, удерживая за собой плацдармы на его правом берегу. В свою очередь войска белого Восточного фронта получили

приказ задержаться на р. Тобол и приступить к пополнению частей. Фронт с обеих сторон стабилизировался. Приказом главнокомандующего Восточным фронтом от 10 октября 1919 г. «в предвидении предстоящего возобновления наступательной операции» 3-я армия, Степная группа и Оренбургская армия сведены в Московскую группу армий под командованием генерала К. В. Сахарова с правами командующего отдельной армией и сохранением за ним непосредственного командования 3-й армией²³.

Поредевшие в боях войска требовали пополнения. Еще в начале сентября на территории Тылового округа Восточного фронта в войска были призваны все мужчины в возрасте от 18 до 43 лет. Первым днем мобилизации устанавливалось 20 сентября 1919 г. Уездные воинские начальники и гражданские власти на местах вполне адекватно выполняли свои обязанности по призыву, но вышестоящие военные органы, ответственные за призыв, проявили свой полный непрофессионализм. По сообщению управляющего Тюкалинским уездом И.А. Клайшевича, к 24 сентября в Тюкалинске скопилось 8 тыс. призванных, но нарядов на их дальнейшую отправку в войска не поступило. Аналогичное положение имело место в Кокчетаве. 29 сентября управляющий уездом Конюков доносил в Министерство внутренних дел, что «седьмой день нет нарядов [на] отправку мобилизованных, которых скопилось до 7 тысяч»²⁴. Не справившись с призывом, штаб тылового округа 28 сентября передал на места распоряжение наштаверха, согласно которому предлагалось всех призванных в прифронтовой полосе в возрасте от 35 до 43 лет по принятии на учет и регистрации «распустить по домам до особого распоряжения»²⁵. Сам призыв, если уж его и решили объявить, сильно запоздал, так как последовавший вскоре крах фронта колчаковских армий не позволил организовать непосредственное пополнение воинских частей.

В это же время произошла еще одна реорганизация высших органов военного управления. 17 сентября адмирал Колчак повелел ставку «в настоящем ее составе» расформировать, а главнокомандующему Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточным фронтом. Взамен упраздняемой Ставки решено было сформировать новый штаб Верховного главнокомандующего, а разработку штатного расписания возложить на генерала Н.Н. Головина. Впредь до формирования штаба Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего Восточным фронтом главнокомандующему фронтом генералу Дитерихсу предписывалось исполнять обязанности и начальника штаба Верховного главнокомандующего. Спустя десять дней, 27 сентября генерал Дитерихс утвердил вновь разработанный временный штат Штаба Верховного главнокомандующего, в структуре которого имелись: управление генерал-квартирмейстера, состоящее из оперативного и разведывательного отделов, и управление дежурного генерала, в состав которого входили отделы Генерального штаба и по общим вопросам,

²³ Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 645.

²⁴ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 48. Л. 19, 26.

²⁵ Там же. Л. 21.

²² Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 123.

инспекторский отдел, общий отдел, а также управление коменданта Главной квартиры. Всего в штабе предполагалось иметь 50 офицеров и чиновников, 63 солдата, пять экипажей и восемь лошадей²⁶.

И лишь 1 октября 1919 г. генерал Дитерихс приказал из ставки и походного штаба главнокомандующего Восточным фронтом сформировать штаб и управления Восточного фронта. Управление Восточным фронтом предписывалось образовать из штаба фронта (генерал П.Ф. Рябиков) и отдельных управлений начальников, подчиненных непосредственно главнокомандующему, в том числе управления полевого инспектора артиллерии фронта (генерал В.Н. Прибылович), управления полевого инспектора инженеров фронта (генерал А.И. Ипатович-Горанский), управления полевого инспектора интендантства фронта (полковник В.А. Лукашевский), военно-административного управления фронта (генерал С.А. Домонтович), осведомительного управления фронта (полковник Д.Н. Сальников) и личного конвоя главнокомандующего (поручик М.К. Ермохин)²⁷.

* * *

Советские войска довольно быстро оправились после неудач и, получив значительное подкрепление, 14–18 октября 1919 г. вновь перешли в наступление. К 23 октября войска 5-й Красной армии сломали сопротивление 3-й армии белых и создали серьезную угрозу ее левому флангу. Командующий армией М.В. Тухачевский осуществил маневр силами и средствами для более глубокого охвата левого фланга противника с юга и перехвата его путей отхода на Петропавловск. Войска 3-й Красной армии вышли на рубеж 80–100 км юго-западнее и западнее г. Ишим. 22 октября части 51-й стрелковой дивизии вновь заняли Тобольск и продолжали боевые действия в северном и восточном от него направлениях вдоль Иртыша. Часть сил дивизии наступала в районе тракта Тобольск – Ишим [13, с. 226].

24 октября генерал Дитерихс приказал оттянуть 1-ю и 2-ю армию на линию рек Вагай, Емеца и оз. Щучье, с задачей «прочно укрепить линию реки Ишим и озер Травное, Таволжаное, Чиглы. Тогда же 1-я и 2-я армии были объединены в Сибирскую группу армий под командованием генерала Н.А. Лохвицкого. На следующий день, 25 октября, Дитерихс приказал командующему 1-й Сибирской армией генералу А.Н. Пепеляеву срочно отправиться со своим штабом, 13-й Сибирской стрелковой дивизией и Красноуфимской бригадой в Омск и Новониколаевск. Сибирская штурмовая бригада направлялась в Томск, 1-я Сибирская егерская бригада – в Канск. 1-я Сибирская стрелковая дивизия к 5 ноября должна была сняться с фронта и отправиться в Томск, 2-я Сибирская стрелковая дивизия к 8 ноября – в Мариинск и Ачинск [2, с. 66–67].

Решение Дитерихса о снятии с фронта 1-й Сибирской армии было принято без санкции со стороны Колчака и предопределило крах белого Восточного фронта. Оставшиеся 2-я и 3-я армии имеющимися у них силами не смогли сдержать натиска советских

войск. Кроме того, переброска на восток 1-й Сибирской армии привела к перегрузке железнодорожной линии и как следствие – к дополнительным затруднениям в снабжении и пополнении частей фронта и к срыву эвакуации Омска. 4 ноября 1919 г. Колчак снял М.К. Дитерихса с должности главнокомандующего армиями Восточного фронта, заменив его генералом К.В. Сахаровым. Освободившуюся должность командующего Московской группой армий занял генерал В.О. Каппель²⁸. По свидетельству Г.К. Гинса, «адмирал не мог спокойно говорить о Дитерихсе. Он называл его чуть ли не изменником, обвиняя, главным образом, в том, что он увел с фронта [1-ю] сибирскую армию и таким образом обнажил фланг остальных [11, с. 556].

В результате успешного контрнаступления советских войск были созданы благоприятные условия для проведения Омской наступательной операции (9–18 ноября). Замысел операции заключался в одновременном нанесении фронтального (5-я армия) и флангового (3-я армия) ударов в общем направлении на Омск с тем, чтобы разгромить белых на левом берегу Иртыша и на подступах к Омску и не дать им отойти вглубь Сибири. Преследуя белых вдоль железной дороги, соединения 5-й Красной армии 13 ноября завязали бои на ближних подступах к Омску. Нанося удары с фронта и в обход города с юга и севера, части 27-й стрелковой дивизии под командованием И.Ф. Блажевича на рассвете 14 ноября форсировали Иртыш и ворвались в Омск. Для обеспечения достигнутого успеха и предотвращения маневра противника войска армии продолжали преследование колчаковцев и 17 ноября достигли рубежа 45–65 км юго-восточнее и восточнее Омска. Здесь они были остановлены для краткого отдыха и подтягивания тылов. 3-я армия 15 ноября вышла к Иртышу и достигла северной окраины Омска. На левом фланге армии части 51-й дивизии 16 ноября заняли Тару, ликвидировав тем самым северный участок Восточного фронта. На правом крыле Восточного фронта 12 ноября был занят Кокчетав [13, с. 227–228].

Вместе с тем задача, поставленная перед советским Восточным фронтом – ликвидировать главные силы колчаковцев сначала между Тоболом и Ишимом, а затем между Ишимом и Иртышом, – не была полностью выполнена. Соединениям белого Восточного фронта удалось выйти из-под ударов Красной армии, однако после потери Омска вся система управления ими окончательно рухнула.

В течение августа–октября 1919 г., в период решающих боев на фронте, армия адмирала Колчака не имела полноценных высших органов военного управления, которые находились в состоянии перманентной реорганизации. Фактически генерал Дитерихс разрушил всю существовавшую ранее систему высших органов военного управления, взамен не создав ничего более-менее действенного. Армия и тыл в результате таких реформ оказались предоставленными сами себе без какой-либо системы взаимодействия. М.К. Дитерихс, сосредоточив в своих руках широкие права и полномочия, оказался не в состоянии воспользоваться ими. При наличии людских и материальных ресурсов,

²⁶ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 19. Л. 102; Д. 20. Л. 2.

²⁷ Московская группа армий. 1919. 27 окт.

²⁸ Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 8 нояб.

но в отсутствие механизмов управления войсками, снабжения и пополнения действующих на фронте соединений колчаковская армия и опиравшийся на нее политический режим были обречены на поражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
2. *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939.
3. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960.
4. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
5. *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
6. *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.
7. *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006.
8. *Симонов Д.Г.* К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 67–86.
9. *Симонов Д.Г.* Сибирская армия адмирала А.В. Колчака: организационная структура и комплектование личным составом (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 37–41.
10. *Симонов Д.Г.* К истории Отдельной Западной армии вооруженных сил адмирала А.В. Колчака (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1: История. С. 100–109.
11. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007.
12. *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / сост., предисл. и ком. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006.
13. Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2.
14. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004.
15. *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV.
16. *Клерже Г.* Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004.

УДК94(47).084.3+281.93+322

С.Г. ПЕТРОВ

**СОПРОТИВЛЕНИЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВУ В КАРЕЛИИ:
ПРОТЕСТЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ПЕТРОЗАВОДСКА
(1922–1923 гг.)***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет
e-mail: petrov_istochnik@mail.ru

Исследование посвящено изучению проблемы сопротивления духовенства и верующих двух храмов Петрозаводска насаждаемому большевиками обновленческому расколу. В центре внимания в статье – протестные документы, присланные из Карелии в Москву, и ответная реакция советского руководства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленчество, Карелия, Петрозаводск, епископ Евфимий (Лапин).

Обозначенная проблема привлекла внимание автора данной статьи еще в середине 1990-х гг., когда под руководством академика Н.Н. Покровского готовились два тома документов «Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.». Тогда мы опубликовали по-губернскую сводку VI отделения Секретного отдела ГПУ от 14 сентября 1922 г. со сведениями о начальном периоде обновленческого церковного раскола, когда духовенство и верующие должны были определиться, являются ли они приверженцами арестованного к тому времени патриарха Тихона или адептами новой «советской» обновленческой церкви, называемой в тот момент «Живой церковью». По замыслам большевиков, внедряемый в Русскую Православную Церковь

раскол должен был взорвать ее изнутри, поставив под контроль власти, которая стремилась к ликвидации крупнейшей в стране конфессии.

Из сводки следовало, что чекисты Карелии весьма успешно приступили к решению поставленных задач. После увольнения обновленческим Высшим церковным управлением (ВЦУ) местного епископа Евфимия (Е.Н. Лапина)¹, в Петрозаводске 1 августа 1922 г. прошло собрание городского духовенства, которое под влиянием уполномоченного ВЦУ протоиерея П.В. Дмитриева согласилось с произошедшими изменениями и приняло постановление о создании

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

¹ Это произошло 19 июля 1922 г. на заседании ВЦУ, определением которого Евфимий был уволен с Олонецкой кафедры «за контрреволюционную скверну» без подачи прошения об отставке [1, с. 249].

обновленческого епархиального управления. В противовес этим решениям оставшиеся верными патриарху Тихону верующие провели «демонстративный крестный ход “в защиту старой церкви”», организованный священником Г.И. Гумилевым. После этого ГПУ поспешило арестовать выдавших себя «контрреволюционных элементов» – епископа Евфимия (Е.Н. Лапина), протоиерея В.Т. Хазова, священника Г.И. Гумилева и мирян – братьев В.Н. и С.Н. Подколызиных. Подведя итог своей деятельности, чекисты сообщали: «На обвиняемых имеется крепкий изобличающий материал. Дело передано в трибунал. Отношение масс к операции спокойное» [2, с. 322–323].

До публикации этой сводки в историографии, в основном церковной, бытовало мнение, что в Петрозаводске в образованную протоиереем П.В. Дмитриевым группу «Живая церковь» вошли духовенство и, как нигде более, – большинство мирян, которые после отказа епископа Евфимия признать обновленческое ВЦУ, организовали собственное управление, вставшее во главе в епархии [1, с. 244–245]. За прошедшее время после выхода «Архивов Кремля» описанный в сводке ГПУ сюжет был детально проработан московскими, петербургскими и карельскими исследователями, опиравшимися в основном на материалы из республиканских и местных чекистских архивов [3; 4; 5]². Вместе с тем вне поля зрения историков все еще остается массив документов, теснейшим образом связанный с данным сюжетом и находящийся в ГАРФ, в фонде постоянной Центральной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР³.

В отличие от уже известных источников, вводимый нами в научный оборот массив документов из этого архивного фонда отражает непростую борьбу мирян и приходских советов кафедрального Свято-Духовского собора и заводской Александро-Невской церкви Петрозаводска за право без вмешательства извне решать проблему своей конфессиональной принадлежности. Выявленные документы дают видение происходившего не глазами большевистских чиновников и чекистских функционеров, а православных верующих, отреагировавших на события не столь спокойно, как представлялось ГПУ в сентябре 1922 г.

Напомним, хотя бы кратко, хорошо известный в историографии сюжет. В середине октября 1922 г. арестованное духовенство и миряне были выпущены на свободу под подписку о невыезде. Спустя два месяца, в честь пятилетия октябрьского переворота большевиков Карельский ревтрибунал амнистировал их и вообще закрыл дело. Однако президиум Карельского исполкома в конце декабря 1922 г. постановил выселить епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева,

мирян Подколызиных за пределы Карельской трудовой коммуны не менее чем на 5 лет – в Сибирь. Он обратился с этой просьбой в соответствующую комиссию НКВД, а до получения ее решения распорядился по-прежнему содержать недавних подследственных под стражей в местном отделе ГПУ. Комиссия НКВД по административным высылкам 30 марта 1923 г. согласилась с карельскими большевиками и отправила находившихся под арестом епископа, двух священников и двух мирян на три года в Нарымский край.

В силу того, что иереи Гумилев и Хазов состояли в причте Александро-Невской церкви, братья Подколызины являлись членами приходского совета Свято-Духовского собора, а епископ Евфимий после выхода в октябре 1922 г. на свободу служил в обоих храмах, прихожане кафедрального собора и заводской церкви проявили поразительную активность в происходивших событиях, сочтя необходимым после второго ареста послать в Москву два протестных документа⁴. Датированные 14 января 1923 г., они были направлены в V отдел НКЮ, отвечавший за осуществление отделения церкви от государства. Посланные протесты составители оснастили обширным приложением в виде копий с исполкомовских, чекистских и церковных документов, призванных подтвердить все происходившее в Петрозаводске⁵.

Поводом для написания первого протеста стали два отношения из Карельского отдела ГПУ, доставленные в кафедральный собор уполномоченным обновленческого ВЦУ протоиереем П.В. Дмитриевым. В первом из них от 4 января 1923 г. говорилось, что все написанное во втором документе «каждому Приходскому Совету должно быть прочтено и по ознакомлении приходского совета председатель должен расписаться»⁶. Из второго же следовало, что с 29 декабря 1922 г. все церковные собрания разрешались чекистами только после того, как их проведение одобрит обновленческое епархиальное управление⁷. Признавая данное требование местного ГПУ ошибкой, кафедральный приходской совет считал, что обновленцы таким правом не обладают и их притязания являются противозаконными. Верующие писали: «...Епархиальное-же Управление не есть юридическое лицо[,] и никакими административными, или судебными функциями не пользуется, следовательно[,] и давать разрешение на собрания верующих не имеет права, тем более Епархиальное Управление в Петрозаводске является от Живой церкви, к которой группа верующих Петрозаводского Каф[едрального] собора не принадлежит, и[,] по мнению Приходского Совета[,] притязания Епархиального Управления является некоторого рода насилием вопреки декрета об отделении церкви от государства». Согласно протесту, V отдел НКЮ должен был разъяснить верующим правильность понимания ими норм советского законодательства в данной сфере⁸.

² См., например: Дело епископа Евфимия (Лапина) и др., г. Петрозаводск, 1922–1923 гг. – URL: http://kuzl.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/cnt/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITcuje... (дата обращения: 23.02.2011 г.); Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века: Евфимий (Лапин Евгений Николаевич). – URL: <http://www.pstbi.ru/bin/nkws.exe/koi/nm/?HYZ9EJxGHoxITcDUsuyjfe9fdMGZeU-y...> (дата обращения: 23.02.2011 г.); и др.

³ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 60–49.

⁴ Там же. Л. 56, 54–54 об.,

⁵ Там же. Л. 55–55 об., 53–49.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 55 об.

⁸ Там же. Л. 56.

Во втором документе, названном ходатайством, приходские советы двух обозначенных выше храмов излагали свое видение всего произошедшего с августа 1922 г. Из этого документа становится понятно, почему местный отдел ГПУ запретил в конце декабря проводить церковные собрания, не санкционированные обновленцами. После ареста владыки Евфимия епархия осталась без архиерея: обещанный на его место уполномоченным ВЦУ обновленческий архиепископ Александр (А.П. Надежин) все никак не мог добраться до Петрозаводска. В ходатайстве уставшие от ожидания приходские советы излагали это так: «...местный епархиальный уполномоченный свящ[енник] П. Дмитриев более трех месяцев вводил верующих в заблуждение о времени прибытия в Петрозаводск епископа Александра, говоря, что вот епископ сегодня, завтра – на этой или на будущей недели – прибывает, а на самом деле оказалось, что ожидаемый епископ Александр уже назначен на новое место служения в г. Тверь[,] где и в настоящее время находится»⁹.

Используя чрезвычайное недовольство всех без исключения храмов Петрозаводска сложившейся ситуацией, составители ходатайства, испросив разрешения у местных властей, инициировали выборы правящего архиерея, на место которого общим собранием вновь был избран освобожденный из-под ареста Евфимий. Они сообщили об этом V отделу НКЮ следующим образом: «Верующие г. Петрозаводска не могли более оставаться без епископа и в числе на[ме]ченных кандидатов был бывший до Живой церкви епископ Евфимий. Прежде чем приступить к выборам епископа Евфимия[,] Приходский совет Кафедрального собора испросил согласия местных властей, что видно из прилагаемой у сего копии[,] и епископ Евфимий не только верующими одного Кафедрального собора, но и верующими остальных церквей города был избран вновь епископом Петрозаводска»¹⁰.

Несомненно, проведенными выборами, столь традиционными для мирян Русского Севера, приверженцы патриарха Тихона выбили почву из-под ног карельского апологета обновленчества протоиерея П.В. Дмитриева. Поэтому местный отдел ГПУ и поспешил запретить проведение без разрешения раскольников «всякого рода собраний, устраиваемых приходскими советами». Ощутили это и сами организаторы возвращения Евфимия на олонекскую кафедру. Они писали: «Но этими выборами недовольствовался только один Епархиальный уполномоченный Живой церкви свящ[енник] П. Дмитриев, который и поспешил не точно осветить данный факт пред своим Высшим Духовным Управлением, указав между прочим, что происходят волнения среди верующих, вероятно разумея под этим сообщением свой единоличный протест против указанных выборов»¹¹.

Разоблачая подобного рода заблуждения обновленческого протоиерея, члены приходского совета кафедрального собора предупредили об этом заранее

прокурора Карельской трудовой коммуны¹². Их предчувствие, что о. П.В. Дмитриев обратится по данному вопросу к гражданской власти, подтвердилось в конце декабря 1922 г., когда ГПУ вновь арестовало амнистированных ранее епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева, мирян Подколызных¹³. Попытки ходатайствовать перед местной властью об освобождении арестованных не были успешными, поэтому приходские советы кафедрального собора и заводской церкви решили обратиться на самый верх властной большевистской вертикали с просьбой отменить декабрьское 1922 г. постановление президиума Карельского исполкома об аресте и высылке обвиняемых по делу епископа Евфимия или же назначить «особую следственную комиссию по этому делу для освещения истины»¹⁴.

В подтверждение сообщенного в протестах их составители приложили упомянутые уже отношения Карельского отдела ГПУ о запрете на проведение церковных собраний, а также копии своих запросов от 7 декабря 1923 г. прокурору Карельской трудовой коммуны с воспроизведением полученных от него резолюций. В этих резолюциях верующим указали, что прокуратура в церковную жизнь не вмешивается, постановления обновленческого ВЦУ не являются обязательными, а за общинами сохраняется право выбирать епископов и священников. Спрашивали прихожане и о том, «является ли поминание патриарха Тихона знаком явной политической контр-революции». Ответ был такой: «По сколько Тихон является Контр-революционером и поминание его может вызвать движение темных масс во имя его мнимого мученичества, ответственность за это движение падет на церковников»¹⁵. Несмотря на предупреждение, приходской совет кафедрального собора все же решил возносить имя патриарха на богослужениях. По всей видимости, это было условием служения в соборе преосвященного Евфимия и стало причиной нового ареста и дальнейшей высылки самого владыки и его «поделльников» как «вредных элементов», для которых «К[арельская] Т[рудовая] К[оммуна] является благоприятной ареной для их контр-революционной агитации»¹⁶.

Если учитывать сведения из приложенных к ходатайству других документов (имеются в виду только два из них – выписки из журнала заседания приходского совета Свято-Духовского собора от 14 декабря 1922 и 2 января 1923 г.), то ко всему вышеизложенному можно добавить следующее. Еще до избрания общим собранием прихожан Евфимия на олонекскую кафедру имя патриарха Тихона стали помянуть в соборе Петрозаводска (22 декабря чекисты запретили это) и, естественно, отменили поминание ставленника ВЦУ и протоиерея П.В. Дмитриева – обновленческого архиепископа Александра. В качестве неперемennого условия пребывания в составе причта собора руководство прихода выдвигало

¹² Там же. Л. 53–53 об.

¹³ Там же. Л. 52.

¹⁴ Там же. Л. 54.

¹⁵ Там же. Л. 53–53 об.

¹⁶ Там же. Л. 52.

⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

нуло требование к духовенству – не состоять в рядах «Живой церкви». По поводу получаемых от протоиерея П.В. Дмитриева документов приходской совет однозначно решил «просить последнего не вмешиваться во внутренние дела Каф[едра]льного собора»¹⁷.

Необходимо отметить также, что всплеск протестных настроений верующих двух петрозаводских храмов был, по-видимому, спровоцирован конкретным поводом – отказом президиума Карельского исполкома освободить хотя бы временно из-под ареста архиерея и двух священников на Рождество Христово для совершения праздничных богослужений. Этот отказ, зафиксированный в выписке из протокола заседания президиума исполкома Карельской трудовой коммуны от 5 января 1923 г., авторы ходатайства в НКЮ тоже приложили к отправленным в Москву документам¹⁸.

Как быстро петрозаводские документы попали в столицу, сказать трудно. В представленных на них рукой помощника заведующего V отделом НКЮ В.А. Шумова пометках даты, к сожалению, отсутствуют. Рукописный входящий номер и на одном, и на другом протесте тоже указан без дат. Однако чтобы ответить на вопросы верующих Карелии, наркомюстовский чиновник был вынужден отправить документы на рассмотрение в ГПУ, начальнику VI отделения Секретного отдела Е.А. Тучкову. Составленный В.А. Шумовым секретный запрос имеет точную дату, правда, очень удаленную от описываемых событий – 30 мая 1923 г. В данном запросе он писал: «5-ый Отдел Н.К.Ю. просит Г.П.У. сообщить истинные причины высылки указанных служителей (епископа Евфимия, протоиерея Хазова, священника Гумилева. – С.П.) и о положении этого дела в настоящее время, а равно расследовать факт издания Кароблотделом Г.П.У. постановления, ограничивающего права религиозных групп на собрание и сообщить по этому поводу Ваше заключение»¹⁹.

В совершенно секретном ответе ГПУ от 11 июня 1923 г., который, очевидно, был продублирован от имени НКЮ и в Петрозаводск, начальник Секретного отдела Т.Д. Дерибас и его VI отделения Е.А. Тучков сообщили В.А. Шумову, что интересующее его духовенство постановлением комиссии НКВД по высылкам отправлено на три года в Нарымский край «за антисоветскую деятельность, т. е. за преступление предусмотренное 73 ст[атьей] Угол[овного] Код[екса]»²⁰. В отношении же распоряжения Карельского отдела ГПУ приходским советам о проведении церковных собраний

московские чекисты приняли следующее решение: они сочли его не обоснованным и немедленно отменили²¹. Столь запоздалое признание ошибки карельских чекистов никакой роли уже не играло, в Петрозаводске к середине июня 1923 г. утвердился добравшийся наконец-то до города обновленческий архиепископ Александр.

Благодаря анализу введенного в научный оборот в настоящей работе комплекса документов, хранящегося в ГАРФ, рассмотрены проблемы конфессиональной самоидентификации православных прихожан двух храмов Петрозаводска в тяжелейших условиях насильственно внедряемого советскими чиновниками и чекистами обновленческого раскола. Выявленные документы, в том числе и самих верующих, отражают непростую историю борьбы мирян и приходских советов кафедрального Свято-Духовского собора и заводской Александрово-Невской церкви за право без вмешательства извне решать проблему своей конфессиональной принадлежности. Отстаивая традиционные религиозные ценности, противодействуя новациям «советской» обновленческой церкви, они весьма активно использовали испытанный веками прием – подачу протестных документов на самый верх властной вертикали. При этом важнейшим аргументом в поддержку правильности принятых решений, в частности, в отношении окормлявшего общины духовенства, в том числе епископата, православные верующие Карелии считали, как и в досинодальный период, а согласно недавним исследованиям, и на протяжении XVIII в. [6, с. 101–106, 158], их выборы на общих собраниях всех заинтересованных приходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002. С. 129–605.
2. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подг. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2.
3. Олонецкая епархия: Страницы истории / сост. Н.А. Басова, Т.А. Варухина, Ю.Н. Кожевникова и др. Петрозаводск, 2001. С. 28–30.
4. Басова Н.А. К истории возникновения обновленческого раскола в Карелии (1922–1924 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: Проблемы взаимоотношений. 80-е гг. XVIII–XX в.). Петрозаводск, 2005. С. 83–88.
5. Галкин А.К. Евфимий (Лапин Евгений Николаевич) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII. С. 417–418.
6. Пулюкин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999.

¹⁷ Там же. Л. 53, 50, 49.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 59–57 об.

²⁰ Статья 73 Уголовного кодекса РСФСР того времени гласила: «Измышление и распространение в контр-революционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, карается – лишением свободы на срок не ниже шести месяцев. При недоказанности контр-революционности означенных действий, наказание может быть понижено до трех месяцев принудительных работ» (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР: Отдел первый. 1922. № 15. С. 211).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 60.

УДК 902.03.29

Л.К. ОСТРОВСКИЙ

**СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х гг.)**

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
архитектурно-строительный университет
e-mail: leo-ostrovskij@yandex.ru

На основе анализа архивных и опубликованных источников показаны основные направления политики советской власти в отношении поляков в Западной Сибири. В статье рассматриваются основные формы работы польских коммунистических секций среди поляков Западной Сибири, сделан вывод о том, что они не пользовались авторитетом среди населения. Деятельность большевиков по «советизации» поляков в Сибири не принесла ощутимых результатов. Польские секции РКП (б) в Сибири отличались малочисленностью и были неработоспособными.

Ключевые слова: польское население Западной Сибири, политика советской власти, польские секции РКП (б).

Падение самодержавия в России в 1917 г. привело к значительным переменам в жизни поляков, проживавших в Сибири. С этого времени начался подъем польского общественного движения, образовались новые польские общественные организации. В годы Гражданской войны большая часть поляков поддерживала национально-освободительные лозунги, меньшая часть – большевиков и их сторонников. Однако после окончания Гражданской войны в Сибири ситуация коренным образом изменилась. Во-первых, было ликвидировано большинство польских общественных организаций, возникших в Сибири. Во-вторых, решающую роль в жизни местных польских общин начинают играть сторонники партии большевиков. Прежде всего речь идет о бывших политических ссыльных польских социал-демократах, выполнявших в то время главную работу по «советизации» польского населения, т. е. превращению поляков наряду с другими народами России в послушный объект эксперимента по строительству социалистического общества.

После разгрома основных сил белого движения в Сибири формируются политические органы новой власти. Для осуществления национальной политики в Сибири в октябре–ноябре 1920 г. создаются национальные отделы при Сибревкоме, а также губернские и уездные национальные отделы. При Сиббюро ЦК, губернских и уездных комитетах партии большевиков организовывались национальные секции. С весны 1920 г. существовала польская секция при Сиббюро¹. В мае 1920 г. на всероссийской конференции коммунистов-поляков говорилось, что регионами, где в первую очередь необходимо проводить работу среди польского населения, являются Украина и Сибирь. На конференции отмечалась необходимость направить на работу в Сибирь надежные кадры, в том числе «наиболее важные литературные силы»².

Одной из первых на территории Сибири была создана польская секция РКП(б) в Омске. Организационное собрание инициативной группы из 5 чел. состоялось в Омске 15 декабря 1919 г. Польская секция включала 48 чел. Однако до лета 1920 г. секция фактически не вела работу из-за отсутствия штатных работников. Поскольку польские коммунисты «были заняты в советских и профсоюзных организациях», то, по их собственному признанию, они не могли развернуть работу среди польских масс в Омске. В целом по Сибири организационное становление национальных коммунистических секций завершилось к ноябрю 1920 г. К этому времени польские секции РКП(б) в Сибири имелись в Омске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Красноярске, Ачинске и Иркутске.

Начало советско-польской войны весной 1920 г. вызвало, по словам польских коммунистов, «неясное положение польского населения и возбудило общественную апатию». После начала войны в Сибири начались аресты поляков. По несколько недель и даже месяцев находились в тюрьмах поляки, арестованные в Омске, Таре, Новониколаевске и Барнауле³. На конференции коммунистов-поляков в России 3–5 мая 1920 г. в связи с советско-польской войной была создана мобилизационная комиссия. Мобилизации на фронт подлежали все поляки-члены РКП(б). Особые надежды в мобилизационном вопросе конференция возлагала на польских коммунистов из Сибири⁴. 26 мая 1920 г. в Омске состоялся интернациональный митинг, участники которого единодушно решили выступить на борьбу с «белопанской Польшей». Основное содержание политико-просветительной работы было нацелено на предотвращение массового отъезда поляков на родину. Такая работа строилась на основании тезиса В.И. Ленина о том, что в условиях капитализма пролетарии не имеют отечества. Польские коммунисты в Омске

¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1532. Л. 22.

² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 483. Л. 16.

³ Там же. Д. 487. Л. 18.

⁴ Там же. Д. 483. Л. 21.

после перехода Красной Армии на польском фронте в наступление обратились с письмом к Польшбюро в Москве. В своем обращении они высказывали намерение отправить из Омска группу товарищей для агитации на территориях, занятых Красной Армией. К отправке на фронт готовилась группа польских коммунистов из 10 чел. во главе с Яном Здоховичем. Однако против отъезда польских коммунистов из Омска в Польшу выступал местный партийный комитет⁵.

В отчете Польшбюро Омска за 1920 г. отмечалось, что работа партии большевиков среди поляков имела мало успеха. Данное обстоятельство польские коммунисты объясняли стремительным отъездом на родину «польских масс» и «объективными условиями в связи с польской войной». По данным Польшбюро, из 12 тыс. поляков, проживавших в Омске, половину составляли «обывательские элементы», не принимавшие участия в общественной жизни. Остальную часть поляков Омска составляли беженцы, военнопленные, рабочие и интеллигенция. В отчете говорилось, что заводские рабочие, рабочие железнодорожных мастерских, рабочие службы движения железной дороги в отношении «социальной революции держались пассивно»⁶.

Польшбюро в Омске в 1921 г. особую роль в своей агитпропагандистской работе среди польского населения отводило Польскому рабочему клубу, который был организован в мае 1920 г. На Польский клуб члены Польшбюро возлагали задачи по политическому и культурному воспитанию масс. Польский клуб считался важным институтом распространения просвещения, при клубе были организованы: библиотека, театральная, музыкальная секции и хор. В апреле 1921 г. в Польском рабочем клубе на чтение «живой газеты» собралось до 200 чел. Польшбюро считало, что клуб «должен вовлечь в себя все польское революционное население города Омска»⁷.

Однако польские коммунисты в Сибири на тот момент располагали крайне малыми силами. Помимо малочисленности польских коммунистических организаций в Сибири существовала и другая проблема – недостаточная активность коммунистов. В 1920 г. в Омске состоялось объединенное заседание губернского бюро партии большевиков и иностранной секции, на заседании присутствовало 12 коммунистов и 30 сочувствующих. Малочисленность собрания коммунисты объясняли тем, что «при Колчаке славяне были угнетены» и «недоверчиво относятся к организации»⁸. 23 июня 1921 г. польские коммунисты сообщали из Омска, что вести работу в городе некому, в польской секции оказался один человек, польский клуб не работал, а в его помещение была переведена библиотека⁹. В Омской губернии, по данным Польшбюро, в мае 1921 г. проживало 30 тыс. поляков, а численность коммунистов в Омске составляла 50 чел. и 15 кандидатов в члены партии¹⁰. До отъезда Сиббюро в Новониколаевск в

составе Польшбюро в Омске находилось два сотрудника: ответственный секретарь Ян Ростоцкий и технический секретарь Петр Миклашов. По данным Сиббюро, в 1921 г. в Сибири было 350–400 коммунистов-поляков, из них 90 % проживали в городах¹¹.

В центре внимания национальных секций РКП(б) в 1920–1921 гг. находился вопрос о реэвакуации национальных меньшинств на родину. В письме инструктора Польского бюро К. Булянда Томскому губкому РКП(б) отмечалось негативное отношение к советской власти «некоторой» части поляков Сибири и их стремление уехать в Польшу. Поэтому Томский губком РКП(б) создает «Агитлетучку» для проведения лекций, митингов, концертов. Задачей летучки являлась агитация среди скопившихся на узловых станциях беженцев [1, с. 154]. В качестве агитаторов были назначены члены Томской организации РКП(б) Лосевич, Квятковский и Журавский. Число сотрудников «Агитлетучки» составило 20 чел. В распоряжение «Агитлетучки» предоставлялся существовавший в Томске Польский рабочий театр. Сиббюро обратилось с просьбой к Польшбюро в Москве выслать литературу в качестве помощи «Агитлетучке»¹².

По сведениям Сиббюро, агитационная работа велась среди отъезжающих поляков посредством митингов, которых было проведено около 100. В записке ответственного секретаря Польшбюро при Новониколаевском губкоме от 5 октября 1921 г., адресованной Сиббюро, ставились задачи перед польскими коммунистами. По его мнению, польские коммунисты должны быть «подготовлены к ведению агитации в Польше и занятию постов в будущей советской Польше», а «каждый рабочий и батрак, уезжающий из России» должен быть политически грамотным¹³.

В Омске в Польском рабочем клубе 17 апреля 1921 г. прошло общее собрание польского населения по поводу реэвакуации. 15 мая на Атаманском хуторе в театре «Саргон» было проведено собрание на тему: «Политические группировки в Польше и реэвакуация на родину». Польские коммунисты планировали проводить собрания беспартийных в Омске не реже одного раза в две недели. Однако работу среди населения польским коммунистам в Омске не удавалось наладить ввиду недостатка партийных функционеров. Польшбюро в Омске возлагало надежды на приезд коммунистов, которые прибыли из Польши взамен польских заложников. Недостаточную активность в агитационной работе среди поляков деятели Польшбюро объясняли тем, что в связи с «мобилизацией поляков коммунистов на Западный фронт польские секции в Сибири поределели»¹⁴. В своем докладе «О положении агитации среди польского населения» К. Булянда говорил о том, что «из всех национальных отделов коммунисты поляки наименьше обращают внимание на свои польские дела», так как отдают все силы «общереволюционному делу»¹⁵.

⁵ Там же. Л. 26–26об.

⁶ Там же. Д. 487. Л. 18.

⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1534. Л. 2.

⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 487. Л. 21.

⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1536. Л. 25.

¹⁰ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 487. Л. 12.

¹¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1532. Л. 22.

¹² Там же. Д. 1533. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 1534. Л. 23.

¹⁴ Там же. Д. 1533. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 1534. Л. 13.

Лидеры польских коммунистов в Советской России преследовали цель – превратить отъезжавших в Польшу репатриантов в агентов коммунизма. В письме Ф. Дзержинского к И.К. Ксенофонтову говорилось: «Необходимо обратить внимание на политическую обработку, вести коммунистическую пропаганду, чтобы пленные, вернувшись в Польшу, были нашими. Необходимо под видом сбежавших из плена посылать наших агентов к ксендзам и другим подозреваемым полякам» [2, с. 49–50]. Перед польскими коммунистами на местах ставились такие же задачи. Чтобы препятствовать отъезду материально обеспеченных поляков в Польшу, польские коммунисты на собрании в Омске 24 сентября 1921 г. приняли решение назначить в губзвак своих людей в составе 9 чел. В докладе Польбюро, зачитанном П. Миклашовым, говорилось, что «польская колония в Омске выезжает в Польшу». Перед польскими коммунистами ставилась задача немедленно приступить к агитации среди отъезжающих беспартийных масс. В выступлениях польских коммунистов на собрании звучали предложения выслать в объятия «панской Польши» рабочую и менее обеспеченную массу. В то же время не дать возможности уехать из Советской России «негодному элементу», т. е. буржуазии¹⁶.

24 сентября 1921 г. в Омске состоялось общее собрание коммунистов-поляков, организованное Польбюро. На собрании присутствовало из зарегистрированных 92 только 17 польских коммунистов¹⁷. На собрании неудовлетворительная работа Польбюро объяснялась «отсутствием работников» и «отсутствием поддержки Губкома». В своем выступлении на собрании Росточки, который был избран ответственным секретарем Польбюро при Омском губкоме, говорил об упадке «работы в школах, клубе и библиотеке». Причина недостатков в культурной работе, по мнению выступавшего, также в отсутствии работника, который бы занимался «просвещением» среди населения Омска¹⁸.

Для работы с польским населением вместо польсекций создаются польбюро. Кроме Центрального бюро возникли местные при республиканских, губернских, окружных и районных комитетах РКП(б). В Сибири работало 8 польских бюро РКП(б): в Сиббюро ЦК, Омске, Новониколаевске, Барнауле, Семипалатинске, Красноярске, Иркутске и Чите¹⁹.

5 января 1921 г. состоялось собрание Польбюро в Новониколаевске под председательством Иосифа Лемпицкого, на котором присутствовало 7 коммунистов. 9 марта 1921 г. секретарем Польбюро в Новониколаевске был избран Мариан Тазберг, а инструктором Польбюро для работы в Новониколаевском уезде становится Лемпицкий. В состав губпольбюро вошло 5 чел.²⁰ 8 мая 1921 г. на заседании Польбюро при Новониколаевском горюездкоме Осинскому и Синорадскому поручалось организовать клуб и «культпросвет» в здании польской

школы²¹. В 1920-е гг. при польском клубе в Новониколаевске, который располагался в здании школы, работал драматический кружок, где ставились «пьесы революционного содержания»²².

17 июля 1921 г. в Новониколаевске состоялось беспартийное собрание поляков, созданное губпольбюро РКП(б). Обсуждался текущий момент, политические группировки в Польше и репатриация, причем медленное возвращение поляков объяснялось их большой численностью в Сибири²³. Польская секция Новониколаевского губкома не проводила активной работы среди польского населения губернии. В октябре 1921 г. в Новониколаевске насчитывалось 75 членов партии и 12 кандидатов, а активное участие в партийной работе принимали только 4 чел.: Лянцкоронский, Коссман, Осинский и Форасинский²⁴.

В Алтайской губернии в Польбюро работало 3 чел. В польской секции РКП(б) в Алтайской губернии в августе 1921 г. состояло 29 членов и 2 кандидата партии. Из них: 19 чел. – в Барнауле, 7 – в Бийске и 5 – в Камне. В Барнауле в 1921 г. действовал польский клуб²⁵. 28 июня 1921 г. состоялось заседание президиума Польбюро в Барнауле под председательством Квапинского. На заседании присутствовало 6 членов Польбюро. В центре внимания стояли вопросы школьной и клубной работы²⁶. 1 августа 1921 г. в Барнауле состоялось заседание польской секции, на котором обсуждался вопрос об отъезде польских пленных в Польшу. По этому поводу на вокзале был организован митинг-концерт²⁷. Однако из-за болезни и смерти Квапинского в 1921 г. работа польских коммунистов в Барнауле, по мнению К. Булянда, «почти стала»²⁸.

Результаты работы польских коммунистов среди населения, были крайне неудовлетворительными. Так, секретарь Польбюро Томского губкома РКП(б) Журавский отмечал в мае 1921 г., что результаты деятельности коммунистов среди населения Томска ничтожны, а причину он видел в «мелкобуржуазном характере польского населения в городе». По мнению Журавского, «в деревнях и селах губернии среди беженцев и военнопленных поляков преобладает голытьба», и поэтому предлагалось в качестве выхода перенести центр тяжести на работу в деревне [3, с. 55]. К 1921 г. в «польских деревнях не было комячеек»²⁹. В письме Томского губисполкома в Томский губотдел РКП(б) и подотдел национальных меньшинств говорилось о необходимости командировать в Ново-Александровскую волость коммуниста-поляка для ведения агитационной работы. В письме указывалось, что польское население

²¹ Там же. Л. 10.

²² Информация получена автором от Альфонса Ксавьеревича Ескевича 10.02.1990 г.

²³ ГАНО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1531. Л. 11.

²⁴ Там же. Д. 1535. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Д. 1534. Л. 16.

²⁹ Там же. Д. 1535. Л. 40.

¹⁶ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 485. Л. 13–13об.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1534. Л. 15–15об.

¹⁸ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 483. Л. 46.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1532. Л. 22.

²⁰ Там же. Д. 1531. Л. 2–7.

крайне религиозное и большой авторитет среди поляков имели ксендзы [1, с. 154].

28 октября 1921 г. в Томске польская секция при губкоме была ликвидирована под предлогом отсутствия партийных работников, хотя Сибпольбюро указывало на наличие «талантливых агитаторов поляков в Томске»³⁰.

16 января 1922 г. в Москве состоялось заседание Польбюро ЦК РКП(б), на котором рассматривался вопрос «О ликвидации Польбюро при Сиббюро ЦК». Сиббюро настаивало на своем решении, так как «польская секция не смогла развернуть работу и руководство местами». К этому времени «большинство губкомов Сибири польские секции ликвидировали и перенесли работу в губнацы...»³¹. В Москве в ноябре 1921 г. состоялась III конференция коммунистов-поляков. На ней было заявлено, что с отъездом из России беженцев и пленных Центр России, Сибирь, Туркестан в работе польских коммунистов отходят на второй план, а на первый выходят Украина и Белоруссия. В связи с этим предусматривалась переброска коммунистов-поляков из восточных областей России в западные³². По плану работы подотдела национальных меньшинств ЦК РКП(б) до 1 января 1922 г. нужно было ликвидировать 50 польбюро на территории восточных губерний страны³³.

Постановлением Сиббюро ЦК от 22 декабря 1922 г. была ликвидирована польская секция Сиббюро ЦК. В качестве причин ликвидации назывались «бездеятельность и отсутствие работников». В то же время местные коммунисты-поляки отмечали, что за 1922 г. польские секции «провели грандиозную работу» среди уезжающих поляков. Назывались блестящими и результаты работы среди 15 тыс. польских легионеров³⁴. Как считали сами польские коммунисты, в конце 1922 г. 9 польских секций, т. е. большинство, в губерниях Сибири «пришло в упадок». Исключение составляли только секции в Красноярске и Томске³⁵.

Таким образом, в начале 1920-х гг. идеи партии большевиков не были популярными среди польского населения Сибири. Коммунистические организации в городах Сибири отличались малочисленностью и не пользовались авторитетом у местных поляков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борщева С.Я.* Документы Центра документации новейшей истории Томской области о поляках // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 1999. С. 154.
2. *Костюшко И.И.* К вопросу о польских военнопленных 1920 года // Славяноведение. 2000. № 3. С. 45–62.
3. Из истории земли Томской. Сибирский Белосток: Сб. документов и материалов. Томск, 1998.

³⁰ Там же. Д. 1536. Л. 50.

³¹ Там же. Л. 1.

³² ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 484. Л. 15об.

³³ Там же. Л. 15об.

³⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1535. Л. 40.

³⁵ Там же. Л. 40.

УДК 94(571).084.8

О.Н. КАЛИНИНА

**ЛЬГОТЫ И ПРИВИЛЕГИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1946–1953 гг.)**

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kalinka77@inbox.ru

Автор статьи выявляет основные тенденции в развитии системы льгот и привилегий советской номенклатуры в позднесталинский период. Сделан вывод о дальнейшем социальном расслоении номенклатуры в зависимости от должностного ранга и отраслевой принадлежности номенклатурного работника.

Ключевые слова: Сибирь, власть, политическая система, номенклатура, льготы и привилегии, спецнабжение.

Изучение материально-бытового обеспечения номенклатуры как своеобразного показателя ее социального статуса в советском обществе является динамично развивающимся направлением новейшей отечественной историографии. В количественном отношении преобладают публикации, в которых исследуется становление системы номенклатурного

обеспечения в 1920–1930-е гг. Так, на источниках 1920–1930-х гг. материальное положение номенклатуры изучали Е.Г. Гимпельсон, Г.Л. Олех, Е.А. Осокина, В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко [1; 2; 3; 4]. И лишь небольшое число исследователей, что отчасти связано с проблемами доступа к архивным документам, сконцентрировали свое внимание на изучении данной

проблемы в более поздние периоды отечественной истории. В большей степени эволюция номенклатурной социальной политики в исследуемый период отражена в региональной историографии [5; 6].

Особенностью системы льгот и привилегий советской номенклатуры является стирание границ между самими понятиями «льгота» и «привилегия»¹, поскольку все постановления и решения, касающиеся этой сферы, носили закрытый, секретный и полулегальный характер. Основная причина данного явления коренится в советской политической системе. Можно согласиться с мнением В.П. Пашина и Ю.П. Свириденко, что «система привилегий начала формироваться сразу же после революции, путем присвоения верхушкой партии права на законодательную деятельность, неподконтрольную государству, где сама власть одновременно являлась и привилегией, и непосредственным источником этих привилегий» [4, с.7].

Система льгот и привилегий номенклатуры формировалась постепенно и к середине 1940-х гг. уже носила ярко выраженный иерархичный характер. Тенденции в ее развитии можно рассмотреть на примере функционирования спецснабжения, временных денежных довольствий и других форм обеспечения номенклатуры. Основными источниками информации стали документы финансово-хозяйственных секторов партийных органов в регионах Западной Сибири, письма и просьбы, записки первых секретарей обкомов в Управление делами (УД) ЦК ВКП(б), письма и циркуляры УД ЦК партии, отправленные в крайкомы и обкомы партии.

В послевоенный период основной составляющей денежных доходов номенклатуры оставалась заработная плата. Так, в 1945 г. самые высокие оклады получали руководящие работники регионального уровня. Оклад первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома составлял 2000 руб., секретарей и заведующих отделами обкома, заместителя председателя облисполкома – 1800–1300, заведующего сектором, лекторов, инструкторов – 950. В это же время городские и районные партийные и советские работники получали на 30–50 % меньше. Оклад первого секретаря горкома ВКП(б) составлял 1500 руб., секретаря – 1300, заведующего отделом – 1200, заместителя заведующего отделом 750–1200, лектора и заведующего сектором – 700 руб. Причем уровень заработной платы советских работников был ниже партийных. Оклад первого секретаря горисполкома составлял 1300 руб., заместителя председателя – 1000, секретаря – 900, заведующего отделом – 500–900, заведующего сектором – 450 руб. Самая низкая зарплата была у работников сельских райкомов и райисполкомов – 1300–1000 руб. у первого

секретаря райкома, у заведующего отделом в райкоме – 800–600 руб.²

С целью нивелировать диспропорции в заработной плате и улучшить материальное положение отдельных работников руководством на местах довольно часто использовался механизм получения средств, предусматривавшихся на нужды социально-бытового обеспечения партаппарата. Так, по сметам обкомов полагалось выделять по 105 руб. в месяц на каждого ответственного работника, а по местному бюджету и по смете облисполкома оплачивались расходы за завтраки, обеды и ужины, отпуск папирос и т. д.³ В итоге во многих регионах отмечался перерасход средств, выделяемых по этому каналу. В письме секретарю Омского обкома партии Н.В. Киселеву от управляющего делами ЦК ВКП(б) Д.В. Крупина от 29 января 1949 г. сообщалось, что ревизиями установлены существенные недостатки в финансово-бюджетной работе райкомов, особенно в расходовании средств секретарями райкомов. Только за 10 мес. 1948 г. перерасход составил 22 400 руб. Указывалось, что в райкомах партии практиковалась выдача авансов без всякой необходимости и без соблюдения отчетности, выплачивались суточные работникам из средств, выделенных на проведение райпартконференций, необоснованно выдавались выходные пособия слушателям партшкол и т.д.⁴

Официально управленческий аппарат не должен был снабжаться лучше передовых рабочих и квалифицированных специалистов, на практике же получалось иначе. Уровень снабжения конкретного номенклатурного работника зависел от его должностного ранга в номенклатурной иерархии, причислявшего работника к той или иной категории снабжения. Различные привилегии номенклатуры закрепились еще в военные годы по мере развития карточной системы в стране. Это и второе горячее питание, обеды для руководящих работников по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г., литерные обеды (категорий «А», «Б» и «В») и сухие пайки по постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г., усиленное диетическое питание, карточки на ужины и пр. С 1 февраля 1944 г. для руководящих партийных работников вводились бесплатные завтраки, а по распоряжению СНК СССР от 27 февраля 1946 г. были введены карточки дополнительного горячего питания (литер «Б»)⁵.

Всего существовало четыре группы карточек: для рабочих, служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. Данные категории населения находились в привилегированном положении по отношению к колхозникам, которые не были включены в созданную государством систему гарантированного обеспечения продовольствием. Для номенклатуры были установлены три категории карточек. Первую получали секретари обкомов и горкомов, заведующие отделами обкомов и облисполкомов и их заместители, вторую – заведующие

¹ Понятие «льготы» обусловлено наличием правовой нормы. «Льгота» всегда подробно регламентируется в нормативных документах и имеет конкретное выражение в денежном эквиваленте (например, выплачивается в виде компенсации или скидки). «Привилегия» как некое исключительное право узкого круга лиц, часто достигаемое в обход закона, не имела конкретного денежного выражения, и о ее наличии было известно лишь немногим. – См.: Словарь русского языка. М., 1958. Т. 2. С. 279; Словарь современного русского языка. М.; Л., 1961. Т. 11. С. 378.

² ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 283. Л. 110; Оп. 6. Д. 28. Л. 114–116.

³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 35. Л. 132.

⁴ Там же. Д. 5411. Л. 69.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 56. Л. 71–86.

секторами и инструкторы обкомов и облисполкомов, заведующие и заместители заведующих отделами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов, третью – инструкторы и лекторы горкомов, горрайкомов, заведующие секторами горкомов, горрайкомов, горисполкомов и горрайисполкомов.

Официально преимущество в продовольственном снабжении отдавалось рабочим. Так, рабочим первой категории полагалось ежедневно 800 г хлеба, второй – 600 г, служащим – 500–400 г соответственно. Вместе с тем, нормы на другие продовольственные товары резко дифференцировались, здесь снабжение номенклатуры было заметно лучше. Так, рабочим и ИТР в ведущих отраслях народного хозяйства полагалось в месяц 2,2–1,8 кг мясных и рыбных продуктов, 0,6–0,4 кг жиров соответственно [7, с. 110]. Для номенклатурных работников второй категории дополнительно к продовольственной карточке устанавливались следующие месячные нормы: мясорыбных продуктов – 5,5 кг, сахара и кондитерских изделий – 1,4 кг, жиров – 0,8 кг, считая обед по литеру «Б» и сухой паек. Номенклатурные работники, снабжавшиеся по третьей категории, получали в месяц в виде дополнительного снабжения: мясорыбных продуктов – 1,8 кг, круп и макарон – 1,2 кг, сахара и кондитерских изделий – 0,4 кг, жиров – 0,3 кг. Продовольственное снабжение работников сельских районов осуществлялось на основе приказа НКТорг и Центросоюза СССР от 9 февраля 1943 г., устанавливавшего отпуск продуктов в виде сухого пайка и питание в столовых райпартактива в пределах норм рабочей продовольственной карточки⁶.

В нормированном снабжении работников, отнесенных ко второй и третьей категориям снабжения, имелись частые перебои. В этом случае широко практиковалась выдача заменителей (вместо мяса – яичный порошок, вместо жиров – мука и т. д.). Снабжение районных работников партийного и советского аппаратов зависело от наличия ресурсов, поступавших из местных источников и централизованных фондов, поэтому носило нерегулярный характер. Нередки были случаи, когда карточки на сухой паек не отоваривались несколько месяцев.

Наряду с официально установленными нормами продовольственного снабжения региональные власти практиковали выдачу так называемого праздничного пайка. Так, в связи с празднованием 28-й годовщины Октябрьской революции и в честь самого праздника распоряжением Новосибирского облисполкома № 277 от 31 октября 1945 г. облторготдел за счет 10%-ных отчислений от гарнищевого сбора выделил 85 работникам (секретари горкомов и райкомов партии, председатели горрайисполкомов) 170 кг сливочного масла, сыра и рыбы, 136 кг муки, 85 кг икры. Кроме того, им полагалось «довыдать» 170 кг сахара и 85 кг конфет, не выданных в июле – сентябре⁷.

В условиях товарного дефицита военных и первых послевоенных лет в стране процветал стихийный теневой рынок, в противовес которому государство стало развивать коммерческую торговлю. Первые

коммерческие магазины открылись в 1944 г. и просуществовали вплоть до отмены карточной системы в декабре 1947 г. В магазинах коммерческой торговли без ограничений торговали разнообразными продовольственными и промышленными товарами, но из-за высоких цен, нередко превосходивших стоимость товаров на неорганизованных рынках, коммерческие магазины и рестораны были недоступны для большей части населения. Например, за 1945 г. удельный вес коммерческих магазинов в розничной торговле страны составил всего 9,6 % [7, с. 113]. Но если на жизненный уровень широких народных масс коммерческая торговля не оказывала существенного влияния, то для определенной части номенклатуры спецмагазины промтоварного и продовольственного обеспечения имели важное значение.

Перед войной закрытой торговлей был охвачен только самый верхний слой региональной номенклатуры. Вынужденный переход с началом войны к нормированному снабжению создал для руководящих работников всех уровней чрезвычайно выгодные условия в сфере товарного снабжения, а лимитные книжки в послевоенные годы становятся важнейшей их привилегией. По лимитным книжкам номенклатурные работники могли приобрести необходимые товары на лимитированную сумму (лимит зависел от номенклатурного ранга ее владельца). Так, обладатели книжек первой группы могли получить товаров на сумму 1000 руб. в полугодие, второй – на 750 руб.⁸ Только в Новосибирской обл. с июля по сентябрь 1945 г. для реализации по лимитным книжкам было направлено промышленных товаров на 614,7 тыс. руб., из них шерстяных тканей – на 570 тыс., шелковых – на 20 тыс., швейных ниток – на 20 тыс., кожаной обуви – на 70 тыс., резиновой обуви – на 11,1 тыс. руб.⁹

Значительный контингент номенклатурных работников, как правило, местного уровня, снабжался промтоварами в малом количестве либо совсем не снабжался ими. Так, инструкторы обкомов, горкомов, городских райкомов партии не имели лимитных промтоварных книжек. Несмотря на то, что секретари сельских райкомов постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. были отнесены к номенклатуре руководящих областных контингентов, по распоряжению Министерства торговли СССР они снабжались по линии сельской сети промтоварного снабжения. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 12 июня 1945 г. сельские районные работники снабжались в следующих размерах: для 3–4 чел. на район по 1000 руб. в полугодие и для 30–50 чел. на район по 750 руб., считая партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников. Для инструкторов и пропагандистов сельских райкомов партии промтоварное снабжение не было установлено. Более того, отпуск промтоваров районным работникам осуществлялся в сельских ценах, которые в 2,5–3 раза превышали городские, что делало их приобретение для них непосильным¹⁰.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72. Л. 4–5.

⁹ ГАНО. Ф. П.-4. Оп. 9. Д. 5. Л. 219.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72. Л. 4–5.

⁶ Там же.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 309. Л. 141.

Несмотря на то, что снабжение промтоварами распространялось на ограниченный круг номенклатуры, выделяемых ресурсов было недостаточно, поэтому первые секретари обкомов по вопросам обеспечения часто обращались в УД ЦК ВКП(б) или непосредственно к наркомам отраслей, занятых в сфере производства товаров народного потребления. 13 января 1946 г. новосибирский лидер М.В. Кулагин обратился к наркому легкой промышленности СССР С.Г. Лукину с просьбой о выделении для партийно-советского актива Новосибирска 200 кожаных пальто, швейных изделий на 200 тыс. руб., трикотажных изделий на 100 тыс. и модельной обуви на 500 тыс. руб.¹¹

Вместе с тем материальные возможности некоторых групп руководителей определялись не только той или иной ступенью вертикальной иерархии, но и профессиональной близостью к непосредственным каналам распределения или к производству продуктов и товаров. А ближе всего к этому «животворному источнику» находились категории работников, отнесенные к третьей группе номенклатурного списка. Поэтому никого не должны вводить в заблуждение невысокие официальные нормы снабжения данной категории управленческих кадров. Анализ архивных материалов показывает, что «теневое» перераспределение товаров в сфере обеспечения номенклатуры было широко распространено, а в селах и деревнях руководящие работники довольно часто практиковали самоснабжение, устраивая многочисленные поборы в колхозах. Так, 23 августа 1946 г. на имя первого секретаря Алтайского крайкома Н.И. Беляева была адресована справка от заведующего оргинструкторского отдела крайкома Б.М. Лещинера «О преступных действиях руководителей Солтоновского района». В ней указывалось, что секретари Солтоновского райкома Стамбровский, Ермолаев и председатель райисполкома Руденко систематически осуществляли поборы в колхозах и артелях для самоснабжения. Так, в ноябре 1945 г. Ермолаев взял без оплаты в одном из колхозов два барана для проведения вечернего банкета для сотрудников райкома. Импортные товары для инвалидов Отечественной войны, поступившие в мае 1946 г. в район, незаконно раздавались сотрудниками райкома и райисполкома и т.д.¹²

С отменой в декабре 1947 г. карточной системы произошли существенные изменения в материальном обеспечении номенклатуры. Так, с 1 января 1948 г. постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) устанавливались новые должностные оклады для руководящих работников районных, городских партийных и советских органов власти, которые были выше предыдущих на 13–50 %. Теперь оклады первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов составляли 1700–1400 руб., заведующих отделами райкомов, райисполкомов – 1500–1200 руб.¹³ Однако такое повышение окладов скорее было нацелено на поддержание приемлемого уровня обеспечения работников город-

ского и районного уровня, поскольку в дальнейшем наметился существенный разрыв в уровне материального обеспечения между местной и региональной номенклатурой.

Катализатором процесса материального расслоения номенклатуры стало распоряжение СМ СССР и ЦК ВКП(б) за № 1150 от 23 декабря 1947 г., согласно которому к официальному окладу руководящих партийных и советских работников дополнительно вводились «временные денежные довольствия», отменявшие при этом ранее существовавшие льготы для номенклатуры¹⁴. Категория работников, получавшая временное денежное довольствие, лишалась некоторых льгот (выплат дотации в размере 105 руб. в месяц, оплаты из бюджетных средств жилплощади и аренды дач, пребывания в домах отдыха, услуг парикмахерских, выдачи средств на питание, покупку папирос и т.д.). Направляемые на отдых работники также продолжали получать путевки за 20 % от их стоимости, но отныне полностью оплачивали проезд в оба конца за свой счет.

Распределялись «довольствия» в зависимости от должности в номенклатурной иерархии. При этом мерой измерения денежного довольствия стал размер получаемого оклада – в среднем оно составляло 2–3 месячных оклада¹⁵. Выплата денежного довольствия прекращалась на уровне заведующих секторами обкома и облисполкома. Среди номенклатуры городского и районного уровней эта существенная привилегия распространялась на только особо оговоренные должности, а также на первых и вторых секретарей горкомов областных, краевых и республиканских центров. Причем самые большие денежные довольствия получали руководящие работники партийного аппарата. Так, размер денежного довольствия первого секретаря Новосибирского обкома партии составлял 8000 руб., или 3 месячных оклада. Точно такие же оклады имелись только у председателя облисполкома и представителя Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Новосибирской области. К «обкомовской братии» также приравнивались секретари Новосибирского обкома, директор Новосибирской партшколы, редактор газеты «Советская Сибирь». Оклады этих работников были равны минимальным (по списку) окладам работников Новосибирского облисполкома, за исключением оклада редактора газеты «Советская Сибирь», равнявшегося окладу заместителя председателя облисполкома (1600 руб.)¹⁶.

Функционирование системы довольствий – один из наиболее ярких примеров номенклатурных привилегий. Принятое в атмосфере секретности решение о введении доплат к окладам партийно-советских работников строго охранялось на протяжении всего периода их существования. В целом в сравнении с населением страны, испытывавшим на себе все тяготы послевоенной мобилизационной экономики, материальное положение номенклатуры было заметно лучше. На характер распределительных отношений советского

¹¹ ГАНО. Ф. П.-4. Оп. 10. Д. 2. Л. 6.

¹² ЦХАФАК. Ф. П.-1. Оп. 30. Д. 112. Л. 1, 3–5.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1068. Л. 10–11.

¹⁴ Там же. Оп. 129. Д. 72. Л. 45.

¹⁵ РГНИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 63. Л. 66.

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 6. Д. 28. Л. 114–116.

общества оказывали влияние различные факторы, но, прежде всего, сложившаяся политическая система и специфика экономических отношений. В связи с этим определяющей чертой материально-бытового обеспечения номенклатуры стала четкая привязка количества и качества благ и привилегий в зависимости от уровня занимаемой должности, которые пропорционально возрастали по мере продвижения работника по карьерной лестнице. Послевоенное реформирование системы льгот и привилегий номенклатуры было направлено на повышение социального престижа должностей в партийно-государственном аппарате. Улучшая материально-бытовые условия верхушки региональной власти, политическая элита страны руководствовалась принципом «разделяй и властвуй», т.е. одновременно усиливала свой контроль над ней и заручалась ее лояльностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М., 1995.
2. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
3. Осокина Е.А. За фасадом сталинского «изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации (1929–1941). М., 1998.
4. Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора. М., 1998.
5. Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.).
6. Калинина О.Н. Номенклатура Западной Сибири в 1946–1964 гг. Новосибирск, 2008.
7. Букин С.С. Государственные социальные акции послевоенной эпохи в сибирском измерении // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск, 2010. Вып. 2.

УДК 94(47)084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

**ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОЛХОЗОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Цель статьи заключается в выявлении этапов, тенденций и социально-экономических последствий развития практики производственного планирования в колхозах в послевоенное двадцатилетие. Анализ проблемы базируется в основном на новом конкретно-историческом материале. Раскрывая особенности жесткого директивного планирования деятельности колхозов в послевоенные годы, автор причисляет его к факторам, тормозившим развитие хозяйств. Показано также, что предпринятые в середине 1950-х гг. попытки смягчить административный контроль над колхозами не увенчались успехом, в связи с чем ускорилось огосударствление производственных структур села.

Ключевые слова: колхозы, планирование, сельскохозяйственное производство, администрирование.

Целесообразность научно-исторического изучения практики планирования производственной деятельности в колхозах обусловливается повышением в настоящее время общественного интереса к советской модели хозяйствования, который спровоцирован широкими обсуждениями прошлого нашей страны в средствах массовой информации. Необходимость исследования темы определяется и ее непосредственной связью с такой важнейшей проблемой российской истории, как взаимоотношения между государством и крестьянством.

К обстоятельному анализу вопросов производственного планирования в колхозах в рассматриваемый

период в немалой степени побуждает поверхностное их освещение советской историографией и фрагментарное отражение в постсоветской научной литературе. Исключением является вышедшая в 1992 г. монография О.М. Вербицкой, в которой дана характеристика основополагающих принципов планирования производства в колхозах во второй половине 1940-х – второй половине 1950-х гг. По мнению автора, на протяжении этого периода практика сельскохозяйственного планирования оставалась неизменной в следующем: 1) за исходную величину плана принималось общественно необходимое количество сельхозпродукции без учета реально существующих для ее производства возможностей у хозяйств; 2) регулирование пропорций внутриотраслевого развития было до мелочей детальным, и необходимость этого высшая власть обосновывала неготовностью колхозов к самостоятельному эффективному планированию; 3) планы колхозов занимали

* Работа подготовлена при финансовой поддержке СО РАН (проект № 9.1 «Колхозно-совхозная система в Сибири во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.» Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН).

подчиненное положение по отношению к планам машинно-тракторных станций (МТС); 4) в связи с ограниченностью средств, выделяемых государством на развитие колхозов, производственные задания были сориентированы на экстенсивные формы ведения сельского хозяйства; 5) следствием указанных обстоятельств являлось хроническое невыполнение пятилетних планов. Отличительной особенностью планирования в сталинский период являлся акцент на крайнее напряжение человеческих сил и проявление «социалистической сознательности» трудящихся. А в период правления Н.С. Хрущева давался определенный простор для материальных стимулов и инициативной деятельности колхозников [1, с. 21–29].

Дальнейшее плодотворное изучение рассматриваемой проблемы невозможно без существенного расширения ее фактологической базы. В связи с этим анализ этапов, тенденций и социально-экономических последствий развития системы планирования колхозного производства в послевоенное двадцатилетие проводится с опорой на новые архивные материалы, выявленные при анализе реализации государственной аграрной политики в Сибири – крупнейшем сельскохозяйственном регионе страны.

Аграрный строй послевоенного сталинизма сохранял базовые параметры аграрно-экономических отношений, сформированных в ходе массовой коллективизации. Колхозы функционировали в условиях жесткого административно-бюрократического давления, отчетливо проявившегося в сложившейся практике сельскохозяйственного планирования. Наряду с рассмотренными выше ее чертами можно выделить еще ряд важных характеристик. Так, планирование производственной деятельности колхозов характеризовалось его рассредоточенностью по различным органам управления. Планы для хозяйств разрабатывались в структурах трех ведомств – созданных в конце 1945 – начале 1946 г. Министерстве земледелия СССР, Министерстве технических культур СССР и Министерстве животноводства СССР. На местном уровне были организованы соответствующие краевые, областные и районные управления и отделы. В связи с множественностью органов, составлявших плановые показатели, имели место такие негативные явления, как разрыв в сроках и задержка доведения заданий до исполнителей, нестыковки планов между собой, корректировка уже утвержденных плановых норм в течение года, проводимая чаще всего в сторону их повышения. Эти обстоятельства в значительной степени осложняли решение хозяйственных задач, во многом делая их невыполнимыми. Составление производственного плана колхоза представляло собой механическое воспроизведение спущенных райисполкомами годовых заданий по развитию полеводства и животноводства. Приходно-расходные сметы разрабатывались правлениями, а затем утверждались собраниями колхозов. Проверка смет в райисполкомах часто затягивалась, из-за чего они не увязывались с производственными планами¹.

Консервативный курс сталинской аграрной политики, однако, допускал принятие решений, нацеленных на ограничение административного давления на колхозы. Подобные меры получили поддержку в силу чрезвычайных обстоятельств, прежде всего сильнейшего голода в регионах европейской части СССР. В постановлении февральского (1947 г.) пленума ЦК партии говорилось о недопустимости определения плановых заданий без их организационного обеспечения и важности своевременного доведения показателей плана до колхозов (не позднее 1 января) [2, с. 100–101]. Одновременно три сельскохозяйственных ведомства были объединены в единое Министерство сельского хозяйства СССР, которое ведало делами колхозов и МТС. Для управления совхозным сектором создали Министерство совхозов СССР.

Однако на самом деле ситуация в сфере планирования производственной деятельности колхозов не изменилась. Плановые показатели, составившиеся многочисленными структурами Министерства сельского хозяйства СССР, по-прежнему спускались сверху с большими опозданиями, сохранялись значительные разрывы в сроках их направления исполнителям. Так, в 1948 г. колхозы Омской области, для которых различные ведомства составили 49 плановых заданий, годовой план развития полеводства получили только в конце января. Некоторые планы были доведены до хозяйств еще позже. Например, Тюкалинскому району задания по посадке садов в 1948 г. спустили лишь в конце сентября этого года. В то же время плановые показатели по развитию животноводства колхозы области получили еще в декабре 1947 г. Республиканским, краевым и областным властям разрешалось доводить до районов сверхплановые задания по производству и заготовкам сельхозпродукции, которые в большинстве случаев не были экономически и организационно обоснованы. Так, в августе и октябре 1948 г. Омский облисполком установил для колхозов Одесского района дополнительное задание по увеличению поголовья крупного рогатого скота, овец и лошадей. Оно составлялось без учета состояния кормовой базы хозяйств, поэтому выполнено не было². В Сибири практика увеличения плановых норм часто использовалась для наращивания объемов государственных поставок зерна. При этом местные власти не только повышали нормы изъятия хлеба, но и сокращали сроки проведения хлебозаготовок. Например, в 1948 г. для колхозов Сибири дата их окончания была перенесена с 1 декабря на 1 ноября [3, с. 18]. Плановые показатели стали еще более детальными. Так, в апреле 1947 г. в целях увеличения производства зерна и установления оптимального соотношения зерновых культур в посевах был восстановлен существовавший до 1939 г. порядок планирования, согласно которому до колхозов доводился план посева каждой зерновой культуры в отдельности [4, с. 194].

Восстановление сельхозпроизводства к началу 1950-х гг. позволило государству смягчить политику по отношению к колхозам. Предлагались проекты соответствующих преобразований. В конце 1949 г. члены

¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 169. Л. 39–40, 53–54, 71–81.

² Там же. Л. 72–74.

Совета по делам колхозов при правительстве СССР разработали меры по устранению бюрократического диктата в сфере сельскохозяйственного планирования. В соответствии с ними годовой план развития сельхозпроизводства должен был определяться самими хозяйствами. Бригады колхозников и работников МТС намечали его в срок с 1 по 15 июля, после чего он до 25 июля рассматривался руководством колхозов и МТС. С 25 июля по 1 августа плановые показатели утверждались районными властями, а с 1 по 20 августа – региональными и далее центральными органами управления. Одобренный правительством государственный план в обратном порядке в фиксированные сроки спускался вниз по инстанциям. Бригады МТС и колхозов должны были получить задания к 1 января следующего года. Повышение плановых норм без санкции правительства запрещалось. Преодоление разобщенности в планировании связывалось с созданием при региональных управлениях сельским хозяйством отделов сводного планирования. Вместо производственного плана и приходно-расходных смет колхозам следовало составлять единый производственно-финансовый план. В него предлагалось включить ряд новых показателей: доходы и расходы денежных средств, состояние неделимых фондов, объемы капиталовложений, строительство и капитальный ремонт, развитие подсобных отраслей, затраты трудодней на единицу произведенной продукции. Каждому хозяйству предстояло разработать перспективный пятилетний план развития производства, который становился исходным для составления текущих планов³.

Все эти предложения были отклонены. Вместо реальной экономической помощи и ограничения бюрократического диктата колхозы получили от государства новые директивы. Тяжелым бременем для них стало выполнение государственных планов развития электрификации села (1948–1950 гг.), общественного животноводства (1949–1951 гг.), а также рассчитанного на 1949–1965 гг. «Сталинского плана преобразования природы», предусматривавшего, в частности, повсеместное насаждение травопольной системы земледелия. Укрепить экономику колхозов должно было их укрупнение, но эта мера своей цели не достигла. Работа по слиянию хозяйств, в первую очередь предполагавшая избрание единого правления, отвлекала руководство от текущих хозяйственных дел. В связи с этим разработка производственного плана и приходно-расходных смет затягивалась и представляла собой простое суммирование показателей объединяемых сельхозартелей без внимания к преимуществам крупного хозяйства. Региональные власти, планируя колхозное производство, как правило, не учитывали увеличение размеров колхозов и, как и прежде, распределяли государственное задание по всем хозяйствам равномерно⁴.

После смерти И.В. Сталина курс государственной аграрной политики был скорректирован. Унаследовавшие высшую власть функционеры посчитали необхо-

димым использовать для подъема сельхозпроизводства экономические рычаги. В связи с этим в 1954–1955 гг. были упорядочены натуральные повинности колхозов и приняты меры, раскрепощавшие труд их работников. Большим подспорьем для развития экономики колхозов должно было стать повышение цен на их продукцию, улучшение условий и увеличение объемов кредитования, подключение к государственным энергосетям. Для сибирских колхозов важнейшим фактором быстрого роста доходов стало проводимое при существенной поддержке государства массовое освоение целинных и залежных земель.

Вновь был поставлен вопрос о необходимости усовершенствования системы планирования колхозного производства. Пути его решения были обозначены в партийно-правительственном постановлении от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» [5, с. 365–371]. В отличие от проекта реформы 1949 г., данный документ вносил в анализируемую сферу менее радикальные коррективы. Колхозы получили возможность совместно с МТС определять только размеры и структуру посевных площадей и поголовья скота, тогда как объемы производства и заготовок продукции, натуроплаты и тракторных работ МТС по-прежнему диктовались Центром. Производственные и заготовительные задания должны были доводиться до колхозов не позднее 1 сентября. На их основе хозяйства определяли площади посевов по культурам и количество скота по видам. Эти планы до 10 ноября утверждались районными, региональными и центральными властями. При их составлении колхозам следовало исходить из необходимости интенсивного использования сельхозугодий с учетом местной специфики. Особое внимание должно было уделяться разработке пятилетних перспективных планов.

По мнению О.М. Вербицкой, введение нового порядка планирования в колхозах позволяло стимулировать развитие их производительных сил, активизировать инициативу колхозников, преодолеть у руководителей хозяйств «комплекса исполнительства». Однако рассматриваемое постановление практически не выполнялось в связи с живучестью старых стереотипов в сознании руководителей всех рангов и конкретных исполнителей, о чем свидетельствует, например, отсутствие у них серьезных возражений против навязываемых сверху планов по существенному расширению посевов кукурузы [1, с. 32]. Как нам представляется, выход в свет постановления о новом порядке планирования способствовал снижению уровня управляемости сельхозпроизводства. Многие колхозные руководители стали обосновывать целесообразность сокращения посевных площадей и размеров стада. Власти не могли примириться с этими тенденциями. О том, как следует понимать смысл постановления, говорилось в докладе главы Томской области В.А. Москвина на пленуме Томского обкома партии 4 апреля 1955 г.:

Новый порядок планирования, прежде всего, направлен на то, чтобы увеличивать производство зерна, льна-долгунца, картофеля и продуктов животноводства <...> Надо здесь дать указания о том, что это важнейшее дело никак нельзя пускать на самотек. У нас уже имеются настроения у руководителей

³ Там же. Л. 39–41, 53–54.

⁴ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 615. Л. 269–271; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1974. Л. 252–260.

ряда колхозов Чаинского, Туганского и некоторых других районов сократить посевы картофеля, льна-долгунца, кукурузы <...> Речь идет не о том, чтобы свертывать посевные площади, <...> а о том, чтобы лучше использовать все земли, всю пашню, больше производить сельхозпродуктов...⁵.

Уже в конце марта 1955 г. были приняты меры по усилению контроля над колхозами. Началась кампания по отправке в них из городов для работы в качестве председателей 30 тыс. коммунистов-организаторов производства (движение «тридцатитысячников»), которые, сменив старых председателей-практиков, должны были управлять хозяйствами строго в соответствии с партийными указаниями. Продолжившееся укрупнение колхозов способствовало усилению власти их руководителей. В связи с этим возможности государства влиять на деятельность колхозов расширялись, а участие колхозников в управлении хозяйством сводилось до минимума. В колхозный сектор все активнее имплантировались элементы совхозной формы хозяйствования (крупный размер хозяйства и его подразделений, централизованное управление, гарантированная оплата труда и др.).

Осуществляя административные меры с целью стабилизации и повышения степени управляемости аграрного производства, руководство страны по-прежнему признавало значимость формирования экономической заинтересованности в деятельности колхозов. В связи с этим с конца 1955 г. рассматривалась возможность введения системы единых экономически обоснованных цен на колхозную продукцию, для чего предполагалось понизить ее себестоимость за счет улучшения условий оплаты труда колхозников, повышения уровня механизации и совершенствования организации производства. Решение этих задач связывалось с созданием между колхозами и МТС равноправных и взаимовыгодных отношений, предусматривавших расширение участия сельхозартелей в планировании объемов и порядка тракторных работ.

В 1955–1957 гг. во многих районах страны в качестве эксперимента часть механизаторов и машинного парка МТС временно передавали в ведение правлений колхозов, соединяя эти ресурсы с производственными подразделениями сельхозартелей. В 1956 г. в Алтайском крае с колхозными полеводческими и комплексными бригадами объединили 95 тракторных бригад МТС, в 1957 г. – 265. В Красноярском крае число таких подразделений в 1957 г. достигло 176. Данная практика позволила увеличить производительность труда. Например, в 1956 г. тракторно-полеводческой бригаде Машковцева колхоза им. Н.С. Хрущева Красноярского края удалось сэкономить более 12 тыс. трудодней [6, с. 278–279]⁶. С 1957 г. в МТС началось сокращение штатов механизаторов и управленческих работников, высвобождавшиеся кадры направлялись на постоянную работу в колхозный сектор, которому еще в 1955 г. передали агрономов и зоотехников МТС. В феврале 1958 г. высшее руководство посчитало необходимым провести реорганизацию МТС, включающую

постепенную и добровольную продажу техники станций колхозам. В июне этого года оно ввело единые закупочные цены на колхозную продукцию, привязанные к ее себестоимости.

Данные нововведения требовали совершенствования порядка планирования деятельности колхозов. 29 августа 1958 г. Н.С. Хрущеву была направлена записка председателя Экономической комиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР О.И. Иващенко, в которой ставился вопрос о введении в колхозах практики составления единого производственно-финансового плана и отчета с законченным балансом, определением себестоимости продукции и рентабельности производства. Бригады, фермы и подсобные предприятия колхозов должны были перейти на хозрасчет⁷. Однако самостоятельности сельхозартели так и не получили. По требованию Н.С. Хрущева, добившегося единоличной власти, продажа техники МТС колхозам была проведена в принудительном порядке и в кратчайшие сроки, что подорвало финансовую систему многих хозяйств, вновь превратив их в безнадёжных должников государства. На рубеже 1950–1960-х гг. колхозам и совхозам навязывались повышенные планы по производству сельхозпродукции, в первую очередь животноводческой, для осуществления поставленной Н.С. Хрущевым задачи – в ближайшие годы догнать США по производству мяса и молока на душу населения. Много сил и средств хозяйства потратили на внедрение навязанной сверху пропашной системы земледелия, не давшей ожидаемого результата.

Очевидное банкротство административно-командных методов управления заставило Н.С. Хрущева в 1963–1964 гг. вновь обратить внимание на проблемы экономики сельского хозяйства, что, однако, не спасло его от смещения со всех постов в октябре 1964 г.

Таким образом, в течение более чем двух десятилетий после коллективизации сельхозартели функционировали в рамках системы жесткого директивного планирования. Предпринятые в середине 1950-х гг. попытки расширить самостоятельность колхозов в целом оказали дестабилизирующее воздействие на сельхозпроизводство, в связи с чем ускорилось огосударствление колхозного сектора. Провозглашенный в конце 1950-х гг. курс на расширение экономической свободы колхозов не был доведен до конца, ставка вновь была сделана на меры административного характера, которые, однако, оказались малоуспешными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8.
3. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 3.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4.
6. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

⁵ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2173. Л. 26–27.

⁶ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 1677. Л. 49.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 209. Л. 1–2.

УДК 94(47).084.9/94(470)

А.П. МЕЛЕНТЬЕВА

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНЫХ ПРИУСАДЕБНЫХ ХОЗЯЙСТВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ. СЕРЕДИНА 1960-х – 1990-е гг.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agros@history.nsc.ru

В статье анализируется изменение состояния личных приусадебных хозяйств сельского населения Сибири в советский (середина 1960-х – 1980-е гг.) и постсоветский (1990-е гг.) периоды: государственная политика по отношению к ним, хозяйственные возможности ЛПХ, взаимодействие с общественным сектором аграрной экономики, вклад в продовольственный фонд региона.

Ключевые слова: личные приусадебные хозяйства, сельское население, Сибирь, сельскохозяйственное производство, колхозно-совхозная система, общественное хозяйство, аграрная реформа.

Присущая сельской семье хозяйственно-производственная функция связана не только с организацией домашнего быта, но и с ведением семейного подворья, обеспечивающего ей устойчивое функционирование, наиболее полное удовлетворение материальных и социальных потребностей. Для жителей деревни ценность семейных хозяйств заключается не только в возможности получения продуктов питания и некотором увеличении доходов, но и в воспитании трудовых навыков у подрастающего поколения и укреплении семейных связей.

На протяжении своего функционирования личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) неоднократно подвергались кардинальным трансформациям, которые обуславливались государственной политикой, демографической ситуацией на селе, возможностями семьи. Семейное подворье в социально-правовом статусе личного подсобного хозяйства окончательно сформировалось в процессе коллективизации сельского хозяйства, когда крестьянам было разрешено в свободное от работы в колхозе время силами своей семьи вести приусадебное хозяйство. Оно состояло из небольшого участка земли, не являвшегося их собственностью, надворных хозяйственных построек и мелкого инвентаря, определенного количества скота и птицы (размер и нормы которых регулировались Уставом сельхозартели). ЛПХ имело для колхозников далеко не подсобное значение: оно давало основную часть потребляемых ими продуктов питания и выступало источником формирования семейного бюджета за счет реализации выращенной сельхозпродукции. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед государством: сельскохозяйственный налог, займы, обязательные поставки и т.п. [1, с. 62–70, 136, 140–145, 151]. Минимизация налогообложения личных хозяйств в постсталинский период создала возможности для их быстрого развития [2, с. 72–74]. Однако, несмотря на наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции в личном секторе эконо-

мики, его роль как источника существования жителей деревни снижалась. В 1953 г. за счет личных хозяйств формировалось 43 % совокупных доходов семей колхозников Западной Сибири, а за счет колхоза – 40 %, в 1958 г. – соответственно 33 и 58 % [3, с. 290]. В итоге к концу 1950-х гг. личное хозяйство превращается в подсобное даже для членов колхозов.

К концу 1960-х гг. личное приусадебное хозяйство представляло собой урезанную модель крестьянского семейного дворохозяйства с сохранением основных его характеристик. Хозяйство велось личным трудом владельца и членов его семьи, совмещающих работу в общественном производстве с работой на своем подворье. Земельный участок по-прежнему не принадлежал владельцу ЛПХ, а входил в общее землепользование колхоза или совхоза; его размеры, как и поголовье животных, были лимитированы. В силу ограниченных на селе каналов поступления продуктов и относительно низкой оплаты труда ЛПХ не только обеспечивало сельских жителей необходимыми продуктами питания, но и за счет продажи излишков произведенной продукции вносило вклад в семейный бюджет. Особенность функционирования личных хозяйств заключалась в том, что они практически не могли существовать изолированно от колхозов и совхозов и были интегрированы в них, развиваясь преимущественно за счет их ресурсов: приусадебные земельные участки обрабатывались техникой общественных хозяйств, они же в основном обеспечивали личный скот кормами, выделяли пастбища и сенокосы, по заготовительным ценам продавали молодняк животных и качественные семена, предоставляли транспорт, осуществляли зооветеринарное обслуживание животных, содействовали реализации произведенной продукции.

В конце 1950-х гг. вектор государственной политики в отношении ЛПХ в очередной раз поменял свое направление. Партийное руководство приняло курс на строительство коммунизма, с которым личное хозяйство, по мнению его теоретиков, никак не соотносилось. Местные власти стали изымать у населения

«излишки» земли и скота. Это привело к уменьшению количества и размеров хозяйств. Снижение производства в ЛПХ усугубило продовольственный кризис, возникший в начале 1960-х гг. в связи с серией катастрофических неурожаев [4, с. 173–175].

Продовольственный кризис заставил государство изменить политику по отношению к ЛПХ. С середины 1960-х гг. кампаний по ограничению ЛПХ больше не проводилось. В постановлениях ЦК КПСС и Совмина СССР 1964 г., 1977 г., 1981 г., 1982 г. [5, с. 517; 6, с. 104–111; 7, с. 533–541; 8, с. 280] декларировалась необходимость поддержки личных подворий и ставилась задача увеличения в них производства сельхозпродукции. ЛПХ стали рассматриваться не только как источник самообеспечения и повышения доходов сельского населения, но и пополнения продовольственного фонда страны.

Подобные декларации сочетались с доктриной о преимущественном развитии при социализме крупного общественного хозяйства и отмирании мелкого, в том числе и ЛПХ как реликта частной собственности. Личные хозяйства считались препятствием развитию колхозно-совхозного производства, отвлекающим трудоспособное население от работы в нем и способствующим извлечению «нетрудовых доходов» [9, с. 289]. Принимаемые в это время решения (политика совхозизации, вовлечение женщин в колхозно-совхозное производство, введение в колхозах гарантированной денежной оплаты труда и общее ее повышение, ликвидация неперспективных деревень) прежде всего были ориентированы на развитие общественного сектора экономики и вели к снижению численности и масштабов ЛПХ, ослабляли их роль как источника дополнительных доходов семьи, разрушали сельский внутрисемейный уклад.

В период со второй половины 1960-х гг. по 1980-е гг. личный сектор экономики развивался неравномерно. Подъем был отмечен в 1965–1967/68 гг. Данные по Новосибирской области показывают, что по сравнению с началом 1960-х гг. темпы снижения численности крестьянских дворов замедлились, площадь приусадебных земельных участков увеличилась на 5,2 %, поголовье КРС – на 12,5, коров – на 0,4, свиней – на 30,3 % [10, с. 80]. Однако уже с конца 1960-х гг. в личном секторе экономики начался спад, вызванный нарастанием в сельскохозяйственном производстве застойных явлений, перешедших в кризис 1981 и 1982 гг.

Поскольку деятельность ЛПХ осуществлялась исключительно в рамках колхозно-совхозного производства и в конечном счете полностью зависела от его состояния, то неблагоприятные тенденции в развитии общественного хозяйства негативно сказывались на функционировании крестьянских подворий. Постепенно стали сокращаться их размеры, существенно снижалось и производство сельхозпродукции. В Восточной Сибири среднегодовые объемы производства в индивидуальном секторе сельской экономики за 1976–1979 гг. по сравнению с 1966–1970 гг. уменьшились по мясу на 5 %, молоку – на 12, яйцам – на 26, картофелю – на 23 %. В Западной Сибири, как показывает статистика, в

Таблица 1

Основные источники доходов сельского населения Сибири, % *

Годы	Все население		Колхозники	
	Зарплата	Доходы от ЛПХ	Оплата по труду	Доходы от ЛПХ
<i>Западная Сибирь</i>				
1962	–	–	49,1	42,0
1975	81,2	10,4	69,4	21,0
1981	81,7	10,1	72,6	18,0
1985	80,4	11,6	72,0	17,9
1989	79,5	10,6	70,1	19,2
<i>Восточная Сибирь</i>				
1962	–	–	47,1	44,3
1975	81,3	9,2	70,2	19,9
1981	83,6	8,3	72,9	17,1
1985	80,7	8,7	70,2	18,0
1989	79,6	9,1	70,1	16,8

* Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 249–250; Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников: Стат. сб. М., 1989. Ч. II. С. 91, 92, 95.

Кемеровской и Новосибирской областях среднегодовое производство мяса упало соответственно на 6,7 и 1,2 %, яиц – на 8,6 и 33,3 %, картофеля – на 5,6 и 11,2 %¹.

Происходило и снижение роли ЛПХ как источника доходов сельских семей, на что существенно повлияло введение в колхозах с 1966 г. гарантированной денежной оплаты труда [11, с. 40]. Ее постоянный рост снижал роль ЛПХ в пополнении семейного дохода. Основную долю в нем уже составляла оплата труда за работу в колхозах и совхозах (табл. 1). Материальная ориентация трудоспособного сельского населения на общественное производство проявилась в возрастании занятости в нем и ее сокращении на личных подворьях. Последние или уменьшались в размерах, или окончательно сворачивали свою деятельность. К 1980 г. в селах Западной Сибири средний размер приусадебного участка в личных хозяйствах составлял 70 % от уровня 1967 г., поголовье КРС – 72, коров – 69, птицы – 70 %. В 1981 г. на своем подворье не имели никакого скота 14,4 % семей колхозников и 22 % семей рабочих и служащих, тогда как в 1966 г. – соответственно 5,7 и 12,9 %². Значимость личных подворий в жизнедеятельности сельских жителей продолжала снижаться.

В середине 1980-х гг. положение в сельском хозяйстве несколько улучшилось, и возможности общественного сектора в помощи семейным хозяйствам увеличились. Помимо перечисленных ее видов колхозы и совхозы стали практиковать выдачу ссуд владельцам

¹ Развитие АПК РСФСР: Стат. сб. М., 1989. С. 130–133, 215–233; Кемеровская область в цифрах: Стат. сб. Кемерово, 1987. С. 50; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 1871. Л. 3; Д. 3682. Л. 87; Д. 8685. Л. 130, 139.

² ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 1408. Л. 54; Д. 2706. Л. 45.

личных подворий на хозяйственное строительство и покупку скота, улучшили условия продажи кормов и выделения сенокосов. Укреплялось и взаимодействие личных и общественных хозяйств. Стимулировала развитие ЛПХ и такая форма организации производства, как выращивание на личных подворьях скота и птицы на основе договоров с колхозами и совхозами. В работе по договорам были заинтересованы обе стороны. Выращенный в ЛПХ по договорам скот и закупленная у населения общественными хозяйствами сельхозпродукция (картофель, овощи, молоко, мясо) засчитывались колхозам/совхозам в объемы производства и в выполнение государственного плана сдачи сельхозпродукции. В свою очередь владельцам личных хозяйств со стороны сельхозпредприятий гарантировалась поддержка в их ведении, а также определенные льготы. Все более распространенным становилось в эти годы получение ресурсов для ведения ЛПХ путем хищения из общественных хозяйств кормов и горюче-смазочных материалов, а также несанкционированное использование техники. В 1988 г. в личных хозяйствах производилась почти четверть всей валовой продукции сельского хозяйства, в том числе 59 % картофеля, 31 % овощей, 28 % мяса, 27 % молока и 26 % яиц [12, с. 185].

Тем не менее в полной мере преодолеть негативные тенденции в развитии личного сектора экономики не удалось. Проведенное в 1988 г. обследование хозяйств колхозников в Алтайском крае, Читинской, Иркутской областях и в Бурятии зафиксировало отсутствие в крестьянских подворьях тех или иных видов скота, посадочного материала, истощение земельных угодий, хронический недостаток кормов и т.д. Такая ситуация наблюдалась практически во всех регионах Сибири. Если участок под картофель и овощи сохраняла за собой практически каждая семья (98 % семей колхозников и 79 % семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности), то не имели крупного рогатого скота более 40 % семей, свиней – 38, овец и коз – 76 и птицы – 23 %³. К концу 1980-х гг. существенно снизилась и доля занятых в личном секторе экономики: в Западной Сибири с 12,3 % в 1959 г. до 1,3 % в 1989 г., в Восточной – с 9,7 до 1,1 % соответственно⁴.

Противоречивое отношение властей к ЛПХ населения, происходившие в деревне многочисленные социально-экономические перемены, в т.ч. огосударствление сельской экономики и рост уровня занятости в общественных хозяйствах, снижение доли сельских жителей, непосредственно занятых аграрным трудом, старение сельского населения и смена поколений способствовали сужению сферы личного сектора сельского хозяйства. В то же время сохранение подсобного хозяйства было объективно необходимо и экономически оправдано, поскольку общественное

сельскохозяйственное производство еще не в полной мере обеспечивало требуемый объем производства сельскохозяйственной продукции.

В новой редакции программы КПСС, принятой в 1986 г. на XXVII съезде КПСС, было зафиксировано следующее положение: «Решающий вклад в обеспечение потребностей страны в сельскохозяйственной продукции призваны внести колхозы и совхозы, агропромышленные объединения и предприятия, составляющие основу социалистического сельского хозяйства. Вместе с тем для пополнения продовольственных ресурсов будут использованы подсобные хозяйства предприятий и граждан, коллективное садоводство и огородничество» [13, с. 116]. Импульс важным изменениям в личном секторе экономики был дан постановлениями сентябрьского 1987 г.⁵ и мартовского 1989 г. пленумов ЦК КПСС [14, с. 72], принявших решение о радикальной перестройке аграрного производства на основе многообразия форм собственности и создания для хозяйствующих субъектов равных экономических условий.

В 1990-е гг. в процессе реформирования аграрных отношений, происходящего в рамках общего радикального изменения экономической системы и направленного на установление частной собственности на землю и средства производства, создание многоукладной экономики и развитие мелкотоварного производства, была разрушена прежняя, устоявшаяся система жизнедеятельности и труда сельского населения, связанная с колхозно-совхозным производством. Диверсификация форм собственности и производства сопровождалась появлением многообразия хозяйствующих субъектов, среди которых на селе выделились как основные производители сельхозпродукции крупные сельхозпредприятия и организации, крестьянские (фермерские) (КФХ) и личные приусадебные хозяйства. Создание фермерских хозяйств было под силу не всем селянам – законодательная база только формировалась, и на их пути возникало много препятствий.

Только что образованные на базе бывших колхозов и совхозов акционерные общества развивались в условиях экономической нестабильности, вызванной ослаблением государственной поддержки, сокращением финансирования, разрушением экономических связей, ценовым диспаритетом, истощением производственного потенциала, что влекло за собой обвальное падение производства в них и как следствие – безработицу и обнищание населения. За 1990-е гг. объем производимой сельхозпродукции снизился в Западной Сибири на 28 %, в Восточной – на 28,6 % (в целом по России – на 41,7 %). Уменьшалась и зарплата занятых в аграрном секторе экономики: в 2000 г. по отношению к среднероссийской она составляла 37,7 %, тогда как в 1990 г. – 95 %, причем ее выплата была нерегулярной и зачастую носила натуральный характер. Постоянным явлением на селе стала безработица, уровень которой в Сибири к концу 1990-х гг. превышал среднероссийские показатели и равнялся в 1998 г. 15,2 % (РФ – 13,2 %), в 1999 г. – 14,9 (РФ – 13,0), в 2000 г. – 12,6 % (РФ –

³ Личное подсобное хозяйство населения в 1988 году: Стат. сб. М., 1989. С. 3–5.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 174, 175; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР. (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. С. 61, 62.

⁵ Правда. 1987. 25 сент.

10,5 %)⁶. Массовой становилась бедность. По данным за 1996 г., в Алтайском крае половина населения, а в Республике Алтай 64 % имели среднемесячные доходы ниже прожиточного минимума [15, с. 449].

В этих условиях сельские жители оказались в ситуации поиска форм выживания, использовали все доступные возможности: отходничество, охоту и рыбную ловлю, сбор грибов и ягод, наем к фермерам и другим работодателям и др. Подавляющая масса селян стала переключаться на традиционный в деревне вид трудовой деятельности – производство сельскохозяйственной продукции в личных приусадебных хозяйствах. Если в дореформенный период трудовая деятельность на личных подворьях выступала продолжением работы в общественном хозяйстве в виде вторичной занятости, то в 1990-е гг. для большинства сельских жителей она вынужденно превратилась в основную сферу деятельности, где наряду с пенсионерами и домохозяйками трудились высвобожденные из сельхозпредприятий работники. Ведение собственного хозяйства стало восприниматься сельскими жителями как оптимальный способ обеспечения занятости и выживания.

Длительная история существования ЛПХ показала, что они оказались наиболее устойчивой организационно-правовой формой производства сельхозпродукции с опытом индивидуального хозяйствования, ориентированного не на продажу, а на удовлетворение личных потребностей. Но в 1990-е гг. условия их ведения изменились. В результате отмены государственной монополии на землю и ее приватизации владельцы личных подворий стали собственниками своих приусадебных земельных участков и выделенных им при реорганизации колхозов и совхозов земельных долей, за счет которых можно было расширять свои земельные угодья⁷. С личных хозяйств были сняты административные ограничения, связанные с размером земли и нормами содержания скота. Как и другие хозяйствующие субъекты, они стали равноправными производителями сельхозпродукции.

Земельные преобразования привели к увеличению общей земельной площади хозяйств населения региона в 1,5 раза, в том числе в Западной Сибири – в 2 раза, в Восточной – в 1,4 раза. Доля земель ЛПХ хотя и выросла, но среди основных землепользователей была невелика и составляла к концу 1990-х гг. в Западной Сибири 5,1 %, в Восточной – 7,8 % (сельхозпредприятий – соответственно 78,4 и 80,0 %, КФХ – 7,4 и 4 %)⁸. Тем не менее, располагая небольшой долей всех сельхозугодий, личные хозяйства в регионе являлись основными производителями картофеля и овощей. За десятилетие посевные площади под этими культурами увеличились соответственно почти в 2 и в 3 раза, а их производство – в 1,5 и в 2,4 раза. К концу 1990-х гг. в

личном секторе собирали более 96 % картофеля и от 70 до 80 % овощей от общего объема в хозяйствах всех категорий⁹.

Снятие ограничений на количество животных в личных хозяйствах позволило увеличить их численность и нарастить объемы животноводческой продукции. К концу 1990-х гг. в регионе на подворьях населения содержалось половина коров, овец и коз, две трети свиней и около 46 % КРС от общего поголовья. Несмотря на трудоемкость отрасли, практически полное отсутствие механизации труда и сложности в обеспечении кормами, в личных подворьях производство продукции животноводства увеличивалось: мяса с 31 % в 1991 г. до 63,9 % в 1999 г., молока – соответственно с 25,4 до 54,8, яиц – с 14,0 до 25,6 %¹⁰.

Статистика производства основных сельскохозяйственных продуктов в хозяйствах населения отражает неравномерность этого процесса в регионе: в начале периода – рост, в последующие годы подъем чередовался со спадом, что обуславливалось экономическим состоянием сельхозпредприятий, от поддержки которых, как и прежде, они полностью зависели. Успешность личных хозяйств объяснялась тесным взаимодействием с сельскохозяйственными предприятиями, которое в 1990-е гг. претерпело изменения. В первые годы реформ оно сохранялось практически в том же виде, в каком осуществлялось и в советское время: личные подворья безвозмездно использовали ресурсы бывших колхозов и совхозов, существовавших уже в новых организационно-правовых формах; распространено было и хищение, особенно кормов.

Со второй половины 1990-х гг. в ходе постепенного развития рыночных отношений, когда ресурсная база сельхозпредприятий и организаций стала истощаться и не восполнялась, а многие из них являлись убыточными, возможности оказания помощи ЛПХ снизились, и объемы предоставляемых услуг уменьшились. В этой ситуации владельцы хозяйств шли на сокращение поголовья скота, посевов и объемов производства, а некоторые сворачивали свое подворье. В то же время поддержка приусадебных хозяйств сельхозпредприятиями стала приобретать характер, продиктованный рыночными отношениями. Сельхозпредприятия стали оказывать помощь личным хозяйствам только своих работников на основе договоров аренды земельных долей, согласно которым часть арендной платы за землю заменялась транспортными, зооветеринарными и другими услугами; снабжение кормами для животных производилось уже не бесплатно, а по льготным ценам; вводилась система кредитов. Опыт хозяйствования как сельхозпредприятий, так и личных хозяйств показал, что «при “перекачке” в личный сектор менее 20 % общественных ресурсов (из крупхозов) хозяйства населения не выживают, а более 30 % – разрушаются коллективные сельхозпредприятия и организации» [16, с. 59].

⁶ Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 2003. С. 52, 376.

⁷ См.: Сборник законодательных актов по аграрной реформе в РСФСР. М., 1991. С. 3; Аграрное законодательство Российской Федерации: Сборник нормативных правовых актов и документов. М., 1999. С. 23, 66.

⁸ Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России: Стат. сб. М., 2000. С. 53–55.

⁹ Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России: Стат. сб. М., 2003. С. 71, 80, 87.

¹⁰ Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения... С. 120, 129, 138.

Несмотря на то, что основная масса сельского населения (около 90 %) вела ЛПХ, развивать его удавалось не всем. В силу определенных причин одни не смогли или не захотели расширять его, другие были вынуждены сократить размеры, а некоторые отказались от него совсем. По данным опроса сельского населения Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай, за 1992–2002 гг. смогли расширить свое хозяйство и нарастить производство 42 % всех опрошенных семей, почти каждая пятая наименее обеспеченная семья была вынуждена сократить его размер, 13 % семейств этой группы совсем отказались от его ведения; в группе среднеобеспеченных семей сократили свое хозяйство только 8 %, а отказались от него – всего 4 % [17, с. 362]. Большинство сельских жителей (60 %) указывали на вынужденный характер ведения ЛПХ, при этом отмечая, что если бы была возможность выбора, то лишь 7 % согласились бы заниматься только личным хозяйством [18, с. 260].

Обследование сельских семей также показало, что ЛПХ были неоднородными, различались территориальной расположенностью, размерами земли и поголовьем животных, объемами и характером производства, а также обеспеченностью трудовыми ресурсами. Доля хозяйств, объемы производства в которых превышали собственные потребности семей и позволяли реализовать излишки, в 1990-е гг. в регионе была невелика, но имела тенденцию к росту. В Сибири приусадебные хозяйства в основном являлись потребительскими и служили источником продовольственного обеспечения сельских семей и способом их выживания. Наряду с этим их доля в общем объеме производимой сельхозпродукции увеличивалась, составив к концу 1990-х гг. в Западной Сибири 53,6 %, в Восточной – 69,2 % (табл. 2). Однако этот рост был достигнут не только за счет увеличения объема производства в личных хозяйствах, но и в результате общего спада сельскохозяйственного производства в целом и

опережающего его снижения в крупных хозяйствах. Крестьянские подворья фактически превратились в ведущих производителей основных сельскохозяйственных продуктов. Впервые в послевоенный период они стали давать более половины всей сельхозпродукции. Жизнедеятельность многих сел постепенно стала зависеть не только от крупных сельхозпредприятий, но и от состояния личных хозяйств.

В связи с этим в научной литературе стал подниматься вопрос о неправомерности определения хозяйств населения как подсобных. С точки зрения В.В. Пациорковского, понятие «личное подсобное хозяйство» уже не отвечало сущности явления, так как оно выступало главным источником доходов для сельских жителей и основным производителем сельскохозяйственной продукции. Он допускает применимость к ЛПХ понятия «крестьянское хозяйство», но в то же время подчеркивает, что оно не может применяться столь категорично, как 80 лет назад [19, с. 363]. П.П. Великий и М.Ю. Морехина указывают на некорректность применения в отношении хозяйств сельского населения в официальных документах и общественной риторике «по-прежнему названия “личные подсобные”, они должны быть названы “крестьянские семейные хозяйства”, <...> так как стали основной формой самозанятости и выживания на селе. В то же время – это пространство для освоения рыночного хозяйствования. В них происходит накопление адаптационных ресурсов к нынешним и будущим переменам <...>, занято (и больше нигде не работают) свыше 50 % сельского населения и производится 51,5 % продукции» [16, с. 59–60].

Таким образом, в середине 1960-х – 1980-е гг. личное приусадебное хозяйство представляло собой семейное производство на основе ручного труда преимущественно для самообеспечения семьи. В советское время главная причина его ведения заключалась в потребности сельских семей в продуктах питания, а денежный доход крестьяне получали в основном от работы в колхозах и совхозах. В постсоветский период в условиях реформирования аграрных отношений ЛПХ становятся для сельских жителей фактором выживания и ведущим производителем сельхозпродукции в масштабах как региона, так и страны. Значение их как источника получения доходов сельской семьи повышается. Интенсивное развитие личных подворий стало вынужденным вследствие развала коллективных предприятий, спада производства, снижения доходов, в том числе зарплаты, и появления безработных и бедных. В сельскохозяйственном производстве стал доминировать мелкотоварный сектор, представленный в основном ЛПХ, а не фермерскими хозяйствами, как мыслили реформаторы.

Однако расширение личных хозяйств не следует рассматривать как позитивный процесс, ибо это свидетельствовало о возврате к натурализации сельскохозяйственного производства, снижении технического и технологического уровня развития аграрного сектора экономики и его архаизации. Известный историк-аграрник В.П. Данилов отметил: «Нет ничего хорошего для развития общества в том, что каждый его член должен выращивать для себя и своей семьи картофель,

Таблица 2
Удельный вес хозяйств населения в общем объеме производства продукции сельского хозяйства в 1990-е гг. (в фактически действовавших ценах), %*

Годы	Российская Федерация	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1991	31,2	29,1	32,4
1992	32,9	32,7	39,6
1993	39,9	37,9	48,6
1994	43,8	45,7	54,2
1995	47,9	43,5	56,4
1996	49,1	48,3	59,2
1997	51,1	51,0	62,6
1998	59,2	56,4	66,5
1999	57,2	53,6	69,2

* Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2000. С. 366.

Примечание: За 1991 и 1992 гг. данные по хозяйствам населения учтены вместе с показателями по крестьянским (фермерским) хозяйствам.

овощи... Это своеобразное “окрестьянивание” является откатыванием общества назад» [20, с. 28–29].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
2. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001.
3. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II.
4. *Андреенков С.Н.* Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1987. Т. 14.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1972. Т. 9.
10. *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П.* Сельская семья Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: изменение численности и хозяйственных возможностей // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2.
11. *Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А.* Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.
12. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1989. Т. 15.
14. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 15–16 марта 1989 года. М., 1989.
15. *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, 2000.
16. *Великий П.П., Морехина М.Ю.* Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12.
17. *Фадеева О.П.* Западносибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. 2004. № 1.
18. *Калугина З.И.* Институциональные ловушки аграрных преобразований в России // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки. 2005. М., 2006. Вып. 5.
19. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001. М., 2003.
20. *Данилов В.П.* Судьба сельского хозяйства (1861–2001 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ученые записки 2005. М., 2006. Вып. 5.

УДК 94(571)“1989/2002”

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ В 1989–2002 гг.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Odon@bk.ru

В статье рассмотрены миграционные процессы в Сибири в условиях системных социально-экономических и политических преобразований последнего десятилетия XX в., проанализированы их количественные и качественные характеристики, показаны изменения в направлениях переселенческих потоков в постсоветский период, изучена региональная специфика перемещений населения, масштабы иностранной миграции.

Ключевые слова: население, миграции, численность, экономические реформы.

Распад СССР, ликвидация командно-административной системы и рыночные реформы оказали большое влияние на демографическое развитие России, численность, половозрастную и социальную структуру ее населения. Снижение темпов или полное прекращение строительства многих хозяйственных объектов, рост межрегиональной дифференциации в уровне доходов граждан изменили направления и интенсивность миграционных потоков, которые стали заметно отличаться от тех, которые имели место в советский период. Если в последние несколько десятилетий существования СССР основными при смене места жительства являлись экономические причины, то в 1990-е гг. к ним добавились новые. Заметное ухудшение общественно-политической обстановки в большинстве постсоветских

государственных образований подтолкнуло эмиграцию населения. Военные действия, развернувшиеся на территории отдельных республик, ускорили процесс переселения жителей из нестабильных регионов.

За Уралом динамика численности населения, как известно, напрямую зависела от государственной политики экономического освоения, проводимой первоначально царской Россией, а в последующем и Советским Союзом. Поэтому свертывание практически всех программ хозяйственного освоения сибирских территорий в 1990-е гг. сразу же сказалось на функционировании созданных здесь многочисленных промышленных центров. Качественно новые характеристики приобрели и миграционные процессы.

Таблица 1

Сальдо миграции населения Сибири в 1989–2002 и 1975–1988 гг., тыс. чел. *

Год	Сибирь в целом	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Год	Сибирь в целом	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1989	-77,6 (-24,4)	-49,2 (2,8)	-28,4 (-27,2)	1975	+13,8	+24,1	-10,3
1990	-69,4	-13,2	-56,2	1976	+63,8	+43,1	+20,7
1991	-97,2	-40,6	-56,6	1977	+14,4	+17,6	-3,3
1992	-74,5	-13,7	-60,7	1978	+38,4	+33,4	+3,0
1993	-25,1	+19,3	-44,5	1979	+26,5	+23,3	+5,2
1994	+75,3	+103,4	-28,1	1980	+22,9	+36,4	-13,5
1995	+18,2	+40,9	-22,7	1981	+104,7	+90,1	+14,6
1996	-10,0	+21,3	-31,3	1982	+111,1	+109,7	+1,4
1997	+11,7	+55,1	-43,4	1983	+109,6	+111,4	-1,9
1998	-15,8	+25,4	-41,2	1984	+119,6	+106,3	+13,3
1999	-54,2	-12,5	-41,7	1985	+114,8	+99,3	+15,5
2000	-18,8	+13,1	-31,8	1986	+124,0	+117,2	+6,8
2001	-46,4	-8,7	-37,7	1987	+65,1	+62,7	+2,4
2002	-39,3	-6,0	-33,2	1988	+57,5	+58,6	-1,1
Итого	-369,9	+186,6	-556,3	Итого	+986,2	+933,2	+52,8

* Подсчитано по: Численность, состав и движение населения РСФСР. М., 1990. С. 10–11, 87; Естественное движение населения РСФСР в 1988 году: Стат. бюл. М., 1989. С. 5; Естественное движение населения в РСФСР в 1987 году. М., 1988. С. 14, 32; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1986. С. 66, 76; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1980 году. М., 1981. С. 29, 31; Численность, естественное движение населения и миграция населения РСФСР в 1979 г.: Стат. сб. М., 1980. С. 6, 8, 37, 49; Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг. (Пересчеты от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.): Стат. бюл. М., 2006. С. 8–9.

Согласно материалам Всероссийской переписи 2002 г., население Сибири сократилось на 3,5 % (с 24,2 до 23,3 млн чел.), больше чем по России в целом (–1,3 %). Неблагоприятное демографическое положение стало результатом взаимодействия тенденций, сложившихся в естественном приросте и миграции. Причем за счет переселений Сибирь потеряла в межпереписной период (1989–2002 гг.) 370,0 тыс. чел., тогда как в предшествующие годы благодаря интенсивному социально-экономическому развитию здесь сложилось положительное соотношение миграционного обмена с другими районами. Только за 1975–1988 гг. за счет демографической подпитки извне численность ее населения увеличилась почти на 1,0 млн чел. (табл. 1)

В 1990-е гг. в результате кризиса социалистической системы хозяйствования и свертывания большинства государственных экономических программ привлекательность территорий, располагающихся за Уралом, резко уменьшилась. Эти обстоятельства наряду с другими выталкивающими факторами (менее развитая социальная сфера и суровые климатические условия) стимулировали перемещение части населения в более благополучные, преимущественно, европейские регионы страны, а также за границу.

Изучаемый период можно условно разделить на три этапа. Первый из них, охватывающий 1989–1993 гг., в свою очередь включает несколько подэтапов; его можно обозначить как начало демографического кризиса. К концу 1980-х гг. начинает снижаться переселенческая активность граждан страны, что, по

всей видимости, связано с неясностью ее дальнейших экономических и политических перспектив в условиях реформ. Расчетные данные показывают, что сальдо миграции РСФСР уменьшилось с 260,0 тыс. чел. в 1987 г. до 63,4 тыс. чел. в 1989 г. В Сибири впервые за долгие годы была зафиксирована миграционная убыль (–24,4 тыс. чел.). Особенно сильно снизился приток населения в Западную Сибирь: с 62,7 тыс. чел. в 1987 г. до 2,8 тыс. чел. в 1989 г., а из восточных регионов начался его отток (2,4 тыс. чел. в 1987 г. и –27,2 тыс. чел. в 1989 г.)¹.

В 1990–1991 гг. экономический кризис продолжал углубляться. Объем валового национального продукта только по официальным данным сократился в 1990 г. на 3,0 % по сравнению с предыдущим годом, в 1991 г. – еще на 5,0 %. Значительно ускорились процессы политической дезинтеграции Советского Союза и хозяйственного обособления регионов. Ухудшилось материальное и финансовое положение трудящихся, повысился уровень социального расслоения общества, возросла преступность. Отрицательное сальдо миграции Сибири увеличилось с 24,4 до 97,2 тыс. чел. В это время регион стали покидать наиболее подвижные группы населения, предположительно трудовые мигранты, которые находились здесь сравнительно недолго [1, с. 101].

¹ Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 10, 120–121; Естественное движение населения РСФСР в 1988 г.: Стат. бюл. М., 1989. С. 5.

Распад СССР и рыночные реформы в России, стартовавшие 2 января 1992 г. с введением свободных рыночных цен на многие категории товаров и услуг, приватизация собственности привели к крупномасштабному кризису, охватившему практически всю экономику страны. К прежним причинам, вызывающим миграцию населения, добавились новые. Дезинтеграция Союза ССР привела к возвратному движению этнических меньшинств в «свои» республики. Одновременно с этим резко возросли масштабы перемещений в Российскую Федерацию главным образом русскоязычного населения. Причинами тому служили сравнительно более благополучное социально-экономическое положение России и обострение межнациональных отношений. Отрицательное сальдо миграции сибирских территорий с 1992 г. начинает быстро уменьшаться, а в 1994 г. вообще становится положительным. При этом основной поток переселенцев из ближнего зарубежья направился в Западную Сибирь. В Восточной Сибири баланс прибывшего и выбывшего населения оставался отрицательным на всем протяжении 1990-х гг.

Период 1995–1998 гг. можно с некоторой долей условности назвать этапом демографической стабилизации. Дело в том, что в эти годы снижаются темпы хозяйственного спада, в основном завершаются мероприятия так называемой шоковой терапии. Несмотря на продолжающееся снижение валового национального продукта, реальных доходов граждан и рост безработицы, население начинает постепенно адаптироваться к условиям переходной экономики². После 1994 г. продолжился процесс возвратного переселения преимущественно русскоязычного населения в Российскую Федерацию из сопредельных государств, одновременно с этим объемы обратных перемещений резко сократились. По-прежнему сохранялись различия в миграционных процессах между Западной и Восточной Сибирью. Дело в том, что западные административные образования оказались в более выгодном положении. Во-первых, отток сюда населения из восточных регионов позволил им компенсировать часть демографических потерь, особенно тем из них, кто располагался вблизи Транссиба. Во-вторых, в Западной Сибири в силу географической близости осело намного больше мигрантов из бывших союзных республик, особенно Казахстана и Средней Азии.

С 1999 г. начался очередной этап демографического развития Сибири. Улучшилось материальное и финансовое положение граждан, увеличились государственные расходы на социальную сферу, в частности, на здравоохранение, снизился уровень преступности. Однако экономический подъем в стране слабо отразился на балансе миграционного обмена сибирских регионов. Наоборот, в конце 1990-х гг. уменьшились размеры переселений с Дальнего Востока и постсоветских государств. Основная часть потенциальных мигрантов уже покинула пределы бывших советских республик, а в социально-экономическом положении последних также начались позитивные перемены. К тому же усложнилась процедура получения россий-

ского гражданства, ужесточился государственный контроль над переселенческими процессами. В итоге сальдо миграции Сибири становится устойчиво отрицательным.

Как говорилось выше, отличительной чертой миграции, особенно заметной в первой половине 1990-х гг., был ее этнический «возвратный» характер, когда представители различных народностей стали перемещаться в «свои» республики. За 1989–2002 гг. в Сибири возрос удельный вес русских с 84,4% до 85,2%, что являлось результатом интенсивной эмиграции отдельных национальностей за пределы Российской Федерации и активного переселения русскоязычного населения из других постсоветских республик. В то же время заметно уменьшилась численность евреев (-51,9 %), немцев (-30,4 %), украинцев (-32,3 %), белорусов (-37,0 %), латышей (-37,4 %), литовцев (-38,3 %) и эстонцев (-30,6 %). Сравнительно благоприятные социально-экономические условия, сложившиеся в их титульных государствах, за исключением Украины, стимулировали переселение представителей этих национальностей из Сибири.

В начале рассматриваемого периода государственные органы Германии и Израиля упростили въезд «своих» мигрантов из бывшего СССР, а Украина, Беларусь и государства Прибалтики этому практически не препятствовали. Следует также отметить, что в 1990-е гг. широкое распространение получила практика перемены национальной принадлежности, что, несомненно, отразилось на статистических показателях, характеризующих отдельные народности, прежде всего, украинцев и белорусов. Увеличилась численность и представителей тех этносов, которые пострадали от военных конфликтов. Например, количество азербайджанцев в Сибири возросло на 95,6 %, армян – на 181,3 %, таджиков – в 3,5 раза. Рост интенсивности трудовых миграций из Средней Азии с конца 1990-х гг. отразился, прежде всего, на численности киргизов (+41,5 %). В то же время узбеков и туркмен стало меньше, соответственно, на 10,7 и 46,4 %, что произошло из-за возвратных переселений, особенно активных в первые годы рыночных реформ. Численность казахов и грузин сохранилась практически на прежнем уровне (+1,7 и -2,5 %)³.

В межпереписной период в общей численности прибывших в Западную Сибирь существенно возросла доля восточных регионов за счет снижения удельного веса западных регионов (табл. 2). Дальний Восток и Восточная Сибирь оказались в еще менее благоприятном положении, так как по своим природно-климатическим условиям и степени развития социальной сферы они уступали не только европейским регионам России, но и Западной Сибири. Кроме того, перед началом рыночных реформ их сырьевые ресурсы в основном только начинали разрабатываться, а ведь от них зависели прежде всего перспективы дальнейшего

² Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2001. С. 171.

³ Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 8–9; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 18–23; Д. 215. Л. 18–23; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93; Д. 224. Л. 71–76; Д. 225. Л. 1–6; Д. 228. Л. 71–75; Д. 213. Л. 19–24; Д. 205. Л. 1–6; Д. 231. Л. 102–105; Д. 227. Л. 1–6.

Таблица 2

Удельный вес экономических районов в миграционном обмене с Сибирью*

Показатель	Северо-Западный район	Центральный район	Волго-Вятский район	Центрально-Черноземный район	Поволжский район	Северо-Кавказский район	Уральский район	Восточно-Сибирский район	Дальневосточный район	Калининградская обл.	Всего
<i>Западная Сибирь</i>											
1979 г.											
Прибывшие	5,2	8,4	4,5	2,5	17,4	10,7	19,3	17,4	13,7	0,5	100,0
Выбывшие	5,9	10,6	3,6	2,8	13,3	13,2	16,9	18,4	14,4	0,4	100,0
1983 г.											
Прибывшие	5,0	8,5	4,2	2,4	13,2	12,2	28,3	14,9	10,6	0,4	100,0
Выбывшие	6,2	11,1	3,5	2,8	11,1	11,9	21,8	17,6	12,8	0,5	100,0
1989–2002 гг.											
Прибывшие	4,3	6,9	4,0	1,8	8,5	13,0	26,6	17,5	17,0	0,4	100,0
Выбывшие	6,1	16,7	4,2	4,6	12,6	16,2	22,5	10,7	5,3	1,1	100,0
<i>Восточная Сибирь</i>											
1979 г.											
Прибывшие	5,8	9,4	4,4	3,4	10,1	8,9	11,6	24,9**	21,1	0,5	100,0
Выбывшие	6,4	12,2	4,0	3,3	9,8	10,0	10,1	23,6	20,1	0,5	100,0
1983 г.											
Прибывшие	5,8	9,9	4,0	3,5	8,1	10,4	14,3	24,3	19,1	0,6	100,0
Выбывшие	6,5	12,3	3,6	3,4	7,3	9,9	11,7	23,8	21,0	0,5	100,0
1989–2002 гг.											
Прибывшие	5,1	8,6	3,1	3,0	5,5	8,8	9,6	22,9	33,0	0,5	100,0
Выбывшие	6,2	18,9	4,2	5,4	8,6	12,7	10,1	21,1	12,1	0,7	100,0

* Подсчитано по: Продолжительность проживания в месте постоянного жительства: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2005. Т. 10. С. 296–298, 300–323; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 году: Стат. сб. М., 1980. С. 236, 238; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 году: Стат. сб. М., 1984. С. 164, 166.

** Здесь и ниже в этом столбце приведены данные по Западно-Сибирскому экономическому району.

развития областей, краев и республик в постсоветский период. Именно поэтому, несмотря на сравнительно благополучное положение отдельных административных образований (например, Красноярского края, Иркутской области, Якутии), отсюда начался отток населения. Этому способствовало также то, что из-за сравнительно позднего хозяйственного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока немалая часть местного населения проживала здесь сравнительно недолго и не успела по-настоящему закрепиться.

Если в 1970–1980-е гг. разница в процентном соотношении прибывших и выбывших из отдельных экономических районов была не очень большой, то в 1990-е гг. западный дрейф миграций проявился отчетливо. Так, если из Центрального района прибыло 6,9 % переселенцев в Западную Сибирь, то в обратном направлении выбыло 16,7 % (Дальний Восток – соответственно 17,0 и 5,3 %).

Таким образом, наибольшие миграционные потери Западная Сибирь понесла в обмене именно с европейскими экономическими районами. Положительное сальдо миграции у Западной Сибири образовалось с Восточной Сибирью, Дальним Востоком и Уралом.

В прежние годы западная часть Сибири являлась источником около четверти всех переселенцев, прибывавших в восточносибирский регион, похожая ситуация сложилась и в дальневосточных административных образованиях. После наступления кризиса трудовые мигранты стремились возвратиться в родные места, те же из них, кто в советское время прибыл в Западную Сибирь из Восточной Сибири или Дальнего Востока, в большинстве своем не желали возвращаться обратно. Таким образом, чем восточнее располагался регион, тем демографические потери были, как правило, выше.

В Восточной Сибири доля прибывавшего населения из расположенных западнее экономических районов также снизилась, а из Дальнего Востока существенно увеличилась. При этом специфика территориально-географического положения и социально-экономического развития Восточной Сибири привела к тому, что в миграционном обмене со всеми регионами России, за исключением Дальнего Востока, у нее сложился отрицательный баланс.

В постсоветский период под влиянием различных факторов экономического и неэкономического характера значительно изменилась динамика миграционного

Таблица 3

Миграционный обмен Сибири и союзных республик в 1993–2001 гг., чел.*

Показатель	Украина	Белорус- сия	Прибал- тика	Закав- казье	Казах- стан	Средняя Азия	Молда- вия	Всего
<i>Российская Федерация в целом</i>								
Прибывшие	1238844	196971	178138	806409	1730755	1241575	130040	5522732
Выбывшие	708719	202145	24902	95100	309477	181281	58078	1579702
Сальдо	530125	-5174	153236	711309	1421278	1060294	71962	3943030
<i>Сибирь в целом</i>								
Прибывшие	198650	29861	10126	77160	569459	197091	26308	1108655
Выбывшие	142980	37222	2867	15571	124262	43283	14335	380520
Сальдо	55670	-7361	7259	61589	445197	153808	11973	728135
<i>Западная Сибирь</i>								
Прибывшие	142866	21904	6924	54969	498841	157274	19527	902305
Выбывшие	95139	25305	1542	11326	105207	33058	9581	281158
Сальдо	47727	-3401	5382	43643	393634	124216	9946	621147
<i>Восточная Сибирь</i>								
Прибывшие	55784	7957	3202	22191	70618	39817	6781	206350
Выбывшие	47841	11917	1325	4245	19055	10225	4754	99362
Сальдо	7943	-3960	1877	17946	51563	29592	2027	106988

* Подсчитано по: Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 381, 383, 388–391, 396–399; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1995. С. 408–409, 414–415; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1996. С. 496–497, 502–503; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1997. С. 514–515, 520–521; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1998. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1999. С. 340–341, 346–347; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. М., 2002. С. 342–345, 348–351.

оборота Сибири с бывшими союзными республиками. В результате распада СССР и единого народнохозяйственного комплекса, а также рыночных реформ, произошедших с разной степенью глубины во всех без исключения новых государствах, на постсоветском пространстве произошло резкое ухудшение не только социально-экономической, но и политической обстановки. В Российской Федерации в этом отношении сложилось более благополучное положение. Основная часть нефтегазовой, энергетической, химической промышленности, металлургического комплекса, которые в 1990-е гг. стали главными источниками валютных и бюджетных поступлений, осталась на территории России.

Во многих других республиках основой экономической системы являлись предприятия перерабатывающей и легкой промышленности, а также сельское хозяйство, больше всего пострадавшие от кризиса. В некоторых из них возникли конфликты, которые перерастали в военные действия, например, в Молдове, Таджикистане и Азербайджане. Безусловно, для части населения это стало весомым аргументом в пользу выезда в более благополучные регионы или за границу. Вышеназванные причины не могли не повлиять на характер и интенсивность миграционного обмена между республиками. Практически все они, за исключением Беларуси, понесли значительные демографические потери в обмене как с Россией в целом, так и с сибирскими регионами (табл. 3) [2, с. 146–154].

Таким образом, распад Советского Союза и рыночные реформы трансформировали миграционные движения на постсоветском пространстве, которые устремились с юга на север, с северных и восточных территорий – на западные. Нередко пересекаясь, они формировали неповторимый демографический облик каждого отдельного административного образования или экономического района страны. Переход областей, краев и республик на принципы самоуправления и самофинансирования, а также прекращение политики хозяйственного освоения немедленно отразились на сибирских регионах. Отток жителей принял здесь большие масштабы, однако и сама Сибирь оказалась на пересечении потоков выбывающего населения из Дальнего Востока и бывших союзных республик (Казахстана и Средней Азии). Благодаря этому она смогла компенсировать часть своих потерь, однако в XXI в. из-за истощения миграционного потенциала регионов-доноров на повестку дня встал вопрос о необходимости формирования новой государственной политики экономического развития восточных районов России. Ее успешная реализация, возможно, позволит частично перенаправить существующие переселенческие потоки в пользу азиатских территорий страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.
2. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М., 2009.

УДК 001.8(540)(571.1/8)

JATINDER KHANNA

NEW HORIZONS: POSSIBLE STRATEGIES TO PROMOTE PARTNERSHIP IN RESEARCH BETWEEN INDIA AND SIBERIA*

Ph.D., Jawaharlal Nehru University,
New-Dehli, India

В статье рассматриваются возможные сценарии сотрудничества между российскими и индийскими учеными, при этом особое внимание уделяется научному потенциалу Сибири. Среди главных предпосылок будущего партнерства автор называет создание новой «экономики, основанной на знаниях»; подчеркивается тот факт, что в Индии и России рост экономики все больше обеспечивается за счет развития науки и инноваций; что в обеих странах реформируются системы образования, что задачи научного сотрудничества решаются на самом высоком межгосударственном уровне.

Исторически сложилось так, что Индия и Россия в течение длительного времени были партнерами в научно-технической сфере. Изначально сотрудничество в этой области обеспечивал специальный договор, заключенный между СССР и Индией в 1972 г. Непосредственное взаимодействие отдельных ученых и целых научных институтов получило значительную поддержку после того как в 1987 г. на самом высоком уровне было принято решение о введении Комплексной долгосрочной программы сотрудничества. В 1992 г. в Москве работала 5-я сессия Совместного Совета программы, по итогам которой Россия была признана в качестве государства-правопреемника СССР, а сама программа получила статус российско-индийской. В 1994 г. в Москве был подписан новый российско-индийский договор о научно-техническом сотрудничестве, пришедший на смену соглашению 1972 г. Принимая во внимание выгоды взаимного сотрудничества, которые обеспечивались Комплексной программой, срок ее действия был продлен до 2010 г. Одновременно были расширены возможности Программы, обеспечивающие внедрение достижений науки и техники в производство.

С учетом растущего экономического и научного потенциала двух стран, а также наличия устойчивых и дружественных межгосударственных связей Россия и Индия могут продолжать и расширять сотрудничество в сфере науки и техники. По мнению д-ра Кханна, Сибирь может играть очень важную роль в таком сотрудничестве. Автор отмечает, что регион, несмотря на богатые запасы природных ресурсов, в течение долгого времени не получал должного внимания и развития, прежде всего, из-за сурового климата. Современная Россия уповает на Сибирь как на «яркую звезду», горящую на «энергетическом небосклоне», и намерена с помощью мировых держав превратить этот обширный, но недостаточно развитый регион в глобального поставщика природного газа, угля, нефти, а также возобновляемых энергоресурсов следующего поколения, например в сфере гидроэнергетики. Параллельно существует еще один план, в соответствии с которым связь региона с остальным миром должно обеспечить сооружение трансконтинентальных железных дорог. Таким образом Россия надеется сделать Сибирь не столь изолированной от мировых рынков.

Важно отметить, что в современном мире наиболее важным и при этом неосознанным ресурсом являются знания, а они – шаг вперед по сравнению с «информацией» (информация становится знанием после того, как ее обработали и распространили квалифицированные специалисты). Экономика и общество, основанные на знаниях, отличаются большей восприимчивостью – особенно в условиях глобализации. Именно поэтому д-р Кханна полагает, что, возможно, самой главной причиной, по которой Сибирь должна играть ключевую роль в мировом развитии, является ее научно-технический потенциал. В Сибири в течение многих десятилетий действуют научные институты трех академий – РАН, РАМН и РАСХН. Сибирские университеты являются одними из наиболее уважаемых и известных в стране. Но и теперь в регионе необходимо создавать новые научные центры, занимающиеся фундаментальными и прикладными исследованиями.

Автор приходит к выводу, что Сибирь, с ее природными богатствами и концентрацией научных кадров, должна стать одним из центров будущего развития России и мира. Регион способен дать индийским ученым очень многое и открывает перед ними новые возможности в сфере научного и энергетического сотрудничества.

THE SIBERIA OPPORTUNITY

“Frightening or amazing, luring or astounding, Siberia exists. People who know nothing about Siberia are ignorant of the planet’s future.” Pierre Rondier, the prominent French publicist wrote after visiting Siberia

Siberia¹ is the world’s most critical regions in terms of resource concentration. It covers a territory of 13,488,500 sq. km which comprises 7.5 % of the total territory on

Earth. The whole region is extraordinarily rich in minerals, energy raw materials, hydropower, and forests. At the same time, the region is climatically cruel – during the winter, average temperatures in Siberia range from –23 °C to below –45 °C.

In the recently concluded International Arctic Forum in Moscow, Prime Minister Putin emphasized that 70% of Arctic territory falls with Russia including the oil rich regions of North Siberia².

According to the Russian embassy’s report, Vladimir Putin at a press conference for the Russian and Foreign Media held in January 2006 described the importance of the region for Russia. «Siberia is a very important region for us, a region with immense natural resources. Eastern

¹ There are several versions of the coinage of the name of the region as “Siberia”. According to one, Siberia in the language of the ancient nomads, who roamed the wilderness many centuries ago, meant “The Sleeping Land” (sib-to sleep, ir-land).

* Джатиндер Кханна (Ph.D., Университет им. Дж.Неру, Нью-Дели, Индия). Новые горизонты: возможные стратегии научно-технического сотрудничества Индии и Сибири

² Harding, L (2010), “Vladimir Putin calls for Arctic claims to be resolved under UN law // The Guardian, 2010, 23 September. accessed on 1 November 2010 at. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/sep/23/putin-arctic-claims-international-law>

Siberia is a veritable storehouse of natural resources, and as yet unopened storehouse of the world's energy resources. Russia's energy potential is underestimated. I'm not even talking about Western Siberia. We are going to draw on the Yuzhno-Russkoye [deposit] to feed the North-European gas pipeline. We estimate production there of 22–25 billion cubic metres a year. We also have the Shtokman deposit right nearby in the Barents Sea and there we can expect production of 90 billion cubic metres a year for the next 50 years, this is all calculated. As for Eastern Siberia and Siberia in general, the world will certainly have need of its immense resources, and of its huge scientific potential».

Siberia has long been a neglected resource-rich region because of a harsh climate. Today's Russia is banking on Siberia to become its shining star in energy arena. It wants to develop the vast yet economically impoverished region as a world supplier of natural gas, coal, petroleum and next generation renewable energy resources like hydropower with the participation of the global powers. Another related plan is to develop connections to the 'mainstream' world by the way of transcontinental railway lines. This way it attempts to bring the market closer to the isolated Siberia. Probably the most pressing reason about why Siberia is the future focus of the world is its scientific-technological resources. «We simply mustn't waste this chance», Russia's President Vladimir Putin declared in Akademgorodok following his 2005 trip to India. Siberia's other resources are tough to tap, but cashing in on the 200,000 science and technology- graduates that Russia churns out each year, Kremlin can plan ahead about developing the Siberian region. In another instance, President Putin at a press conference for the Russian and Foreign Media held in January 2006 reaffirmed his faith in the people of the region: «I am sure that given the high level of education in Siberia, and also the purity there, the moral purity, Siberia's human resources will be of great importance for the country»³.

The development of Siberia's resources could develop as a threat or promise for the entire planet. The Siberian region has moved from a mere trading colony of Russia to a region of strategic importance on the world map. Siberia continued to be the last stop for criminals and political prisoners throughout much of the 20th century and came to epitomize all that was worst about Russia under the communist rule. Subsequently, a period of intensive industrialization followed and Siberia became a 'communist wonder'. It was fortified as USSR's military and scientific base. Even today, reputed institutions in pure sciences, engineering and technologies remain to be organized in Siberia. It has been home to the Science complexes of the Academy of Sciences of the USSR, Academy of Medical Sciences of the USSR, Lenin All Union Academy of Agricultural Sciences, present day Russian Academy of Sciences (RAS), Russian Academy of Medical Sciences (RAMS) and Russian Academy of Agricultural Sciences (RAAS). Universities at Irkutsk and Tomsk are one of the oldest and most respected universities. Siberia has prominent and modern universities throughout its spread:

Novosibirsk State University, Vladivostok State University of Economics and Service, and Khabarovsk State University of Technology.

Mikhail A. Lavrentiev was instrumental in the creation new scientific centre in the east of the USSR. An exposition dedicated to Lavrentiev which I witnessed at Akademgorodok described Lavrentiev as a «world-famous scientist, untiring investigator and scientific manager». He laid the foundation of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and it was his efforts that Academy Town near Novosibirsk became the first born of the Siberian Branch. He also pioneered organisation of the Novosibirsk Scientific Centre and the further development of the Siberian Branch: the election of place for construction of Academy town, first years of the construction, served as the first President of the Siberian Branch, vice-president of the USSR Academy of Sciences and Director of the Institute of Hydrodynamics, M.A. Lavrentiev had spread great care to these problems by organizing of the Novosibirsk University, Physical Mathematician School (first in the USSR) for talented Siberian and the Far East children. Young Technicals Club was the results of indefatigable activity by Lavrentiev.

«Harsh climatic conditions are the primary cause of the low population density. Therefore, automation and application of technology on the widest possible scale—that is, more active participation by science in the immense task of opening up the Asian part of the soviet union—represents the only means of exploiting the natural resources of this region» – that was how Lavrentiev, speaking in 1967, explained the thinking which lay behind the establishment of the Siberian division of the USSR Academy of Sciences. By then, Akademgorodok «academicity» set up in the face of widespread skepticism was already rising amid the larches and cedars of the Taiga, 25 Kilometers from Novosibirsk⁴.

The prospects for development of technology seem bright as the economy of Siberia is based on the natural resource utilization. President Putin at a Meeting on Social and Economic Development in the Siberian Federal District on April 26, 2006 in Tomsk quoted the Governor [of Kemerovo Region] Tuleyev to highlight the fact that regions in Siberia and the Far East that have based their development over these last decades primarily on raw materials. «Our colleagues are already beginning to introduce new methods for developing these resources and developing their regions as a whole. This is because modern raw materials production and refining methods are directly linked to advanced technology. Without question we must make use of the possibilities this technology offers for our country as a whole and for the regions of Siberia and the Far East», he added.

Furthermore the scientific community has learned to manage the rigmarole of economic and climatic constraints. In a speech at a Security Council Meeting on National Security in the Siberian Federal District, 2003 President Putin explained the paradox in Siberia – «While labour in Siberia is short, Siberia's natural riches are co-

³ Transcript of the Press Conference for the Russian and Foreign Media (January 2006) URL: http://www.russian-embassy.org/Press/01_02_06_eng.htm

⁴ Sansone, Vito, Moscow: Progress Publishers, 1980.

lossal and it has major industrial and research centres and defense industries»⁵.

A. Fursenko, Acting Minister of Science and Education, in an interview in Russian with Ekspert on 16th February, 2004 «...our limited resources mean that we must select not 10–15, but just three or four state priorities. So it is not just a question of identifying and eliminating weak or unpromising research directions, but selecting the strongest of the strong. We have to look for intersection points, where good prospects for a technological breakthrough combine with markets that will dominate the world in 10 or 15 years time. And we must make best use of our competitive advantages, both those related to our large territory and rich mineral deposits, and the immense science and technology base created in earlier years of our history – the results of huge investments in space exploration and nuclear technologies, study of materials...

Take the example of space research. This is a sphere where we still have leading positions. Combine that advantage with the natural advantage of Russia's location, and there is huge potential for synergy effect, which can generate money, e.g. by providing an intercontinental air freight corridor and using space technologies to control the traffic. The global space-logistics markets provide lots of ways for us to make money: by launching tracking satellites, by installing equipment on those satellites, by supplying transponders for each cargo, by developing software for freight transportation. The same applies for atomic energy. I believe that we have a role to play in international development of hydrogen power engineering».

SIBERIA: A MODERN SCIENCE AND TECHNOLOGY HUB

Jan Hospers (2003)⁶ explores the function of cities in the knowledge economy. The knowledge economy asks for «creative cities» i.e. competitive urban areas that combine concentration, diversity, instability and a positive reputation. He has reached the conclusion that knowledge, creativity and innovation cannot be planned from scratch by local governments. However, creative cities par excellence such as Austin (USA), the Öresund (Sweden) and Barcelona (Spain) demonstrate that local policymakers in fact can play a part in preparing cities for the requirements of the knowledge economy. He concludes that local governments can increase the chance that urban creativity emerges by providing the appropriate underlying framework conditions.¹

In this context we can also envisage 'scientifically creative cities'. Novosibirsk, in this regard, comes particularly close. It is the largest city in Siberia and an industrial and scientific capital of the region. In fact it is often referred to as 'Chicago of Siberia'. Novosibirsk Science Centre is the headquarters of the Siberian division of the Russian Academy of Sciences where almost 5000 researchers reside and function. The institutes of the Russian Academy of Sci-

ences work closely with the Novosibirsk State University, the institute for higher professional training for providing advanced training to its staff and executive of the planning bodies of ministries and government departments. They also work in conjunction with the city's enterprises which are tackling the problems of introducing the results of scientific research into production. The Novosibirsk Science Centre has become widely recognized center for contacts and collaboration between scientists.

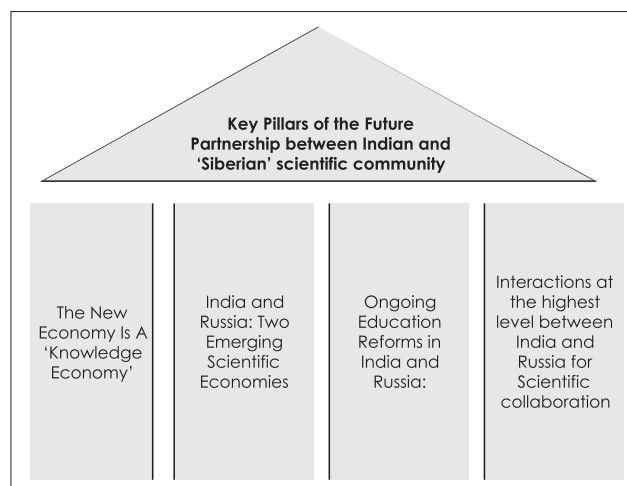
The science capital of Siberia possesses hidden gems in the form of specialized scientific institutions.

- Institute of Semiconductor is a niche academic institute in Novosibirsk for research in physical processes that form the basis of new technologies in microelectronics;
- The Institute of Mining is the largest mining research institution in Siberian division of the Russian Academy of Science;
- The Institute of Catalysis (an affiliated department of the Institute in Omsk) established in 1957, has been a major institute in the world dealing with the problems of catalysis. It has been awarded the "Gold Mercury" international prize for a major contribution to scientific collaboration;
- The Institute of Cytology and Genetics has been instrumental in many important molecular- biotechnological methods and ideas. The institute has developed "Albidium-12" a highly frost resistant variety of wheat;
- The Altai experimental biological station of the Siberian division is dedicated to the preservation and accumulation of genetic stock of the domestic and wild animals.

KEY PILLARS OF THE FUTURE PARTNERSHIP:

1. The New Economy Is A 'Knowledge Economy':

The concept of a Knowledge Economy as popularised by Drucker (1969) was the title of Chapter 12 in his book, *The Age of Discontinuity*. The transition requires that the rules and practices that determined success in the industrial economy need rewriting in an interconnected, globalised economy where knowledge resources such as know-how, expertise, and intellectual property are more

⁵ Speech at a Security Council Meeting on National Security in the Siberian Federal District on June 21, 2003, accessed online at. URL: http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2003/06/21/0003_type82912type82913_159565.shtml

⁶ Jan Hospers, Gert Creative cities: Breeding places in the knowledge economy, Knowledge, Technology, and Policy. 2003. Vol. 16 (3).

critical than other economic resources such as land and natural resources. The most important intangible resource is knowledge, a step ahead of 'information'. Information when processed and disseminated by competent manpower results in knowledge.

An economy and society based on knowledge is more responsive especially in a globalised scenario. It can be argued that the knowledge economy differs from the traditional economy in the following key respects:

- The new economics is not of scarcity, but rather of abundance. Unlike most resources that deplete when used, information and knowledge can be shared, and actually grow through application.

- The effect of location is either diminished, in some economic activities by using appropriate technology and methods, virtual marketplaces and organizations that offer benefits of speed, agility, round the clock operation and global reach can be created or, on the contrary, reinforced in some other economic fields, especially by the creation of business clusters around centres of knowledge, such as universities and research centers. Given the changing paradigms where locational advantage gives way to technological competence

- Restrictions and taxes are difficult to enforce on solely macro-levels. Knowledge and information «leak» to where demand is highest and the barriers are lowest. Knowledge enhanced products or services can command price premiums over comparable products with low embedded knowledge or knowledge intensity.

- Knowledge when locked into systems or processes has higher inherent value than when it is retained in the human minds.

- Human capital is a key component of value in a knowledge-based society.

- Means of Communication is fundamental to knowledge flows. Therefore establishing and maintaining efficient communication channels is of utmost priority. At the same time gaining leverage from a 'flat' world depends on the degree of level of exchange between the scholars, academicians and the industry experts of the two regions.

These characteristics require new ideas and approaches from policy makers, while planning future development of the partnership.

2. India and Russia: Two Emerging Scientific Economies

India is an emerging economic power. Investment bank, Goldman Sachs, in its 'Dreaming with the BRICS'⁷ report Goldman Sachs predicts that India's GDP will reach \$2 trillion by 2020 and \$27 trillion by 2050- becoming the third largest economy after USA and China. By 2032, India's GDP will outstrip Japan's⁸.

The same report also predicts that Russia is all set to experience the highest GDP per capita by 2050 to be among the four largest developing economies. From 2002-2006,

Russia's GDP has almost trebled, from \$345bn in 2002 to \$984bn in dollar terms (partly due to economic growth, but also because the value of the rouble has soared). The economy is now growing at almost 7% per year - up from less than 5% four years ago⁹.

The Central Intelligence Agency of the United States of America (USA) notes that Russia is one of the nations belonging to G8, possessing large strategic resources. Russia has the world's largest natural gas reserves, the 2nd largest coal reserves and the 8th largest oil reserves. It is the world's leading natural gas exporter and the 2nd leading oil exporter. Oil, natural gas, metals, and timber account for more than 80% of Russian exports abroad. In the speech President of the Russian Federation, Putin at the Expanded Meeting of the State Council on Russia's Development Strategy through to 2020 held on February 8, 2008 "*We are in third place in the world for the number of scientists and we are one of the world leaders for state spending on science*"¹⁰. With large reserves of precious metals, oil and gas being exploited commercially, Siberia is the newly emerging economic and strategic hub of economic development in the Russia of the 21st century.

At the same time, India has the third largest scientific and technical manpower in the world; 162 universities award 4,000 doctorates and 35,000 post-graduate degrees and the Council of Scientific and Industrial Research runs 40 research laboratories which have made some significant achievements. India produces 200,000 engineering graduates and another 300,000 technically trained graduates every year.

The tradition of Science and Technology in India is over 5000 years old. A renaissance was witnessed in the first half of the 20th century. Science and technology infrastructure has grown from about Rs. 10 million at the time of independence in 1947 to Rs. 30 billion. Significant achievements have been made in the areas of nuclear and space science, electronics and defense¹¹.

- India is among six countries that launch satellites and do so. India's INSAT is among the world's largest domestic satellite communication systems. Its Geosynchronous Satellite Launch Vehicle (GSLV) was indigenously manufactured with most of the components like motor cases, inter-stages, heat shield, cryogenic engine, electronic modules all manufactured by public and private Indian industry.

- Over 100 MNCs have set up R&D facilities in India in the last decade. These include GE, Bell Labs, Du Pont, Daimler Chrysler, Eli Lilly, Intel, Monsanto, Texas Instruments, Caterpillar, Cummins, GM, Microsoft and IBM.

⁹ Madslie, J. Russia's economic might: spooky or soothing?, [Online: web], Accessed on 24 April 2008, URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/6265068.stm>

¹⁰ Speech at Expanded Meeting of the State Council on 'Russia's Development Strategy through to 2020' held on February 8, 2008 Accessed online URL: http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2008/02/08/1137_type82912type82913_159643.shtml

¹¹ Embassy of India, Atomic Energy, Space, Oceanography, Bio-Technology & Electronics, accessed on 25 December 2008 URL: <http://www.indianembassy.org/dydemo/science.htm>

⁷ BRIC is the acronym for the world's 4 largest and fastest growing economies – Brazil, Russia, India and China.

⁸ Goldman Sachs, "Dreaming with the BRICS: The Path to 2050", [Online:web], Accessed on 23 April 2008. URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/99-dreaming.pdf>

- India's telecom infrastructure between Chennai, Mumbai and Singapore, provides the largest bandwidth capacity in the world, with well over 8.5 Terabits (8.5Tbs) per second.

- India is among the 3 countries in the world that have built Supercomputers on their own (the other two countries being USA and Japan). India's 'PARAM Padma' Terascale Supercomputer (1 Trillion processes per second.) makes its amongst only 4 nations in the world to have this capability

In a Question and Answer session that followed Putin's speech at the APEC Business Summit 2003, the Russian President expressed the need for Russian economy to diversify. «We will work towards diversifying the Russian economy. We are going to focus more on the modern sectors of the economy, the new economy based on information technology. But we will also continue to do everything within our power to make effective use of our natural advantages, one of which is without doubt the large energy resources that Russia possesses».

According to the Eurasian report, published in January 2008, the structure of Russia's economy is changing as the share of energy constantly declines and share of innovative industry constantly rising. The share of hi-tech and innovative industry constituted almost 9 per cent though it was less than planned targets. Its share is expected to rise to 15 per cent by 2010. Furthermore, it notes that Russia is building massive state corporations in ship building, aviation, space, nuclear energy, and nano-technology with huge state investments.

According to the Institute of Complex Strategic Studies, Russia's cumulative innovation index is 0.59 of that of the EU, which is taken to be unity. The method of calculation and the parameters of this index are based on data collected by experts of the World Economic Forum and published in its annual reports. They show that Russia is above the average European level measured by two indicators, which are the share of new graduates working in science and technology and government expenditure on R&D as a percentage of GDP. Russia is gradually catching up with Europe measured by the ratio of innovation spending to total industrial spending and by the development level of information and communication technologies. However, it is far behind others by patent applications per million people, innovation spending in services, and the share of people with access to the Internet and effectiveness of government policy in research and innovation. The structure and priorities of financing are obsolete, and reduction of government allocations to research has not led to their rationalization. Scientific communities in both India and Russia face similar challenges and can find common synergies to address issues for mutual benefit.

3. Ongoing Education Reforms in India and Russia:

Post-1990 reforms have been significant in both the countries. Both India and Russia woke up to a new system geared towards capitalistic ideas than communism or socialism.

India's education system, especially higher education sector witnesses liberalization and privatisation. The

void created by the paralysis and drift of the conventional university system is being filled by private entrepreneurial initiatives. Thus, significant educational innovations and experiments are currently taking place in institutions outside the university orbit and in the private sector. In view of the rapid expansion of and increasing variety in knowledge and skills, there is enormous scope for educational innovations and initiatives (Jayaram, 2002)¹². Global exchanges and collaborative opportunities are shaping up between governments, educational institutions and organizations.

President Putin and Prime Minister Medvedev favour structuring the educational systems in Russia. In the speech President of the Russian Federation Putin, at the Expanded Meeting of the State Council on 'Russia's Development Strategy through to 2020' held on February 8, 2008, mentioned the importance of education in the Russian context. «*Developing the national education system is a key part of global competition and one of the most important values in life*».

The DAAD (German Academic Exchange Service) observes in a paper titled «*The Russian Federation Higher Education Development Priorities*»: «Geographically and traditionally Higher Education Institutes are concentrated in European Russia: Central Federal District has 347, North-Western Federal District has 136, Southern Federal District has 146 and Volga Federal District has 42. Whereas the remote Federal Districts (Siberian, Urals, and Far East) count 14-29 Higher Education Institutes each.» However, winds of change are evident, as development of Siberian universities is being prioritized at the highest levels.

The [new] Russian leadership's priorities is to concentrate on a few and carve out universities of excellence, Russia wants to emulate the European education system to concentrate on quality not quantity (Voskresenski, 2008).

The federal government of Russia allocated almost 5.5 billion roubles for two universities in 2007 and 4.7 billion roubles will be allocated in 2008. President Putin, in his opening remarks at a meeting with teachers and students at the Siberian and Southern Federal Universities on November 13, 2007 justified the allocation: «Our aim is to raise the quality of education services, raise the quality of education and create a new and innovative environment. Our aim is to put in place the required conditions for integrating science, education and the economy in order to create synergy out of these different areas of activity. Our aim is to produce a quality education product that will help us to tackle our main development objective, that of giving our economy an innovative character, and, of course, we also seek to bring major educational centres closer to the parts of the country that have such great potential and importance for

¹² Jayaram. Higher Education in India: The Challenge of Change'. Conference on 'The Past and Future of Asian Higher Education, organised by Center for International Higher Education, Boston College, Massachusetts (USA) and Center for the Studies of Higher Education, Nagoya University (Japan) with the support of The Toyota Foundation, The Japan Foundation Asian Center and the Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology, Government of Japan, at the Nagoya University, Nagoya, Japan, 16-17 December 2002; accessed online on 4 January 2009. URL: <http://www.cshe.nagoya-u.ac.jp/seminar/kokusai/jayaram.pdf>

our nation's future. Our goal is to ensure that the specialists trained within the walls of these new universities will meet the demands of the regional and national economy and make sure that these universities will be able to respond flexibly to changes on the labour market and supply needed specialists at the right moment. Looking at the region we are in today, the Siberian region, Krasnoyarsk, we see that there are very large and ambitious projects underway, projects in the mining and minerals industry and in high technology. These ambitious projects cannot be properly implemented without people who take the right decisions to reach the set objectives. This is our main goal. We need to ensure that our economy has a supply of qualified local professionals. This is a goal that we can achieve and I have no doubt that not only will these universities become leading centres of learning in the Russian Federation but will also take a worthy place in the international education system.»

Creation of a new type of innovation system is only just beginning in Russia. New innovation structures, capable of commercially attractive projects, are gradually developing (small business, industry research bodies and academic institutes) and are starting to receive financial support from efficient companies with large-scale investment programs. The two main poles of innovative activity in Russia's economy are the defense industry and fuel and power. Most science intensive companies are in the defense sector, but their R&D potential is under used due to reduction of state orders, which has made it impossible to fund large scale projects. Fuel and power are not high-tech industries, but they are among a few flourishing segments of the Russian economy, and they are building a completely new innovation model, mainly by the efforts of private fuel and power companies, which badly need to improve their levels of technology. Given the scenario, Indian companies and academia can find suitable niches to build business and academic relations.

4. Interactions at the highest level between India and Russia for Scientific collaboration

India and Russia is witnessing an ongoing active dialogue in the last few years on building up an innovative economy. Historically India and Russia have been

partners in cooperating in areas of Science & Technology for a long period. Initially the Science & Technology Co-operation was pursued under the Science & Technology agreement between India and Soviet Union concluded in 1972. Direct interaction between scientists and scientific institutes received a major boost when Integrated Long Term Programme of Cooperation (ILTP) was concluded at the highest level by the then Prime Minister of India and General Secretary of the Communist party of the Soviet Union in 1987. During the 5th session of ILTP Joint Council held in Moscow in 1992, considering that Russia was the successor State of USSR, ILTP was termed as Indo-Russian programme. Later, Indo-Soviet S&T agreement (1972) was replaced by a new Agreement on Science & Technology between India and Russia signed in 1994 in Moscow. Considering the benefit of ILTP, the programme was extended up to year 2010 with additional mandate of technology transfer to industry. The two governments have also concluded a Protocol on Protection and Usages of Intellectual Property arising out of bilateral scientific cooperation¹³.

In view of the established mechanisms and diplomatic channels between both the nations, the partnership is all set to strengthen in the future and offers tremendous scope for niche collaboration. These could take the form of regional cooperation with Siberia specifically or private initiatives that take-off from government assistance to enhance science and technology research.

CONCLUSIONS

Given that Russia and India are two emerging economic and scientific powers and share an amicable and long standing relationship both nations can exploit greater avenues in areas of scientific and technological cooperation. In a rapidly liberalising world, they face the similar challenges and should find synergies to tap their opportunities.

Siberia, a resource rich region of Russia possessing a concentrated scientific community is all set to be the future focus of the Russia and the world. It offers tremendous scope for Indian scholarly community in terms of understanding and researching for new opportunity especially in areas of modern sciences, fuel and power.

¹³ Embassy of India in Moscow (2008), «Indo-Russian Working Group on Science & Technology», [online: web]; accessed on 2 January 2009. URL: http://indianembassy.ru/cms/index.php?Itemid=520&id=60&option=com_content&task=view

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929+904

Н.Л. БОЛДЫРЕВА

А.З. ФЕДОРОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ г. НИКОЛЬСКА-УССУРИЙСКОГО

Благовещенский государственный педагогический университет,
e-mail: nelyta@mail.ru

В статье рассматривается археологическая деятельность Александра Зиновьевича Федорова (1886–1945) – одного из ведущих исследователей начала XX в. в Южно-Уссурийском крае. Основным объектом его изучения являлись средневековые памятники в г. Никольске-Уссурийском (совр. г. Уссурийск). Он был также организатором краеведческого движения в крае. Основные направления его археологической деятельности: сбор и систематизация археологической информации, охрана памятников и раскопки тех, которым угрожала опасность, пропагандистская и научно-педагогическая деятельность. А.З. Федоров внес большой вклад в развитие дальневосточной археологии.

Ключевые слова: археология, памятники древности, раскопки, А.З. Федоров, Никольск-Уссурийский.

Экспедиции Российской академии наук в середине XIX в. создали хороший задел для дальнейшей исследовательской работы. Однако уже к концу XIX в. стало очевидно, что одних выездных экспедиций из центра для изучения Дальнего Востока явно недостаточно: необходимо создавать местные исследовательские учреждения, общественные организации, которые занимались бы краеведческой деятельностью. Так, в 1884 г. во Владивостоке было создано Общество изучения Амурского края, а в 1894 г. в Хабаровске учрежден Приамурский отдел Российского географического общества (РГО). В 1916 г. в г. Никольске-Уссурийском начал свою работу Южно-Уссурийский отдел РГО [1, с. 64–65].

Главная заслуга в организации и проведении краеведческой работы в регионе принадлежала научной интеллигенции – учителям, врачам и чиновникам [2, с. 108]. В г. Никольске-Уссурийском краеведы-энтузиасты были объединены при Женской учительской семинарии, открытой в 1907 г. Здесь сложился коллектив образованных, прогрессивно настроенных преподавателей, многие из которых сочетали педагогическую деятельность с наукой. Среди таких преподавателей был и А.З. Федоров [3, с. 138]. В г. Никольск-Уссурийский он был направлен в 1907 г. после окончания Санкт-Петербургского учительского института. Преподавал математику и географию и в то же время увлекался археологией и древностями г. Никольска-Уссурийского [4, с. 49–50].

В 1913 г. во время одного из походов по окрестностям города, на правом берегу р. Суйфун (совр. р. Раздольная), у кирпичного завода Никольича на Красноярской сопке он случайно натолкнулся на огромное нагорное городище.

Валы мощными линиями обрисовывали его контуры и, следуя за всеми особенностями рельефа, кольцом охватывали

склон горы. Они шли в три яруса: первый – у самой подошвы горы, второй – почти посередине склона и третий – несколько выше. Я был изумлен, – писал А.З. Федоров, – развернувшейся передо мной картиной. Ходячая фраза о том, что Уссурийский край – край молодой, еще совершенно нетронутый ничьей культурой, не соответствует истине, и край в прошлом имел свое культурное бытие [5, с. 1].

Вскоре после этой экскурсии А.З. Федоров встретился в Хабаровске с директором Гродековского музея В.К. Арсеньевым, который на основании своих многолетних исследований края тоже категорически отвергал мнение о «нетронутости» края. Тогда же А.З. Федоров, по приглашению В.К. Арсеньева, принимает участие в небольшой археологической экспедиции по окрестностям Хабаровска. По возвращении в Никольск он пишет:

Мне попал в руки XII том «Записок Общества изучения Амурского края» со статьей Ф.Ф. Буссе и Л.А. Крапоткина «О древностях Амурского края», и мой интерес к краевой археологии принял определенную форму [5, с. 1].

Исследователь ставит своей задачей обследование и спасение от гибели находящиеся под угрозой уничтожения памятники прошлого Приморья, в частности, археологические древности в г. Никольске-Уссурийском [6, с. 20].

А.З. Федоров привлек к работе учащихся учительской семинарии и реального училища.

Ранней весной 1914 г. я вновь отправился за реку Суйфун, чтобы осмотреть нагорные валы, видимые мною год назад. Переправившись через реку и поднявшись на сопку, известную под именем Красноярской, мы взобрались на вал и решили пройти вдоль него на столько, насколько это окажется возможным. Три с половиной часа понадобилось, на то, чтобы обойти городище

с трех сторон и опять подойти к реке Суйфун. Этой экскурсией и начались наши археологические исследования. Я говорю наши, потому что во всех моих археологических работах весьма близкое участие принимали и ученицы местной семинарии [5, с. 2].

В первую очередь исследователь предложил «систематически обследовать только памятники старины, находящиеся на территории за г. Никольском, в и указанное выше городище за р. Суйфун, а затем уже перейти в ближайшие окрестности Никольска и постепенно, в зависимости от хода работ здесь, расширять радиус площади исследований» [5, с. 2–3].

В 1916 г. он проводит разведочные раскопки на Южно-Уссурийском городище и составляет подробную карту памятника. Работы были начаты почти в центре городища. Он писал:

...на плацу ясно различимы контуры фундаментов древних построек, сложенных из синева-серого кирпича. Размеры фундаментов различны, наиболее значительные находятся на бугре. Площадь, охваченная одним фундаментом, составляет 380 кв. м и является наибольшей среди остальных <...>. Относительное положение фундаментов дает полное основание наметить посредине бугра улицу, идущую в направлении северо-запад – юго-восток... с узеньким переулком, отходящим в направлении на северо-восток от нее под углом в 90 градусов. Формы фундаментов прямоугольны и часто имеют входящие углы (цит. по: [7, с. 551]).

Заложив три траншеи, А.З. Федоров выяснил, что общая мощность культурных отложений составляла от 80 до 140 см, в ней прослеживаются четыре культурных слоя, различающихся по цвету или по интенсивности содержания в них культурных остатков. Им зафиксирован строительный горизонт, относящийся к чжурчжэньской эпохе. Раскопки проводились очень тщательно. Федоров вычерчивал планы найденных фундаментов, отмечал размеры кирпичей в постройках, зарисовывал стратиграфические разрезы стенок траншей; вынутую из раскопок землю просеивал через «грохот», чтобы не упустить даже самые незначительные по размерам предметы. Находки, собранные в раскопе – монета Чунь-нин тунбао (1102–1106 гг.), фрагменты черепицы, железный наконечник стрелы, фрагменты фарфорового сосуда, датируются XII–XIII вв. [7, с. 551]. Что касается времени происхождения городища, то А.З. Федоров согласился с предположением П. Кафарова о том, что этот древний город бохайского происхождения. Однако относительно приписываемого им городу названия «Фурданыч» А.З. Федоров сказать затруднялся [5, с. 15].

Описание Западно-Уссурийского городища было проведено также тщательно.

В расстоянии около версты от этого укрепления (Южно-Уссурийского городища. – *Н.Б.*) в направлении на северо-запад в район расположения 4 и 5 Восточно-Сибирских стрелковых постов находится второе огромное городище, по форме трапеция, очень близкая к квадрату с площадью около 56 десятин. Оно ...окружено мощными валами, значительная часть которых... разрушена. Валы с трех сторон сопровождаются рвом, около сажени. Дальше от рва заметны только следы... Детально изучая вал, я не нашел каких-либо признаков, указывающих на наличие других ворот в городище, кроме находящихся в юго-западном углу, где хорошо виден и след старинной дороги... Внутри городища... сильно местами изрыто (еще в 1908 г. Л.А. Крапоткин писал... как «все здесь перерыто и переломано»). Но... в 1915 и 1916 г. мне удалось собрать здесь прилич-

ную коллекцию черепичных орнаментов, образцов кровельной черепицы, кирпичей, обломков посуды и ряд других предметов... Внутри городища можно найти следы древних водоемов и неясные следы старинных дорог (цит. по: [7, с. 557]).

Касаясь времени основания этого городища, А.З. Федоров приводит соображения из письма архимандрита П. Кафарова, посланного им 15 сентября 1870 г. из с. Никольского. Кафаров называет это городище «2 остатками стана Чжурчжитского» и указывает на обилие здесь китайских монет начала XII в.

Мне посчастливилось, – пишет в письме П. Кафаров, – получить большой (двойной) чох, выпавший крестьянином Ф.Г. Шевченко на городище р. Суйфун. Надпись на нем ...гласит следующее: «Цун нин чжун-бао», что значит «монета эры Цун-Нин». Эра Цун-нин (Чун-нин, 1102–1106 гг. – *Н.Б.*) «обнимает 2–6 годы царствования императора Хуй-Цзуна, царствовавшего с 1101 по 1125 год по Р.Х. и принадлежавшего к Сунской династии».

А.З. Федоров, сопоставив датировку монет с данными истории, которая приурочивает появление чжурчжэней в крае к началу XII в., допустил, что к этому же времени, вероятно, относится и строительство Западно-Уссурийского городища. Однако оно, по его мнению, было построено позже Южно-Уссурийского [5, с. 15–17].

Большое значение для понимания процесса становления археологических исследований древностей и охраны культурного наследия Приморья имеют данные из дневника А.З. Федорова, который он начал вести 16 мая 1915 г. Дневник был найден В.Е. Ларичевым в Приморском краевом музее. В 1960-х гг. он был прислан из Москвы М.А. Крестовым, жена которого работала когда-то вместе с А.З. Федоровым [8, с. 146]. Дневник содержит 325 страниц рукописного текста, чертежей, схем, вычислений, вырезок из газет. К дневнику прилагался альбом «Археологические изыскания в Южно-Уссурийском крае в 1915 г.» со 110 фотоснимками. Последняя запись в дневнике сделана 30 мая 1916 г. [9, с. 140].

Кроме описания памятников, находящихся в г. Уссурийске и его окрестностях, в этом дневнике имеется множество сведений об археологических памятниках: укреплениях, курганах, дорогах, колодцах, расположенных к западу от него, в бассейне р. Раздольной [9, с. 140]. Для некоторых памятников дневник является единственным источником. Только здесь, например, имеются данные о существовании небольших городищ в с. Новоникольском; на утесе, напротив с. Корсаковки; на правом берегу р. Раздольной у с. Борисовки (только план). Об укреплении в с. Новоникольске сказано, что оно представляет собой правильный квадрат со стороной в 120 шагов, т.е. около 40 сажень. Дается схематичный план укрепления в окрестностях с. Борисовки на Борисовской сопке, против устья р. Казачки. Глазомерная съемка этого городища сделана А.З. Федоровым в мае 1916 г. Интерес представляют сведения о трех укреплениях у с. Покровки: два из них – долинные, одно – горное [9, с. 140–141].

Из дневника А.З. Федорова явствует, что осенью 1915 и весной 1916 г. он вместе с В.К. Арсеньевым осматривал древние памятники г. Никольска-Уссурийского и его окрестностей. Кроме того, В.К. Арсеньев и А.Н. Пелль провели глазомерную съемку ряда интересных памятников в бассейне р. Раздольной. Эти планы и описания к ним, сделанные рукой В.К. Арсеньева, оказались в дневнике А.З. Федорова. 27 апреля 1916 г. ими было осмотрено и снято на план

большое городище в 5 верстах от пос. Константиновки на берегу р. Раздольной. Можно упомянуть и о городище, расположенном в 5 км от пос. Полтавки на берегу старицы р. Гранитной – правом притоке р. Раздольной. Сведения о городищах вместе с другими материалами, особенно о разветвленной сети древних дорог, связывавших укрепления, уже на первых этапах исследования показали важность бассейна р. Раздольной для народов, населявших его в эпоху средневековья [9, с. 141–142].

Материалы дневника использовались А.З. Федоровым для написания очерка «Памятники старины в городе Никольске-Уссурийском и его окрестностях», который был опубликован в 1916 г. [5]. В нем, после общего исторического введения, было дано описание укрепления на Красноярской сопке и указано, что следующей работой автора будет очерк об этом укреплении.

Я предпринял детальную опись городища, которая еще далеко не закончена и потому я пока воздержусь от подробного описания его. Я укажу только на то, что это городище имело, по-видимому, безусловно, стратегическое значение, о чем свидетельствует как система укреплений его, так и обильные запасы каменных ядер, сложенных в штабеля в различных, по-видимому, опасных местах городища [5, с. 21].

Однако неизвестно, написал ли он эту статью. Затем следует описание вышеупомянутых городищ на территории города и его окрестностей, а также остатков древних дорог. Описание остатков древней культуры А.З. Федоров заканчивает указанием на некоторые уже разрушенные или увезенные из Никольска памятники, наиболее важными из которых были черепахи.

Являясь символом вечности у китайцев и маньчжур, каменные изваяния черепах часто ставились ими в виде надгробных памятников. Такие памятники всегда состояли из трех частей: черепахи, плиты и дракона. Черепаха достигала 1,5 аршина высоты, плита помещалась в особом гнезде на спине черепахи и имела в высоту около сажени, в ширину – около аршина, и в толщину – до полуаршина. Верхний колодец украшался сидячим драконом. На плитах и на драконах делались соответствующие надписи с указанием имени покойника, его общественного положения, заслуг, времени постановки. Таких черепах в Никольске было 2. Одна стояла на дворе нынешней мельницы Линдгольма, другая в районе Сенной площади [5, с. 20].

К брошюре прилагалась археологическая карта, на которой были обозначены все важнейшие древние памятники. Эта карта дает представление о тех памятниках, которые уже бесследно исчезли под постройками города [6, с. 21].

Как отмечалось выше, Женская учительская семинария была неофициальным центром, где концентрировались интеллектуальные силы города. Не случайно именно здесь возникла идея организации в г. Никольске-Уссурийском Отделения Русского географического общества, которое объединило бы местные краеведческие силы. 20 марта 1916 г. в торжественной обстановке было открыто Южно-Уссурийское отделение Приамурского отдела Русского географического общества (ЮУО РГО). На открытии присутствовало около 40 чел. Председатель А.М. Бодиско ознакомил собравшихся с историей возникновения Отделения и зачитал многочисленные приветствия и поздравления [3, с. 172].

Задачей отделения стало изучение Южно-Уссурийского края в географическом, археологическом, естественно-историческом и этнографическом отношениях. При создании

ЮУО РГО возникли споры о его организационном оформлении. Остановились на создании кабинетов [3, с. 173].

25 марта 1916 г. в помещении Женской учительской семинарии состоялось общее собрание членов ЮУО РГО, на котором присутствовало около 30 чел. По результатам закрытого голосования председателем отделения был избран А.М. Бодиско, а правителем дел – А.З. Федоров. Членами совета отделения стали Грачев, Зеленский, Шишов, в ревизионную комиссию вошли Пулеззо, Горяинов, Кожев, Свешников. Для разработки положения об отделении была создана комиссия (Холодцов, Батуев, Пулеззо). На собрании постановили ходатайствовать перед городской думой об отводе усадебного участка для устройства библиотеки, музея и кабинета для «учебных занятий» [3, с. 173].

8 мая 1916 г. члены совета ЮУО РГО были приглашены на заседание в квартире А.М. Бодиско. Повестка дня этого собрания включала:

1. Доклад А.З. Федорова об отпуске Обществом изучения Амурского края 350 руб. на проведение археологических раскопок.
2. Вопрос об изыскании средств на эти же цели отделением.
3. Согласование дня созыва комиссии по выработке проекта положения об отделении.
4. О дне созыва и программе общего собрания членов отделения.
5. Текущие дела [3, с. 175].

На том же собрании А.З. Федоров подчеркнул, что необходимо срочно привлечь внимание местных властей к проблеме охраны памятников, так как большая часть их уже уничтожена, а то, что осталось, составляет не более 5 % от первоначального количества [3, с. 8].

В газете «Уссурийский край» от 11 мая 1916 г. выходит статья А.З. Федорова о необходимости охраны памятников старины в г. Никольске-Уссурийском. В ней, в частности, говорится:

Отделение не сомневается в том, что шаг, принятый им, не является стеснительным для граждан города в каком-либо отношении и потому глубоко верит в то, что городское управление откликнется на настоящий призыв к защите своих собственных сокровищ [3, с. 176].

В апреле 1922 г. в здании семинарии, во многом благодаря А.З. Федорову, прошел I съезд по естественно-историческому изучению Уссурийского края [3, с. 132].

ЮУО РГО просуществовало 13 лет, после чего было реорганизовано: вначале – в отделение Краевого научно-исследовательского института (1929 г.), а затем – в Горно-таежную станцию Дальневосточного филиала Академии наук (1932 г.), которую и возглавил А.З. Федоров. В 1934 г. исследовательская деятельность А.З. Федорова была вынужденно прекращена в связи с арестом по «делу Арсеньева». После освобождения он некоторое время жил в Хабаровске, затем уехал в Ленинград. Во время войны эвакуировался в Алтайский край, где и прожил последние годы [4, с. 50].

Таким образом, анализ научной деятельности А.З. Федорова свидетельствует о том, что в начале XX в. он был одним из ведущих исследователей в Южно-Уссурийском крае. Основным объектом исследования стали средневековые памятники в г. Никольске-Уссурийском. Федоров работал в тесном контакте с В.К. Арсеньевым, был незаурядным организатором краеведческого движения. В археологической

деятельности А.З. Федорова прослеживается несколько взаимосвязанных направлений: сбор и систематизация первичной археологической информации; охрана памятников и раскопки тех, которым угрожало разрушение; пропагандистская, просветительская и научно-педагогическая деятельность. А.З. Федоров внес большой вклад в развитие дальневосточной археологии и по праву занимает место в ряду ее выдающихся создателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горкавенко Н.Л. Историческое краеведение. Организация краеведческой работы на Дальнем Востоке в дореволюционный период // История культуры Дальнего Востока СССР XVII–XX вв.: дооктябрьский период. Владивосток, 1989.
2. Горкавенко Н.Л. Деятельность дальневосточных отделов Императорского Русского географического общества и их роль в освоении Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XIX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Ч. 1.
3. Коляда А.С., Кузнецов А.Н. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997.
4. Клюев Н.А. Археология юга Дальнего Востока России в XIX–XX вв.: библиогр. указатель. Владивосток, 2003.
5. Федоров А.З. Памятники старины в городе Никольске-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский, 1916.
6. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья: Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959.
7. Артемьева Н.Г. Города чжурчжэней Приморья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
8. Ларичев В.Е. Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966.
9. Хорев В.А. Новые сведения о средневековых археологических памятниках Приморья по материалам полевого дневника А.З. Федорова // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976.

УДК 94(571)084.9

В.В. КУЗНЕЦОВ

РОЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Рубцовский индустриальный институт,
филиал Алтайского государственного технического университета
e-mail: anastaska2706@mail.ru

В статье проанализированы основные направления, формы и методы деятельности периодической печати Западной Сибири по освещению освоения целинных и залежных земель в регионе, а также система и механизмы пропаганды решений, принятых партийными и государственными органами, рассмотрены изменения в работе периодической печати, происходившие по мере освоения целинных земель. Сделан вывод о том, что эта пропаганда в целом не выходила за рамки, очерченные рекомендациями и указаниями центральных органов власти.

Ключевые слова: периодическая печать, Западная Сибирь, освоение целинных и залежных земель, пропаганда, сельское хозяйство.

Деятельность печати в период освоения целинных и залежных земель в Западной Сибири до настоящего времени остается малоисследованной. Этой теме посвящена только одна работа, подготовленная в советский период на материалах Алтайского края [1]. Автор рассмотрела лишь несколько алтайских газет за 1953–1956 гг. Значительная часть ее исследования посвящена освоению новых земель в Алтайском крае в целом. В последующие десятилетия советского периода отдельные аспекты темы изучались в более общих работах сибирских историков [2–4]. В это время была заложена определенная фактологическая база, выделены некоторые направления деятельности печати, частично определены формы и методы воздействия средств массовой информации на население, непосредственно занятое в сельском хозяйстве. Отметим, что в советский период у исследователей не было возможностей для более взвешенной оценки деятельности СМИ в освещении указанной темы. Вот

почему даже имеющаяся сегодня информация по проблеме нуждается в значительном переосмыслении с современных позиций.

Работа по мобилизации людей на освоение целины приобрела на страницах периодической печати массовый размах уже в начале 1954 г. Одной из важных форм пропаганды массового выезда на целину в западносибирской прессе стала публикация писем желающих поехать на новые земли. Журналисты «Советской Сибири» в течение февраля в каждом номере газеты публиковали подборки писем специалистов сельского хозяйства, желающих поехать на освоение целины. В марте того же года в газете «Кузбасс» вышла статья, в которой рассказывалось о проводах первого кузбасского отряда добровольцев-целинников, состоявшихся в Кемеровском областном драматическом театре¹.

¹ Кузбасс. 1954. 18 марта.

Важной темой западносибирской и центральной печати стала подготовка к приему и размещению новоселов. Бюро Алтайского крайкома КПСС поддержало обращение комсомольцев и молодежи края о создании механизаторам, приехавшим на освоение целины, достойных жилищно-бытовых условий². В газетах публиковались также статьи и корреспонденции об организации целинных совхозов, об оказании целинникам шефской помощи со стороны городских предприятий и организаций.

Газеты не только информировали о событиях, связанных с целиной и целинниками, но и критиковали местные партийные и советские органы и хозяйственных руководителей за неудовлетворительную организацию приема новоселов, тяжелые жилищно-бытовые условия в местах их расселения, слабую работу по повышению профессионального уровня работников. В Западной Сибири дефицит квалифицированных механизаторов ощущался практически в течение всех целинных лет. Многие первоцелинники не обладали достаточными навыками работы на земле. Их нужно было обучить сельским профессиям. Вот почему с первых дней освоения целины во многих совхозах, городах и районах были созданы специальные курсы для обучения массовым профессиям. Но в целом в Западной Сибири подготовка механизаторов шла медленно, за что все ответственные органы неоднократно критиковались на страницах как центральной, так и местной печати.

На февральско-мартовском (1954 г.) пленуме ЦК КПСС партийные организации Западной Сибири в числе других подверглись критике за невнимание к подбору руководящих кадров хозяйств [5, с. 362]. В связи с этим на местах развернулась деятельность по выдвижению на руководящие посты наиболее опытных и способных кадров. В районных газетах Западной Сибири была введена рубрика «По призыву партии», в которой освещалось данное направление работы. «В Рубцовском районе, – сообщала газета “За победу”, – одним из первых откликнулся на призыв партии участковый механик Павел Олейников. Он сформировал специальную тракторную бригаду, куда вошли комсомольцы»³.

Первый этап освоения целинных и залежных земель закончился в августе 1954 г. после проведения пленума ЦК КПСС, на котором были подведены отдельные итоги освоения. После августовского пленума в деятельности периодической печати на западносибирской целине начался новый период, который ставил перед прессой новые задачи и требовал уже других форм и способов их решения. Важнейшим направлением деятельности газет стало освещение хода социалистического соревнования, передового опыта колхозного строительства и советских органов по руководству сельским хозяйством [5, с. 343].

Социалистическое соревнование стало одной из главных тем на страницах периодической печати. Основной функцией печати в этом процессе была пропаганда официальных (одобренных партийными и советскими органами) трудовых инициатив и починов. Газеты также выступали в роли активных контролеров за развитием таких починов, организовывая рейды и взаимопроверки соревновавшихся. В целом, несмотря на имевшие место кампанейщину, волонтеризм в обосновании принимаемых трудовыми коллективами обязательств, показуху в освещении различных форм

и видов соревнования, периодическая печать сыграла свою, вполне определенную положительную роль в распространении соревнования как среди коллективов, так и отдельных целинников. А это, в свою очередь, влияло на выполнение принятых ими планов и заданий, способствовало получению большей отдачи от обрабатываемой земли.

С августа 1954 г. стал широко пропагандироваться передовой опыт по освоению новых земель. На первый план были выдвинуты вопросы качественного использования техники, передовых приемов и методов обработки земли. Активно стала освещаться в прессе почвозащитная агротехнология, разработанная известным ученым-полеводом Т.С. Мальцевым.

Опыт практической работы на целине накапливался буквально у всех на глазах, и газеты старательно фиксировали основные вехи на этом пути. С первых дней полевых работ активно стали пропагандироваться первые крупницы появляющегося опыта вспашки. Популярной формой газетных выступлений было информирование читателей о ходе сельскохозяйственных кампаний. В первые месяцы освоения новых земель при вспашке были допущены серьезные ошибки. В погоне за количеством вопреки советам ученых распахивались солонцовые и легкоподдающиеся эрозии почвы, не соблюдались требования севооборотов. Выращивание монокультуры пшеницы без внесения удобрений вело к истощению ранее плодородных земель. В Западной Сибири фактически не разрабатывалась система земледелия, приспособленная к местным условиям. Между тем существовали рекомендации, подготовленные Т.С. Мальцевым и показавшие свою высокую эффективность. Поэтому в августе 1954 г., когда необходимость создания научной системы обработки земли и ее достоинства стали очевидны для всех руководителей, мальцевская методика обработки почвы и посевов получила одобрение властей и стала широко пропагандироваться в печати. «Сталинское племя» посвятило системе Т.С. Мальцева одну из полос номера⁴, в «Красном Знамени» рассказывалось о том, как в колхозе Томской области заложили участок для обработки земли по методу Т.С. Мальцева⁵.

В середине 1950-х гг. правительство и ЦК КПСС обратили внимание на необходимость усовершенствования организации и технологии уборочных работ. Одним из методов снижения потерь зерна при уборке, а также сокращения сроков ее проведения был назван раздельный способ косовицы хлебов. Его применение стало обязательным элементом в директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану [6, с. 85].

В периодической печати Западной Сибири пропаганда раздельной уборки началась в 1956 г. с публикации в «Алтайской правде» страницы под лозунгом «Внедрим раздельную уборку – снизим потери зерна»⁶. В «Советской Сибири» с пропагандой этой технологии выступил главный инженер Новосибирского областного управления сельского хозяйства А. Башкирцев⁷, затем газета опубликовала информации об опыте ее использования в хозяйствах Ставропольского

² Сталинская смена. 1954. 17 марта.

³ За победу. 1954. 25 марта.

⁴ Сталинское племя. 1954. 10 сент.

⁵ Красное знамя. 1954. 21 сент.

⁶ Алтайская правда. 1956. 23 июня.

⁷ Башкирцев А. Важный резерв увеличения валового сбора зерна // Советская Сибирь. 1956. 20 июля.

края⁸. Опыт по внедрению раздельной уборки в 1956 г. был обобщен в статье главного инженера Алтайского управления сельского хозяйства Д. Бунина, опубликованной в «Комсомольской правде»⁹.

В целом применение раздельного способа косовицы хлебов дало некоторый экономический эффект. Однако были допущены и ошибки, главная заключалась в том, что этот метод пропагандировался как единственно возможный и предписывался всем хозяйствам в директивном порядке. О том, что порой происходило при этом, вспоминал через сорок лет на страницах «Алтайской правды» один из первоцелинников И. Швеиц:

Кроме радости случались и тяжелейшие явления. Одно из таких потрясений, повлекшее колоссальные убытки, относится к 1956 г., когда три четверти хлебов и хороших хлебов были уже убраны, пришла «новинка» – жатки для раздельной уборки. Этот метод тогда сильно популяризовался. И оставшиеся 15 тыс. га зерновых попали под эксперимент. Всего через четыре дня весь этот массив лежал в валках и тут начались беспощадные дожди. Все проросло. Свыше 1 млн пуд было намолочено в районе такого подпорченного зерна¹⁰.

Тема передачи и пропаганды передового опыта на протяжении всех лет освоения целинных и залежных земель была главной на страницах как западносибирских, так и центральных газет. Важность ее была сформулирована в выступлениях партийных работников, руководителей газет еще в начале 1954 г., и все же в первые месяцы освоения целины журналисты Западной Сибири не совсем справились с возложенными на них задачами и стали объектом критики как в центральных газетах, так и в партийных органах.

После критики число публикаций о передовом опыте, многообразие их форм передачи заметно увеличилось. Западносибирскими газетами стали выпускаться листовки, плакаты и буклеты, широко использовались стенные газеты «боевые листки», «молнии», «колючки». Действенной формой являлись «открытые письма» механизаторов к руководителям. Нужно отметить большую роль краевых и областных газет в оказании помощи городским, районным и многотиражным газетам через анализ их деятельности в регулярных тематических обзорах местной печати. Анализ газетных публикаций дает основания утверждать и то, что за исследуемый период как в западносибирской прессе, так и в центральных газетах вопросы внедрения элементов хозрасчета, эффективного нормирования и организации труда оставались на «втором плане». Таких выступлений в областной печати было совсем немного, а в районных и многотиражных газетах автором не зафиксировано.

Таким образом, анализ газетных публикаций в периодической печати Западной Сибири по освещению подъема целинных и залежных земель позволяет сделать следующие выводы:

1. Это освещение не выходило за рамки, очерченные рекомендациями и указаниями центральных органов власти, зафиксированными в таких директивных документах, как материалы февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС.

2. В ходе освоения по мере все большей распахки целины и увеличения посева зерновых культур существенно менялось соотношение между наиболее распространенными направлениями освещения труда и быта целинников. Если в первые дни и недели освоения на первом плане были темы организации массового выезда на целину, встречи и размещения добровольцев, их обучения новым профессиям, то после начала вспашки вперед выдвигаются темы организации и пропаганды массового соревнования. Развернувшееся соцсоревнование предоставило журналистам возможность передавать и пропагандировать накапливавшийся опыт передовиков производства. Эта тема стала ведущей во всех газетах, оставаясь такой все последующие годы освоения.

3. По мере завершения «количественного» этапа освоения целины в Западной Сибири периодическая печать все больше внимания стала уделять освещению проблем всестороннего освоения целинных районов: создания полноценных условий работы целинникам, повышения культуры земледелия и внедрения на полях передовой агротехники. Вскоре выяснилось, что эти задачи в условиях господствовавшей в стране командно-административной системы были невыполнимы. В западносибирских и центральных газетах увеличилось число публикаций с критической оценкой достигнутых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева С.В. Советская пресса в борьбе за освоение целинных и залежных земель (1953–1956 гг. по материалам Алтайского края): дис. ... канд. ист. наук. М., 1959.
2. Ульянов Л.Н. В борьбе за освоение целины. Работа партийных организаций по освоению целинных и залежных земель Западной Сибири. М., 1959.
3. Бондаевский В.П. Роль печати в распространении передового опыта работы совхозов Кузбасса в годы семилетки (1959–1965 гг.) // Партийные организации Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Кемерово, 1973.
4. Шадрин Л.Г. Печать Кузбасса как источник изучения проблемы обеспечения сельского хозяйства руководящими кадрами (1953–1955 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Кузбасса. Кемерово, 1973. Вып. 1.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8.
6. Пленум ЦК КПСС 14–25 февраля 1956 г.: Стеногр. отчет. М., 1956.

⁸ Советская Сибирь. 1956. 24 июля.

⁹ Заметки на полях // Комсомольская правда. 1956. 1 сент.

¹⁰ Швеиц И. Встречали нас ветра, холод и жара // Алтайская правда. 1994. 14 сент.

**ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ В.М. РЫНКОВА
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ
(вторая половина 1918 – 1919 г.)» (Новосибирск, 2008. 440 с.)**

Выход в свет монографии В.М. Рыנקова, посвященной проблемам социальной политики белых правительств, представляется примечательным событием в современной научной литературе, открывающим переход от мелкоформатных исследований в этом вопросе к монографическим работам. Специфика наших научных интересов обусловила и акценты в анализе представленных в монографии сюжетов: ситуации в промышленности и государственного регулирования рынка труда (гл. 2 и 5).

Опыт социальной политики белых правительств интересен тем, что позволяет в целом «разобраться в механизмах трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической катастрофы» (с. 5). Употребив для характеристики происходящих процессов слово «катастрофа», В.М. Рынков далее использует и принципиально иное выражение – «кризис», термин, как представляется, более точно корреспондируемый, как с происходящим в России в 1918–1919 гг., так и с содержанием монографии. Так, целью государственного регулирования в периоды кризиса, по обоснованному мнению автора, должно было стать не только достижение экономического эффекта, но и предотвращение распада общества, его морального разложения (с. 9–10).

В.М. Рынков указывает на преобладание представителей социалистических партий в белых правительствах на Востоке страны во второй половине 1918 г. Таким образом, социалистам, так же как и в 1917 г., в рамках участия во Временном правительстве России и его органах на местах, предоставился еще один шанс продемонстрировать эффективность своей социальной политики. Правомочность сопоставления подтверждается и тем обстоятельством, что многие указы, постановления и законы белых правительств на востоке страны (за неимением времени или квалифицированных разработчиков) опирались на нормативно-правовую базу Временного правительства весны – лета 1917 г. (с. 207–225).

В главе «Вокруг собственности: юридические права и социальные обязательства» В.М. Рынков подвергает критике один из наиболее устойчивых мифов советской историографии – утверждение о том, что победа белых сопровождалась немедленным возвращением прежним владельцам национализированных частных предприятий. Этот тезис в лучшем случае подверждался ссылками на законодательные акты или отдельными примерами (с. 82).

Однако противники большевиков не спешили с пересмотром результатов национализации, поскольку руководство белых в Сибири и на Урале предполагало наиболее важные для государства предприятия оставить в национальной собственности (с. 84–87). Например, Временное областное правительство Урала намеревалось разработать специальное постановление о порядке денационализации горнопромышленных предприятий Урала, но так и не реализовало свое

намерение (с. 87). В результате на Урале из 25 национализированных горных округов к марту 1919 г. владельцам был возвращен только один. Медленнее всего происходило возвращение уральских металлургических и угольных предприятий. Большинство предприятий во второй половине 1918 г. оставалось в казенном ведении. Автор обратил внимание на важную специфическую черту восточных регионов – многие собственники находились в европейской части страны или в эмиграции и не могли вступить в свои права (с. 98). В целом «государственная власть стремилась блокировать попытки промышленников избавиться от нерентабельной собственности и принимала меры по усилению контроля за их деятельностью» (с. 116).

Объяснение такого противоречия между идеологией и практикой автор видит в стремлении белых правительств соблюдать правовую основу своей деятельности. К примеру, владельцам горных предприятий вменялось в обязанность компенсировать казне издержки, которые та понесла в результате денационализации (с. 91). Кроме того, частные промышленники должны были уплатить ранее выданные кредиты. В условиях войны и слабости финансовой системы такая правовая пунктуальность оборачивалась потерей времени, промедлением с милитаризацией промышленности. Примечательно, в частности, что постановление Российского правительства от 19 сентября 1919 г., окончательно передававшее контроль над промышленностью и торговлей, которые могли быть связаны с обслуживанием армии, министру продовольствия и снабжения¹, было принято уже после поражения белой армии в сражении за Урал (с. 117). Если промедление с денационализацией вызвало недовольство предпринимателей – ведущего социального слоя поддержки белого движения (с. 99), то тенденция к расширению вмешательства государства в управление частной собственностью сужала возможности по мобилизации экономики в условиях войны.

В главе, посвященной политике государства в рабочем вопросе, автор подробно показывает этапы восстановления тех социальных завоеваний, которых рабочие добились в 1917 г. при Временном правительстве. В монографии отражен переход значительной части рабочих на сдельную оплату труда (с. 166), показано действие механизмов индексации заработной платы; восстановление института больничных касс (с. 211–215), толерантность профсоюзов и гибкость поведения промышленников (с. 164–173); т.е. рассмотрены меры социальной политики, «позволившие отдельным группам рабочих, несмотря на тяжелые условия жизни, оставаться твердой опорой режиму» (с. 172).

¹ Министр получал право принудительной замены администрации на частных предприятиях на представителей министерства, а также право секвестрировать предприятия, не выполнившие его директив.

Ссылаясь на прессу, В.М. Рынков отмечает, что по данным съезда больничных касс Урала, на весь регион функционировало 6–7 касс из 70 действовавших накануне падения советской власти (с. 220). Значимо и наблюдение, относившееся к Томской губернии. Здесь примерно 1/6 часть трудовых споров решалась в примирительных камерах (с. 247). Сопоставление приведенных показателей с картиной в других регионах позволило бы автору выйти на принципиально иной уровень обобщений.

В главе 4 автор отмечает, что государственная власть делала упор на реформирование рабочего законодательства с учетом опыта развитых стран, однако «новый порядок распространялся только на частные предприятия» (с. 220). Между тем в главе 2 автор показал, что основная масса частных заводов и копей на востоке России оставалась в ведении казны (с. 98, 112). Как видно, вектор законодательного регулирования белых правительств в сфере труда и вектор экономической политики, ядром которого выступают отношения собственности, оказались разнонаправленными. В этом заключается важная причина неэффективности усилий белого движения по налаживанию сотрудничества с рабочим социумом.

Главный недостаток рабочей политики белых правительств, по мнению В.М. Рынкова, «состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались

государством» (с. 220). Поскольку инфляция «пожирала» ставки социальных трансфертов быстрее, чем они индексировались, на первый план выходила система натурального снабжения работников по найму. Именно «недопонимание властями значения натурального снабжения отдельных групп рабочих и служащих» в условиях дефицитной экономики (с. 174) привело к тому, что государственные чиновники не считали продовольственное обеспечение занятых на предприятиях первостепенной задачей (с. 175).

Монография В.М. Рынкова приводит к выводу, что, во-первых, активная законотворческая и законодательная политика в сфере труда не подкреплялась реальными сдвигами в материальном обеспечении работников. Между тем реформистские сдвиги в трудовом законодательстве в годы войны ценятся и принимаются только в тесной связи с величиной продовольственного пайка. Во-вторых, в условиях военного времени скудность продовольственных ресурсов должна была быть в определенной степени компенсирована другими факторами. Наиболее реальными могли быть предоставление рабочим и служащим земельных наделов, а при наличии последних – закрепление участков в частную собственность.

В целом следует приветствовать выход монографии В.М. Рынкова как подводящей определенные итоги начального этапа научного изучения социальной политики белых правительств в годы Гражданской войны в России.

*Д-р ист. наук М.А. Фельдман,
УрАГС,*

г. Екатеринбург

Д-р ист. наук С.П. Постников

*Институт истории и археологии УрО РАН
г. Екатеринбург*

РОБЕРТ О. КРАММИ.

Старообрядцы в меняющемся мире. ROBERT O. CRUMMEY. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.

В сборнике статей известного американского специалиста по истории России Р.О. Крамми собраны работы разных лет, посвященные изучению старообрядческого дви-

жения. Его монография «Старообрядцы и мир антихриста: Выговская община и государство, 1694–1855» [1], изданная в 1970 г., вошла в фонд классических исследований для изучающих старообрядчество – наряду с трудами П. Паскаля и С. Зеньковского. Статьи сборника представляют собой в совокупности единое концептуальное целое, логически продолжающее развитие идей его первой фундаментальной работы, при этом значительно расширяющее тематику и источниковую базу. Каждая отдельная статья в таком общем контексте воспринимается по-иному, чем при первоначальной публикации, поскольку строго продуманная структура сборника позволила автору представить материал в форме внутренне организованного единого текста. Статьи расположены по тематическому принципу в четырех разделах, которые взаимно дополняют друг друга.

В первом разделе, озаглавленном «Историография и теория», помещены две статьи, написанные в 1993–1994 гг.

Одна из них – «Прошлые и современные интерпретации староверия» – представляет собой историографический очерк, в котором даны характеристики вклада дореволюционных, советских, российских, а также зарубежных исследователей в изучение старообрядческого движения. Статья не потеряла своей ценности, несмотря на вышедшие к этому времени в России монографии, посвященные детальному освещению процесса изучения старообрядчества. Дело в том, что Р.О. Крамми предлагает высокопрофессиональную оценку работ, причем это взгляд западного исследователя, учитывающего все нюансы, связанные с развитием гуманитарной науки в Европе и Америке. Дополнением и завершением этого историографического очерка служит последний четвертый раздел сборника, состоящий из написанной специально для него статьи, в которой дана подробная характеристика новосибирской школы изучения старообрядчества.

Вторая статья первого раздела является теоретической. В ней предлагаются новые подходы к изучению старообрядчества, что заявлено уже в названии статьи – «Старообрядчество как народная религия: новые подходы». Актуальность этой статьи, написанной в 1994 г., не вызывает сомнения. Помещенная после историографического очерка, она показывает перспективы в изучении старообрядчества, открывающиеся на фоне дискуссии о народном христианстве в Европе в Средние века и раннее Новое время. Автор прекрасно понимает и сразу оговаривает, что исследователи

старообрядчества при таком подходе неизбежно столкнутся с определенными трудностями. Уже в ходе дискуссии, как замечает Р.О. Крамми, участники предложили различные истолкования самого термина «народный» и, соответственно, понимание выражения «народная религия». Старообрядчество в России, справедливо заключает автор далее, еще сложнее для интерпретации в таком ключе и очень точно обозначает, в чем именно это состоит, обращая внимание даже на условность наименования его религией. Р.О. Крамми считает, что старообрядчество следует рассматривать не как единую культурную систему, а как множество взаимосвязанных культур отдельных сообществ, общин. Особенности каждой, подчеркивает автор, зависели от исторического момента, региона и социального состава, а потому он считает, что очень важны и перспективны исследования старообрядчества на региональном уровне и в плане социальном.

Реализацию обозначенных подходов демонстрируют статьи, составившие второй и третий разделы сборника. Во втором разделе – «XVII век: Истоки» помещены четыре статьи, в которых поднимаются и обсуждаются вопросы, связанные с ранним этапом формирования оппозиционного церковной реформе движения. В первой охарактеризована духовная практика в России в XVII в., представленная как противостояние церковной элиты и народа, вернее его части, защищающей старые обряды и богослужебную практику. Далее помещена статья, посвященная изучению движения старца Капитона, которое представлено как яркий пример религиозного радикализма в России в XVII в. Логичным продолжением развития темы, связанной с изучением истоков движения старообрядчества, выступает помещенная далее статья «Истоки культурной системы старообрядцев: Сочинения Авраамия». В ней автор более подробно, чем в указанной ранее теоретической статье первого раздела, останавливается, опираясь на работу К. Гиртца [2], на понятии «религия как культурная система». На этом фоне очень убедительно выглядит тезис о том, что старообрядчество на протяжении нескольких веков своего существования имело множество «культурных систем», которые, конечно же, взаимосвязаны, влияли друг на друга, но, вместе с тем, каждая обладала своей спецификой, определяемой временем, историческими условиями, социальным составом общины, согласия в целом. Столь же обстоятельно в статье представлена мысль о том, что в конце 1660-х – начале 1670-х гг., после соборов 1667–1667 гг., происходило формирование старообрядческого «канона» и, шире, первой культурной системы, которая в наиболее полном виде нашла отражение в сочинениях инок Авраамия.

Анализ творческого наследия этого защитника старого обряда дал возможность Р.О. Крамми охарактеризовать не только идеологическую составляющую первой культурной системы старообрядчества, но и огромный арсенал полемических приемов, которыми пользовался автор и его современники для обоснования своей точки зрения. Это позволило представить данную систему, какой она была в изложении Авраамия, как обладающую внутренней стройностью и способностью к убеждению, поскольку она объясняла исторические корни, природу и грядущие последствия общественных и внутрицерковных конфликтов в России в середине XVII в. Причем очень точно подмечено, что, будучи порождением консервативного образованного священства, эта система включала в себя все элементы, понятия, образы и лозунги, с которыми обыкновенные люди

могли воспринимать быстро меняющийся мир и отвечать на все его вызовы.

Р.О. Крамми обращает особое внимание на символический язык этой культурной системы, который и обладал способностью придать смысл человеческой жизни, формируя взгляд на мир. Анализ теоретических и практических проявлений этих воззрений защитников старого обряда позволил автору сделать вывод о том, что уже первое поколение противников церковной реформы пришло к мысли о восприятии собственного сообщества как противостоящего окружающему миру и призванного отстаивать и сохранять истинную веру в наступившие последние времена. Хотя, подчеркивает далее Р.О. Крамми, до практической работы по созданию старообрядцами таких сообществ было еще далеко. Это, казалось бы незначительное, замечание позволяет продемонстрировать, насколько все помещенные в сборнике статьи не просто дополняют друг друга, но представляют системно организованный текст. Дело в том, что в данном случае имела в виду сознательная деятельность защитников старого обряда в XVIII–XIX вв. по организации общин, о которых говорилось и в теоретической статье, и в статьях, помещенных в третьем разделе сборника, о чем свидетельствует его заглавие – «XVIII–XIX века. Общины».

Лаконично, буквально двумя предложениями, автору удалось четко сформулировать принципиально важную мысль о том, что культурная система, созданная представителями первого поколения защитников старого обряда, не только обладала способностью формировать взгляд на мир, но и подготовила почву для формирования взгляда на свое сообщество единомышленников как способное сохранить истинную веру во времена царствования антихриста. Р.О. Крамми не только представил первую культурную систему защитников старого обряда, нашедшую отражение в творческом наследии Авраамия, но и сделал убедительный вывод, что она стала краеугольным камнем старообрядческого движения и вполне может служить объяснением его неослабевающей силы.

Исследованию старообрядческого движения в XVIII–XIX вв., превратившегося к этому времени из внутрицерковного в широкое религиозно-общественное, посвящены пять статей, составивших третий раздел сборника. Первой помещена статья «Старообрядческие общины: Идеалы и структура». Написанная позже других статей, она задает тон всему разделу, поскольку в ней рассматривается опыт организации общинной жизни и культа поповцами и беспоповцами в XVIII–XX вв. Вначале автор четко обозначает, на какие организационные формы ориентировались старообрядцы при создании своих общин, которые превращались в авторитетные центры согласия, а иногда и всего старообрядчества, как это было с Выговским общежитием. Он справедливо считает, что они соединяли черты общежительных, общежительных монастырей, скитов, мирских приходов, благотворительных учреждений и сельских поселений. Р.О. Крамми подчеркнул, что старообрядцы в XVIII–XX вв. стремились организовать свои общины с целью обеспечить их членам истинно христианский жизненный уклад, а доминирование какого-то элемента зависело от идеалов, какими их представляли лидеры, а также от меняющихся социальных и политических условий.

В статье даны развернутые характеристики всем типам организации общинной жизни старообрядцев в широком хронологическом диапазоне, начиная с XVIII столетия и

заканчивая современностью. Автор отметил, какие именно формы преобладали в каждый из периодов, показав их зависимость от политической ситуации в стране, от внутреннего положения в старообрядчестве в целом, в каждом из направлений и даже в конкретном согласии. Сделано это благодаря привлечению значительного количества научных работ, авторы которых занимались исследованием общин старообрядцев, организованных представителями разных согласий и функционирующих в течение длительного времени. Опираясь на подобные работы, Р.О. Крамми отмечает важную роль в общинной жизни старообрядцев всех направлений и согласий местных соборов и внутренней полемики. Большой интерес представляют наблюдения, высказанные им по поводу городских общин, которые в определенный период стали доминирующими центрами старообрядчества.

Разумеется, большое внимание уделено Выговскому общежителю, в изучение истории его возникновения и устройства жизни Р.О. Крамми внес значительный вклад. В данной статье он, учитывая собственные представления и опираясь на вышедшие к этому времени работы других исследователей, высказал ряд интересных наблюдений по поводу структуры Выгорецкой, ее эволюции на протяжении длительного периода существования, соотношения идеалов устроителей и их воплощения в произведениях уставного характера, проследил, каким образом община приспособилась к меняющейся экономической и политической обстановке. Подробнейшим образом охарактеризовав каждую из форм старообрядческой организации, показав их эволюцию и разнообразие, автор сделал вывод, что каждая из них способствовала и до сих пор способствует сохранению старообрядчества в качестве религиозно-общественного движения.

В третий раздел включены работы, посвященные изучению духовной жизни Выговской пустыни, которая не только стала центром поморского согласия, но и оказывала существенное влияние на оформление идеологии старообрядческих согласий поповского и беспоповского направлений, на формирующиеся в XVIII в. культурные системы. В статьях «Духовность выговских отцов», «Историческая схема выговских отцов» и «Культурные миры Андрея Борисова» старообрядцы предстают в качестве традиционалистов, живущих в меняющемся мире и пытающихся найти свое место, приспособившись к нему, определяя место общины в универ-

сальной христианской истории. Интенсивная духовная жизнь лидеров, определяла и степень напряженности поисков форм организации общины для выполнения ею функции сохранения истинной веры в мире антихриста. В центре внимания Р.О. Крамми в этом случае находится, конечно, Выгорецкая, но на материале, относящемся к функционированию этой общины, автору удалось показать не только духовность конкретной общины, но и любой другой. Логичным завершением раздела является его статья «Интерпретация судьбы старообрядческих общин в XVIII–XIX веках».

Разумеется, в рецензии невозможно отразить все разнообразие проблем и интересных решений, которые предлагаются в статьях, включенных в рассматриваемый сборник. Можно только в самом общем виде охарактеризовать содержание книги и показать продуманность структуры, превращающей отдельные работы, написанные в разные годы, в единый текст. Каждая из статей вносит свой вклад в развитие темы, которую Р.О. Крамми очень точно обозначил как «старообрядцы в меняющемся мире». С историографического очерка, как отмечалось, сборник начинается, и последний, четвертый, раздел «Жизнь старообрядцев и их научное изучение в конце XX века» служит явным продолжением первой статьи, завершая историографический обзор работ, посвященных исследованию старообрядчества. В двух других разделах освещается тема «раскол до раскола», дается характеристика раннего периода истории старообрядческого движения, прослеживается его судьба в XVIII–XIX вв., вплоть до современности, а в послесловии автор помещает некоторые важные уточнения, касающиеся научных проблем, нашедших отражение в статьях и остающихся до сих пор актуальными. Книга Р.О. Крамми вносит весомый вклад в изучение старообрядческого движения, поскольку предлагает оригинальные решения актуальных задач, выдвинутых современной исторической наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crummey Robert O.* The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and Russian State, 1694 – 1855. Madison, Milwaukee and London, 1970.
2. *Geertz Clifford.* The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973.

д-р ист. наук Н.С. Гурьянова
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Траектории проектов в высоких широтах. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2011. 440 с.

связана важным, исключительно актуальным проблемам, связанным с историей освоения российской Арктики и Северного морского пути, которые с древнейших времен занимали важное место в развитии Российского государства. В монографии впервые в отечественной и зарубежной историографии на обширной источниковой базе исследованы и

В Издательстве «Наука» (Сибирское отделение) вышла в свет крупная монография, подготовленная коллективом авторов. Она по-

обобщены сложные и малоизученные проблемы эволюции государственной региональной политики, преемственности ее основных направлений и эффективности достигнутых результатов. В процессе комплексного междисциплинарного анализа в монографии показана определяющая роль государства как системы, регулирующей изучение и освоение северных территорий на протяжении многовекового исторического периода.

Арктический регион в настоящее время занимает значительную часть Российской Федерации и обладает огромным стратегическим и природно-сырьевым потенциалом. Благодаря этому он играет все более заметную роль

в экономическом, технико-технологическом и социальном развитии страны, так как способен обеспечить ее прогрессивное развитие не только в настоящем, но и в будущем. Изучение исторического прошлого, связанного с освоением Арктики и Северного морского пути, обусловлено как потребностями приращения исторического знания, так и осмыслением особой роли пространственно-географических факторов в истории России в условиях огромной вариативности развития ее отдельных частей и специфического характера взаимоотношений между центром и регионами. Это, безусловно, будет способствовать обозначению наиболее полного и адекватного представления об особенностях исторического пути государства и определении его места в мире с точки зрения геополитической значимости и национального самоутверждения.

В монографии главный акцент сделан на исследовании проблем преемственности в государственной политике, направленной на защиту российских стратегических интересов на северных территориях, связанных с сохранением за Российским государством статуса великой арктической державы. Авторам монографии удалось проследить процессы изучения и освоения северных пространств России, показать, как складывались обстоятельства пребывания там человека, как под воздействием многих факторов формировался особый тип отношения к Северу – крупному и богатому природными ресурсами региону страны, при этом находящемуся в суровых природно-климатических условиях. Вместе с тем отмечено, что с развитием научно-технического и цивилизационного прогресса отношение к освоению и обживанию северных территорий менялось со стороны как государственных деятелей, так и рядовых россиян.

Особенно значительные изменения в отношении к Северу произошли в XX в., когда крупномасштабное хозяйственное освоение северных территорий стало делом государственной важности. На базе накопленных знаний и представлений уже в 1920–1930-е гг. в Арктике стала намечаться реализация весьма затратных государственных мероприятий мобилизационного характера, направленных на активное промышленное и транспортное строительство, развитие Северного морского пути в качестве значимой транспортной артерии СССР. При этом в проводимых акциях в первую очередь учитывались общегосударственные интересы. Арктический регион для центральной власти в советский период стал определяющим фактором государственной политики.

Авторы исследовали прошлые, современные и перспективные конструкции взаимоотношений «Центр – регион» на максимально возможном аналитическом материале. Убедительно прослеживается ведущая роль государства в изучении и освоении высокоширотных территорий с экстремальными природно-климатическими и географическими условиями, показано, что на протяжении столетий менялась как информационная база стратегических устремлений государства, так и научно-технические возможности их обеспечения.

Научно-технический и общецивилизационный прогресс расширял масштабы реализации крупных пионерных проектов на северных территориях России, что не всегда происходило в условиях социального благополучия. Освоение новых территорий в высоких широтах по объективным причинам требовало мобилизационных решений, которые нередко сопровождались принуждением и откровенным насилием с целью добиться в короткие исторические сроки значимых результатов. В монографии отмечено, что советское правительство при выполнении своих стратегических планов применяло различные способы принуждения. Значительное место в формировании трудовых ресурсов на северных территориях, особенно в 1930–1950-е гг., отводилось использованию труда заключенных и других видов спецконтингентов, которые вынужденно принимали участие в промышленном и транспортном строительстве, разработке месторождений полезных ископаемых, лесоразработках и т.д. Все проводимые в Арктике в советский период акции в первую очередь учитывали общегосударственные, а не региональные интересы. Развитие северных территорий определялось исключительно монопольным правом центральных властных структур СССР и имевшимися у них возможностями.

И в начале XXI в. интерес к Арктике не ослабевает. Происходящие там процессы интересуют все большее число стран, и не только приарктических (см. главы 9–12). В монографии сделана попытка представить геополитические и социально-экономические перспективы России на Арктическом пространстве (гл. 13).

Исследователи, успешно решая сложные научные задачи социально-экономической истории России, связанной с изучением и освоением ее арктических пространств, написали интересную познавательную книгу, которая будет востребована широким кругом читателей. Живой язык повествования придает изданию оригинальность, превращает результат научного труда в предмет увлекательного чтения для всех интересующихся историей Отечества.

*Д-р ист. наук, профессор
В.И. Шишкин
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МУЗЕЕВ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ»

3–5 октября 2011 г. на базе сектора «Музей СО РАН» Института истории СО РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», проходившая под эгидой Музейного совета РАН, Научного совета по музеям СО РАН, Российского института культурологии, Сибирского филиала Российского института культурологии, Комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО, Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры РФ. Конференция была посвящена 20-летию успешной деятельности Музея Сибирского отделения Российской академии наук. Свое двадцатилетие Музей СО РАН встречает надеждами на обновление и расширение.

На конференции в качестве участников и организаторов, посетителей секций конференции и музеев работало 120 чел. В сборнике материалов конференции опубликован 71 доклад, среди авторов – 20 докторов и 48 кандидатов наук*. 51 докладчик смог принять участие в конференции лично. Председателем оргкомитета конференции являлся член-корреспондент РАН, директор Института истории СО РАН, председатель Научного Совета по музеям СО РАН В.А. Ламин. География конференции включала 20 городов: Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Бийск, Иркутск, Искитим, Казань, Кемерово, Красноярск, Омск, Новосибирск, Рязань, Сыктывкар, Тамбов, Томск, Тобольск, Ухта, Улан-Удэ, Элиста, Якутск.

Конференция привлекла внимание многих известных деятелей науки и культуры, для которых музейная работа стала делом жизни. Это Александра Петровна Бужилова – чл.-кор. РАН, директор Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета, председатель Музейного совета РАН, Николай Аркадьевич Томилов – д-р ист. наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, председатель Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры РФ, Любовь Ивановна Скрипкина – заведующая Научно-методическим отделом Государственного исторического музея, секретарь Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры РФ, Ольга Александровна Соснина – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник, куратор перспективных проектов ГУК Государственный музей-заповедник «Царицыно» (Москва), Юлия Аркадьевна Купина – канд. ист. наук, заместитель директора Учреждения Российской академии наук «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» (Санкт-Петербург) и др.

В сборнике материалов конференции опубликованы тексты докладов авторов, являющихся представителями 58 учреждений и организаций, среди которых 17 университетов и институтов, 14 институтов Российской академии наук, 23 музея (в их числе Государственный исторический музей (Москва), Государственный музей-заповедник «Царицыно» (Москва), Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН (Москва), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург), Рязанский художественный музей (Рязань), Экомuseum-заповедник «Тюльберский городок» (Кемерово), Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста)), трех общеобразовательных учреждений, Омского филиала Российского фонда культуры (Омск).

Деятельность конференции освещалась в средствах массовой информации: еженедельнике СО РАН «Наука в Сибири», ГТРК радио, на депутатском канале (радио «Слово»), ТВ «Вести-ГТРК», 10-м канале, ЦОС СО РАН.

Работа конференции открылась пленарным заседанием, состоявшимся 3 октября (8 докладов). В приветствии участникам конференции директора Института культурологи, д-ра искусствоведения, профессора К.Э. Разлогова, в частности, отмечалось: «В последние полтора десятилетия произошли радикальные изменения как в обществе, так и в музейном деле. В музейном пространстве сегодня функционируют совершенно новые и чрезвычайно многообразные типы и виды музеев, предлагающие новый «музейный продукт». Потребитель этого «продукта» – музейный посетитель – сегодня также иной, чем в XX в. Сегодня признается безусловная роль музея в формировании самосознания личности и социума, однако современные знания о путях и механизмах этого процесса далеко не достаточны для обеспечения его результативности. Представительность форуму, собравшего сегодня в Новосибирске специалистов из многих регионов России, показывает осознание музейным сообществом своей ответственности за этот процесс. Мы надеемся, что намеченное обсуждение будет способствовать продвижению музейного сообщества вперед в этом важном деле».

4 октября параллельно работали три секции: «История создания, развития и функционирования музеев в современный период», «Информационные технологии и социокультурные новации в музейном деле», «Изучение и презентация научного и историко-культурного наследия». В рамках конференции состоялись мастер-классы: «Работа с Порталом музеев СО РАН» под руководством ведущих сотрудников Информационно-вычислительного и коммуникационного центра (ИВТЦ) Новосибирского государственного университета Н.Л. Паниной и Т.Е. Алексеевой), «Новые формы музейной деятельности» под руководством канд. ист. наук руководителя Музея науки и техники СО РАН Н.Н. Покровского. Были проведены экскурсии в Музей СО РАН, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Историко-архитектурный музей под открытым небом, Центральный Сибирский геологический музей, Новосибирский

* Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / под ред. В.А. Ламина, Н.М. Щербина. Новосибирск, 2011. 398 с.

художественный музей, Новосибирский государственный краеведческий музей. Конференция завершилась проведением круглого стола «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения».

Участниками конференции были высказаны предложения по дальнейшему развитию музейного дела в России и Сибири. Несмотря на экономические трудности сегодняшнего дня, музейное дело в Сибири не только не утратило своих позиций, но и приобрело новый импульс: значительно вырос уровень теоретической подготовки музейных сотрудников, проводятся профильные конференции, развиваются исследования по основным направлениям деятельности музеев. Участники конференции отметили высокий уровень представленных докладов, тематика которых актуальна для отечественной истории культуры и музейного дела, подчеркнули важность усиления научно-исследовательской составляющей в деятельности музеев всех типов и профилей с целью актуализации регионального историко-культурного наследия. Музейному совету РАН и Научному совету по музеям СО РАН было предложено начать работу по созданию рецензируемого научного журнала по проблемам музееведения на базе альманаха «Музеи Российской академии наук».

Особое внимание обращалось на повышение эффективности деятельности в области сохранения музейных фондов. Подчеркивалось, что сегодня от музейной и научной общест-венности, органов местной власти требуется разработка специальных, в том числе совместных программ по изучению музейной аудитории с целью увеличения доступности музеев для посетителей различного образовательного уровня, национальной, конфессиональной и прочей принадлежности. В этой связи был одобрен совместный проект Российского института культурологии и Института истории СО РАН «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» и высказано пожелание о разработке предложений по созданию в Научном совете по музеям СО РАН Центра музейных технологий для изучения и интеграции современных технологий в сфере музейной теории и практики в деятельность российских музеев.

На конференции обсуждалась концепция Музея Сибири, в создании которого приглашаются принять участие все музеи региона. Было решено ходатайствовать перед руководством РАН о приравнивании музейной работы в области научного комплектования, описания и хранения коллекций к научно-исследовательской деятельности, если она подтверждена соответствующими публикациями (в том числе экспозиционными), и внесении соответствующего раздела в форму для расчета ПРНД (показателя результативности научной деятельности). Руководителям музеев надлежит активнее использовать различные формы поощрения сотрудников (Почетные грамоты, дипломы, почетные звания).

Деятельность конференции показала, что необходимо развивать координацию деятельности музеев Российской Академии наук на базе информационных порталов. Актуальными задачами следует считать подготовку академической многотомной истории музеев Сибири, региональных музейных энциклопедий, а также активное использование деятельности Комитета музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона для интеграции российских музеев в мировое музейное сообщество. Участники конференции единодушно признали организацию конференции со стороны Института истории СО РАН целесообразной и креативной и выразили благодарность сектору «Музей СО РАН» за хорошую организацию проведения конференции, своевременную подготовку материалов и интересную культурно-познавательную программу.

Музеи Сибири являются держателями бесценных собраний по истории края, его природных богатств, свидетельств его многоликой культуры. Музейное дело в Сибири прочно утвердилось в ведомственной, школьной, вузовской и академической среде. Подобные конференции позволяют формировать коммуникационное пространство для обмена опытом, обсуждения проблем музееведения. Показателем успеха конференции явилось решение проводить Всероссийскую конференцию «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» раз в три года.

*канд. ист. наук Н.М. Щербин,
канд. ист. наук О.Н. Шелегина,
канд. ист. наук Г.М. Запорожченко,
Институт истории СО РАН, Новосибирск*

НОВЫЙ ТОМ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Документальная серия «Полярная звезда» была задумана в середине 1970-х гг. как необходимый инструмент для исследований профессиональных историков, но очень скоро превратилась в издание, нужное всем, кому небезразлична судьба Отечества во всей ее полноте — с прошлым, настоящим и будущим. На страницах ее томов читатель встречается с людьми очень разными, с их взглядами, пристрастиями, ошибками, заблуждениями, но с искренней верой в право своей страны на лучшее будущее.

Сложившаяся традиция восприятия истории общественной мысли и культурной жизни России XIX в. утвердила в сознании многих поколений русского народа взгляд на

декабриста как на некий нравственный образец. И то обстоятельство, что на протяжении многих лет это оставалось неизменным (акцентирование одних сторон и замалчивание других в разные периоды в целом на данное явление существенно не влияли), подтверждает правильность этой традиции. Декабристы, в той или иной степени, были и остаются нужными и консерваторам, и либералам, и радикалам. От них не захотели (или не смогли) отмахнуться ни при каких режимах в России, а представители различных политических течений продолжают либо апеллировать к их взглядам, делам и примеру, либо полемизировать с ними. Феномен декабристов стал неотъемлемой частью общекультурной истории

России, причем частью живой, продолжающей оказывать весьма заметное влияние на русское общество. Поверить или не верить им, признать их подвиг или отвергнуть его – это уже наше право. Но как бы мы сегодня ни относились к декабристам, одно несомненно: это были люди, сами выбравшие свой путь, люди, которые никогда не были бессловесными пешками в политической игре ни в современной им России, ни в России, современной нам. Вышедший в юбилейные для Иркутского музея декабристов дни (его 40-летие) очередной, 27-й том посвящен одному из этих людей – Артамону Захаровичу Муравьеву*.

А.З. Муравьев происходил из многочисленного старинного рода, ведущего свое начало с XVI в. и давшего своей стране немало талантливых военачальников, государственных деятелей, религиозных и светских просветителей. Это предопределило и род занятий А.З. Муравьева – военная служба, и круг духовных интересов – литература и политические учения, и обостренное чувство справедливости. Патриотическое воспитание довершила Отечественная война 1812 г. В составе оккупационного корпуса М.С. Воронцова до 1818 г. он находился во Франции, где на практике познакомился с некоторыми немислимыми в то время в России политическими институтами и общественными отношениями. Возвращение Муравьева на родину совпало с периодом интенсивной деятельности тайных обществ, поиском молодыми реформаторами путей и форм грядущих преобразований, и он, благодаря своему родству с наиболее активными участниками этой деятельности, сразу оказался в гуще событий. Ощущение своей причастности к грандиозным событиям, изменяющим мир, сформированное у многих молодых людей его поколения участием в военных кампаниях и усиленное приверженностью к романтической литературе, предопределили его вступление в тайное общество. А особенности характера (пылкость, порывистость, некоторая склонность к рисовке) и склад мышления (более импульсивный, чем философский) определили его место в декабристском движении – не столько мыслителя, сколько побудителя к активным действиям (планы цареубийства, скорейшего выступления).

Он и в Сибири предпочитал конкретные, рукотворные дела: работал за токарным станком, присланным его женой, помогал своему товарищу – декабристу доктору Ф.Б. Вольфу в изготовлении необходимых лекарств на каторге, пытался организовать предпринимательское производство по заготовке омуля и был великолепной сиделкой для всех заболевших товарищей на поселении. Чувство вины перед родными за те лишения, которые принесло им его осуждение, разлука с женой и сыновьями, смерть двоих из них, которую он вынужден был пережить вдали от близких, в значительной мере изменили его внутренний мир. Привычно-обиходное отношение к религии, свойственное воспитанным на просветительской литературе людям первой четверти XIX в., сменилось глубокой религиозностью, стремлением постичь тот урок, который, как ему казалось, послало Провидение. И все же, несмотря на все превратности и горести, тяжелую болезнь, Артамон Захарович сохранил природное жизнелюбие и доброе отношение к окружающим и запомнился

всем, кто встречался с ним в Сибири, своим добродушием, веселым заразительным смехом, в том числе и над самим собой, готовностью прийти на помощь всем, кто нуждался в этом. Он скончался 4 ноября 1846 г. и был похоронен в Большой Разводной рядом с А.П. Юшневским. В 1952 г. при строительстве Иркутской ГЭС его прах был перенесен на Амурское (Лисихинское) кладбище Иркутска.

Нельзя сказать, что жизнь и деятельность А.З. Муравьева не привлекали внимание историков. Практически ни одно исследование, посвященное истории Южного общества декабристов, не обходилось без упоминания его имени в связи с планами подготовки вооруженного восстания и анализа причин, заставивших его отказаться поддержать восставший Черниговский полк. В трудах сибирских историков, изучавших перипетии жизни декабристов в ссылке, обязательно присутствуют эпизоды его биографии. Однако задача, за разрешение которой взялась петербургская исследовательница Татьяна Георгиевна Любарская, оказалась в чем-то даже более трудной, чем у тех, кто обратился к судьбам более известных декабристов. Ей пришлось не только реконструировать биографию А.З. Муравьева, вписать его в декабристское сообщество, но и раскрыть неповторимые особенности его личности, создать, если и не прописанный полностью, то вполне достоверный психологический портрет с «лица не общим выраженьем». Основная сложность заключалась в том, что Муравьев не оставил ни публицистических, ни художественных произведений, не вел дневников и не писал мемуаров. Все основные события его жизни, мысли и чувства нашли отражение лишь в его письмах.

Большинство писем, обнаруженных автором в архивах Санкт-Петербурга (Пушкинский Дом), Москвы (ГАРФ, РГБ, ОПИ ГИМ), Красноярска, носят личный характер и адресованы его жене Вере Алексеевне. Первоначально предполагалось, что она приедет в Сибирь, было получено разрешение и уже обсуждались условия предстоящего путешествия с учетом опыта тех женщин, которые приехали раньше. Однако запрет брать с собой детей, болезнь, а затем и смерть двух мальчиков, страх за судьбу единственного оставшегося в живых сына сделали приезд невозможным. Письма А.Г. Муравьевой, М.Н. Волконской, Е.И. Трубецкой и М.К. Юшневской, написанные ей от имени и по поручению мужа, раскрывают мир повседневной жизни декабристов на каторге – их занятия, заботы, бытовые условия. В известной мере они подрывают появившийся в последнее время новый «миф» об удивительной «снисходительности императора» и «иллюзорности самого понятия каторга» применительно к декабристам и одновременно убедительно свидетельствуют о справедливости «мифа» старого – о декабристском братстве, не разрушаемом ни разностью характеров, ни различиями во взглядах.

Есть еще один аспект декабристведения, не слишком популярный в недавнем прошлом; к нему довольно активно, хотя и не очень успешно, стали обращаться в последнее время – это религиозность Артамона Захаровича. Практически все декабристы были верующими, однако религиозные воззрения многих из них были далеки от ортодоксальности. В известном смысле А.З. Муравьев относился к их числу. Даже потрясение от смерти сыновей, усилившее его религиозность, не изменило его убеждения в том, что вера должна быть «более просвещенной».

Введение в научный оборот нового комплекса эпистолярного наследия еще одного из декабристов не просто

* *Муравьев А.З. Письма* / Изд. подг. Т.Г. Любарской. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2010. 528 с.: илл. – (Серия «Полярная звезда»).

добавляет несколько новых штрихов к их жизни после осуждения на «политическую смерть», но и позволяет объяснить некоторые, неразрешимые прежде, загадки. Так, сообщая М.И. Муравьеву-Апостолу о смерти в Акатуе своего кузена Михаила Лунина, раскрывая подробности его тюремного быта и обстоятельств, при которых обнаружилась его кончина, Муравьев рассказывает и о том, что происходило после: «Так как доктора долго ждали, то тело его нагое лежало где-то в сыром чулане, так что когда брали его оттуда дабы вскрыть, голова примерзла к земле и топором отрубали волосы, чтобы их отделить». Это сообщение объясняет и возникновение легенды о том, что местный лекарь, «за неимением нужного инструмента, разрубил Лунину голову топором», и сомнения историков в том, что при столь грубо проведенном вскрытии можно правильно определить причину смерти.

Письма, публикуемые Т.Г. Любарской в новом томе, отличаются еще одной особенностью. Значительная их часть написана не самим Муравьевым, а либо под его диктовку, либо с его заметок, либо исходя из общего контекста его пожеланий спустя какое-то время – женами его друзей. Именно женщины сумели разрушить так тщательно создаваемую властями изоляцию декабристов от общества, поскольку им не запрещалась переписка, и не только с родными, но и с другими лицами. Конечно, она тщательно контролировалась. В одном томе собрана переписка, на протяжении нескольких лет связывавшая только одно семейство, – всего 343 письма. Это – свидетельство прежде всего одного из декабристов о событиях, в которых ему довелось участвовать. Сегодня письма стали достоянием тех, кому интересно прошлое нашей страны.

*канд. ист. наук Т.А. Перцева,
Иркутский государственный университет*

ПАМЯТИ МИХАИЛА БОРИСОВИЧА ШЕЙНФЕЛЬДА

25 сентября 2011 г. на 89-м году ушел из жизни известный сибирский историк, профессор М.Б. Шейнфельд. Михаил Борисович принадлежал к представителям военного поколения советских людей, в судьбе которых война оставила неизгладимый след. Он встретил ее на передовой в качестве рядового 5-й гвардейской танковой бригады Западного фронта. В бою под Наро-Фоминском он получил тяжелейшее ранение, после которого вынужден был до весны 1943 г. лечиться в госпиталях. За мужество, проявленное в боях, М.Б. Шейнфельд был награжден орденами Отечественной войны I и II степеней и медалями.

Михаил Борисович проявил неимоверную силу духа, чтобы преодолеть последствия ранения, сделавшего его инвалидом I-й группы: в 1943 г. он поступил на исторический факультет Томского университета. Годы учебы в этом старейшем вузе Сибири стали, по его собственному признанию, настоящей школой профессионального мастера.

После окончания университета в 1948 г. М.Б. Шейнфельд был направлен в Красноярский государственный педагогический институт, в котором и проработал вплоть до своего выхода на пенсию в 1986 г. За четыре с лишним десятка лет он сформировался в крупного специалиста в области отечественной истории и историографии, обладавшего широкой эрудицией, блестящей теоретической подготовкой, владевшего богатой палитрой методов научного исследования. Эти качества ученого проявились уже в его кандидатской диссертации «Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.)», успешно защищенной в 1955 г. По сути, она стала в те годы первым научным исследованием политической борьбы в Сибири на раннем этапе становления советской власти, автором была

вскрыта связь данного этапа с последующими событиями Гражданской войны. Эта тема получила свое развитие в публикациях ученого 1950–1960-х гг., в том числе в многотомной работе «История Сибири», в которой М.Б. Шейнфельдом совместно с такими видными советскими историками, как Л.М. Горюшкин, Д.М. Зольников и В.Л. Соскин, была написана II глава 4-го тома.

В дальнейшем научные интересы Шейнфельда существенно расширяются. В 1960-е гг. ученый обращается к вопросам историографии Сибири. Первыми его работами в этом направлении стали статьи, посвященные научному творчеству историков-марксистов В.А. Ватина-Быстрянского и А.Г. Шлихтера. Они дали толчок к расширению круга историков, в который постепенно входят и представители немарксистского направления – А.А. Кауфман, В.И. Семевский, историки народнического и областнического направлений. Так постепенно выкристаллизовывалась новая исследовательская проблематика, связанная с историографией Сибири XIX – начала XX в. По признанию самого ученого, она привлекала «возможностями глубоких научных обобщений, своеобразием преломления в развитии исторической мысли различных теорий общественного развития и исторического познания». Завершающим этапом этой работы стал выход в 1973 г. монографии «Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.)», послужившей основой для докторской диссертации, защищенной в том же году в Томском университете.

Научная ценность названного труда не утратила актуальности и для современного историка благодаря своей фундаментальности (в него были включены не только опубликованные труды историков, но и их рукописные работы из 22 фондов местных и центральных архивов), глубине анализа творческого наследия ученых, принадлежавших к разным школам и научным

направлениям. Главным методологическим отличием исследования Шейнфельда, по сравнению, скажем, с научными трудами другого видного историографа Сибири – В.Г. Мирзоева, является глубина философско-теоретического осмысления истории не только как науки о прошлом человечества, но и как «формы самопознания человеческого общества, извлечения опыта, обучения на уроках истории прошлого и истории современности». Отсюда и внимание ученого не только к трудам представителей, так сказать, «чистой» историографии, но и историко-публицистическим, историко-статистическим, историко-этнографическим исследованиям.

Конечно, в основу историографического анализа Шейнфельда были положены классово-партийные критерии: подразделение на главные социально-политические направления исторической мысли – марксистско-ленинское, буржуазное и мелкобуржуазное, что было естественным для советской исторической науки, однако в своих конкретных заключениях и обобщениях автор зачастую выходил за указанные рамки, отражая внутреннюю сложность и неоднозначность историографических явлений. Ученому всегда был чужд дух начетничества. В его трудах историки немарксистского направления позиционируются как живые, поглощенные поиском истины люди, в мировоззрении которых сложно и порой драматично преломлялись консервативные и демократические идеи.

Логическим продолжением изучения историографии Сибири на досоветском этапе для Шейнфельда стало обращение к анализу научного наследия историков, чье творчество совпало с переходом к советскому этапу историографии. Его перу принадлежат монография о видном исследователе Сибири – члене-корреспонденте АН СССР С.В. Бахрушине и цикл статей об оригинальном, но малоизвестном историке Н.Н. Козьмине.

Наряду с проблемами истории и историографии Сибири значительное место в научном наследии Михаила Борисовича занимали вопросы источниковедения. Большую ценность представляет изданный под его редакцией сборник документов «Красноярский Совет. Март 1917 – июнь 1918 гг. Протоколы» (Красноярск, 1960).

Михаил Борисович являл собой блестящий пример творческого долголетия. Даже после выхода на пенсию он продолжал научную деятельность. В сложное для исторической науки время на рубеже XX–XXI вв., когда рухнули столпы марксистско-ленинской методологии, многие даже молодые историки оказались просто парализованы страхом перед самостоятельным плаванием в море методологических проблем. Другие восприняли свободу научного поиска как свободу от методологии, от надоевших «измов», кто-то бежал от них, зарываясь в спасительную фактографию, кто-то оставался верным научной старине. Лишь для немно-

гих это время стало обретением подлинной свободы научного мировоззрения. Михаил Борисович оказался внутренне готов к переменам. В начале 2000-х гг. выходят в свет его работы «Методологические дискуссии в отечественной исторической науке (60–90-е гг. XX в.» (Красноярск, 2003) и «Методология истории» (Красноярск, 2005), в которых историк подводит итоги теоретико-методологических поисков в отечественной историографии. В этом же ряду стоит и его обширная статья, посвященная видному советскому историку М.Я. Гефтеру (История и историки. М., 2010). Эти последние работы ученого отмечены не только присущей его творческой манере аналитической глубиной и человеческим тактом, мудростью в оценке вклада коллег в науку, но и удивительным оптимизмом, верой в то, что историческая наука способна дать истинное знание обществу о себе самом.

Нельзя не сказать о педагогической деятельности Михаила Борисовича. Его лекции всегда отличались высоким профессионализмом. Он умел, не упрощая, преподавать сложнейший для восприятия студентов курс «Методологии истории» так, что он был не только понятен, но побуждал к самостоятельному творчеству. Как педагог, Михаил Борисович пользовался исключительным уважением в студенческой среде, несмотря на то, что всегда оставался требовательным и не искал дешевой популярности. Для студентов и аспирантов он являлся воплощением академической культуры: всегда точный, пунктуальный, не допускавший какой-либо расхлябанности, небрежности, особенно в отношении к делу, и вместе с тем доброжелательный, деликатный, готовый всегда поделиться секретами профессионального мастерства и с уважением относящийся к достоинству своих учеников.

Много лет Шейнфельд руководил аспирантурой при кафедре отечественной истории Красноярского государственного педагогического института. Под его руководством защищено восемь кандидатских диссертаций и две докторские. Он являлся членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, немало соискателей были благодарны ему за советы и помощь. Можно без преувеличения сказать, что на факультете сложилась школа Шейнфельда, ученики которой продолжают развивать заложенные им исследовательские методы и традиции.

Михаил Борисович всегда пользовался среди коллег непререкаемым моральным авторитетом и как ученый, и как человек. Нередко апелляция к его мнению была весомым аргументом, который решал исход какого-либо спора, примирял разногласия. Имя Шейнфельда было известно далеко за пределами Красноярска, являясь своего рода эмблемой красноярских историков. Михаил Борисович оставил в сердцах всех, кто его знал, неизгладимую память и самые теплые чувства.

Коллеги, ученики

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА БОЙКО

14 сентября 2011 г., не дожив пяти дней до своего 85-летия, ушел из жизни Владимир Иванович Бойко — известный сибирский ученый, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, первый директор Института философии и права СО РАН, председатель Региональной межведомственной комиссии Совета Министров РСФСР по координации исследований проблем развития народностей Севера, заместитель председателя бюро Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, заместитель председателя Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека, заместитель заведующего Международной кафедры ЮНЕСКО «Устойчивое развитие, науки об окружающей среде и социальные проблемы» НГУ и СО РАН.

Владимир Иванович стал основателем сибирской этносоциологической школы и может по праву считаться крупнейшим специалистом в области исследования социальных процессов и эффективности форм социального управления и проблем развития малочисленных народов Севера.

Владимир Иванович родился 19 сентября 1926 г. в с. Бердск Новосибирского округа Сибирского края. Окончил факультет «Эксплуатация железных дорог» Новосибирского института военных инженеров транспорта (1949) и Академию общественных наук (АОН) при ЦК КПСС (1965). Работал в сфере железнодорожного транспорта и в партийных органах. С Сибирским отделением Академии наук В.И. Бойко связывало почти полвека активной научной и организационной деятельности. Свой путь в науке он начал в 1965 г. старшим научным сотрудником в Отделе гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства. Вместе с академиком А.П. Окладниковым принимал участие в создании Института истории, филологии и философии СО АН, был первым его ученым секретарем. Прошел путь до заместителя директора и, наконец, стал организатором и первым директором Института философии и права (1991–1996). С 1996 г. В.И. Бойко являлся советником РАН и руководителем группы этносоциального мониторинга Института археологии и этнографии СО РАН.

С именем Владимира Ивановича связано становление самостоятельного научного направления комплексного изучения проблем социального развития народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях интенсивного промышленного освоения территорий их проживания. На основании разработанных им теоретико-методологических принципов проводились и успешно реализовывались проекты исследования проблем социального развития Тувы, Якутии, Хакасии, а также народов Нижнего Амура, Сахалина, зоны БАМ и других регионов с последующими практическими предложениями по решению конкретных проблем.

В.И. Бойко на протяжении десяти лет возглавлял Межведомственную комиссию по координации исследований проблем развития народов Севера (КИНС). Результатом ее работы стали 15 монографий и сборников статей, многочисленные доклады в органы управления, послужившие основанием для принятия ряда специальных правительственных решений. Под непосредственным руководством Владимира Ивановича была разработана первая комплексная прогнозная концепция развития малочисленных народов Севера, приняты программы развития коренных народов и автономных округов, разработаны основы государственной программы развития народов Севера.

До последнего дня Владимир Иванович поражал широтой кругозора, целеустремленностью, гибкостью мышления и творческой интуицией, что позволяло ему принимать активное участие в масштабных научно-исследовательских проектах, посвященных самым актуальным проблемам исследования современного российского общества.

Для Владимира Ивановича были характерны простота в общении, доброжелательность и чуткость к людям, независимость от рангов, он сочетал в себе черты талантливого организатора науки, увлеченного ученого и внимательного учителя. Он оставил о себе память как создатель и идеолог сибирской этносоциологической школы, воспитавший целую плеяду талантливых ученых.

Добрая память о Владимире Ивановиче Бойко навсегда останется в наших сердцах.

*Сотрудники Института философии
и права СО РАН,
Новосибирск*